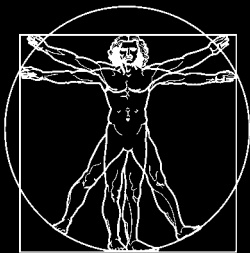

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

& ТЕАТР

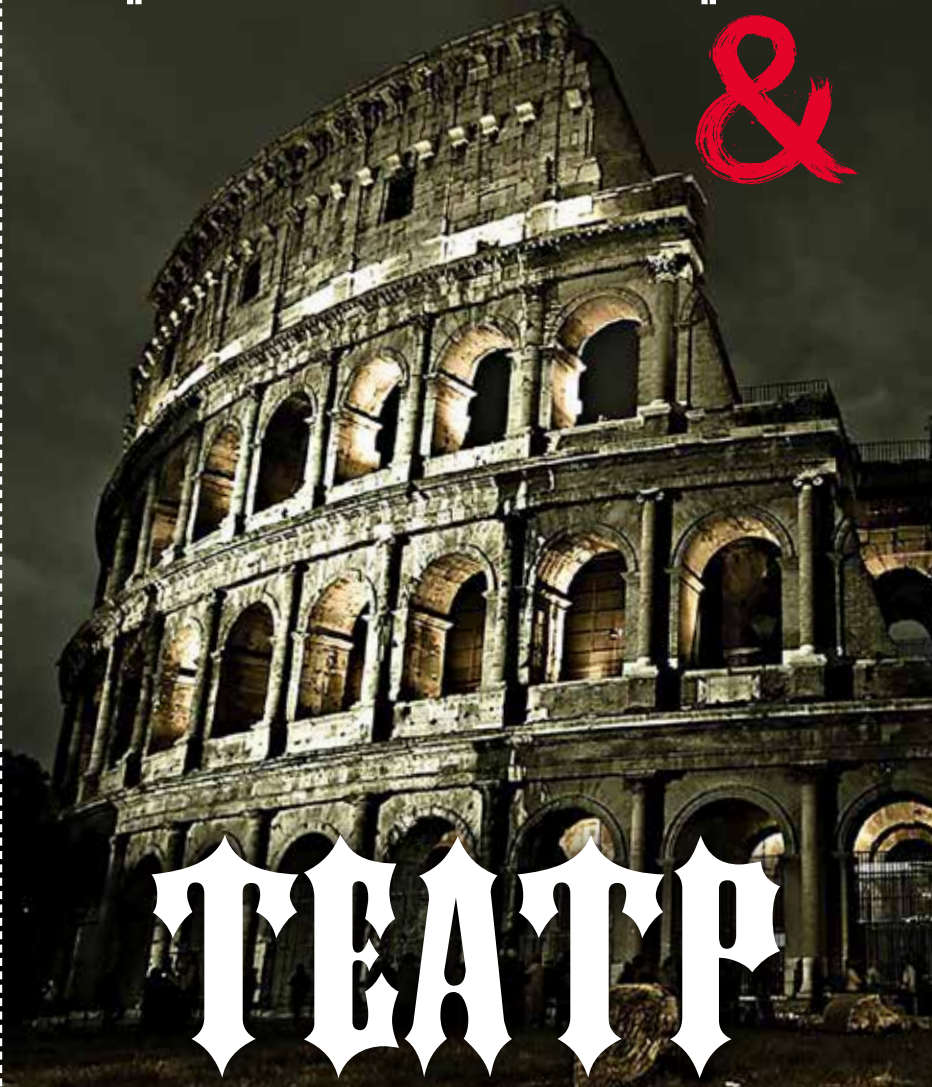

ISBN 978-5-98797-339-4
9 785987 973394 >

ЦИФРОВИЗАЦИЯ & ТЕАТР

ЦИФРОВИЗАЦИЯ

&

ТЕАТР

проф. Преображенский

ИМПРОВИЗАЦИЯ
&
ТЕАТР

Издательский Дом
«Русская Арктика»
2023

УДК 304.4
ББК 85.33
Ц75

*Сия книга издана
благословением Преосвященного Иакова,
епископа Нарьян-Марского
и Мезенского*

2023 год от Р. Х.

ISBN 978-5-98797-339-4

© ИД «Русская Арктика», 2023

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Странные события иногда происходят, господа, на белом свете. В числе докладов и статей, представленных на Конференции «Благословенный Север» (май 2022 года, московская штаб-квартира Русского географического общества), оказалась папка, озаглавленная весьма необычно: «Цифровизация и Театр». Признаюсь: знакомство с материалом оказалось трудным. Во-первых, парадоксальна сама тематика. Во-вторых, беспрецедентна смелость идей. В-третьих, выводы... Прочитал с интересом. Второй раз – внимательно. Ещё раз – размышляя. Много, очень много в строках – и между строк...

Однако какое отношение Цифровизация и Театр имеют к Северу? Но, поразмыслив, понял: имеют. Материал надо принять и опубликовать. Почему? Во-первых, потому, что он важен, очень. Во-вторых, Север – это Полюс, а на Полюсе все меридианы сходятся! Даже меридианы Цифровизации и Театра. И в-третьих, по-человечески, просто обязан оправдать доверие.

Именно поэтому Издательский Дом «Русская Арктика» вносит свою посильную лепту в общее дело – издаёт книгу «Цифровизация и Театр» за подписью, означившей рукопись: «проф. Преображенский» (кто бы он ни был), – во славу Божию, на благо Отечества и, надеюсь, к пользе духовной взявшего сию книжицу в руки.

ЕПИСКОП НАРЬЯН-МАРСКИЙ И МЕЗЕНСКИЙ

Немного из истории занимательной математики

Пожалуй, самое популярное слово в современном мире – «цифровизация»; и, соответственно, самый популярный термин – «цифровые технологии». О Цифровизации говорят все: чиновники, промышленники; конечно же, – банкиры, деятели искусства, военные, медики, преподаватели – все, буквально все. Речи и устремления цифровизаторов, на первый взгляд, только о том, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселей». Цифровизация обретает для человека, живущего в XXI веке, не просто универсальный смысл и значимость. Её провозгласили главным инструментом в достижении целей, которые поставила перед собой современная человеческая цивилизация, стремительно превращающаяся в цивилизацию «нечеловеческую». Предмет нашего исследования не только собственно Цифровизация. Изучая метод, избранный теми, кто олицетворяет власть в государствах, определяющих развитие общества

в глобальных масштабах, то есть «цифровизацию», постараемся описать и цель, ради достижения которой методу («цифровизации») придаётся поистине беспрецедентная функция: быть ключевым орудием во всех сторонах человеческой деятельности. Скажем кратко: анализ средства должен привести нас к пониманию цели.

Чтобы ответить на вопрос, в чём заключается суть «цифровизации», потребуется совершить экскурс, хотя бы предельно краткий, в область исторических сведений о цифрах. В конце концов, «цифровизация» происходит от «цифры».

Цифры – это счёт.

Современная историческая наука связывает появление нумерации, то есть само понятие «счёт», с возникновением собственности. Нетрудно понять, что это утверждение представляет собой результат изучения и осмысления, без всякого преувеличения, всего: от математики как таковой до философских категорий, – то есть речь идёт о содержании, о сути цивилизации, о самом важном в культуре и жизни людей. Такая концепция является общепринятой; данный тезис для абсолютного большинства есть констатация очевидного факта. Археологи, демонстрируя найденные артефакты, весьма наглядно иллюстрируют, как, по их мнению, начался процесс: с умения считать домашних животных. Это привело человека к способности делать строительные расчё-

ты, возведению жилищ, храмов, дворцов, вообще градостроительству и прочим сложным и очень сложным произведениям человеческого разума, знаменующим устремление людей, цивилизации, в этом делании к Небесам. Причём такая формулировка не метафора, и речь здесь не о достижениях космонавтики XX–XXI веков. Гомер в «Одиссее» повествует о сыновьях Посейдона, замысливших «штурмом взять небеса». К Небу устремлены пирамиды Гизы, Юкатана; достичь Небес было главной целью Шумера. И не только.

Марксизм занимался именно этим – в плане, конечно же, богоборчества. Карл Маркс в своём письме от 12 апреля 1872 года к Людвигу Кугельману буквально сформулировал задачу: «...штурмовать небо». V Съезд Комсомола (11–17 октября 1922 года) направил свой «Привет Ильичу», завершившийся словами: «Комсомольская Россия всегда будет готова по Вашему призыву „штурмовать небо!“». Это не случайность. Выражение «штурмовать небо» стало общеупотребительным как характеристика деятельности европейских революционеров 1848 года. Анализируя достижения человеческого гения, прослеживая пути цивилизаций, исследователь неизбежно приходит к выводу: люди ещё в глубокой древности избрали математический метод, чтобы проложить путь к Небесам, вернуть себе Небо. Математика есть путь в бесконечность;

она своим существованием свидетельствует об осмыслении целей бытия homo sapiens: личности, семьи, племени, города, государства, человечества, мира. Но более подробно об этом будет сказано чуть позже.

Как известно, колыбель современной цивилизации – Междуречье.

Древний Шумер изображал важнейший числовой символ – её величество Единицу сначала в буквальном смысле материально, грубо и зримо: в виде конуса, глиняного конуса, основанием которого служила окружность. (Заметим по ходу дела: в двухмерной проекции, то есть на плоскости, конус будет выглядеть как треугольник.) Письменной, знаково универсальной проекцией конуса на глиняную табличку (плоскость) стал всем, наипаче же археологам, известный значок «клин», давший название древнейшей системе письменности: «клинопись». Введение этого символического обозначения, фактически возникновение письменности, клинописи, означило настоящую революцию. Человечество получило универсальный инструмент, с помощью которого был совершён грандиозный цивилизационный прорыв. Если до того люди могли лишь фиксировать наличие предметов, печатлея их число зарубками и отметинами на палке, кости, камне, сопрягая эти отметины со временем нанесения, то отныне стали возможными действия

с численностью. Появилась возможность отнимать и прибавлять: то, что мы сегодня называем Арифметикой.

Учёные задаются вопросом: почему пять тысяч лет тому назад шумерская цивилизация поставила перед собой задачу: превратить единицу в символ и изобрести, придумать арифметику? Одной из догадок (скажем прямо, не совсем удачной) в попытке решить эту задачу служит предположение, что ответ кроется (якобы) в банальном увеличении населения, – речь идёт, конечно же, о Шумере. Но на самом деле здесь должно говорить о становлении государственности (это важно! – п. П.) Шумера.

В качестве модели, которая призвана помочь исследователю уяснить содержание и смысл начального этапа Цифровизации, учёные мужи приводят примеры, подобные следующему. В языке австралийского племени варлпири, малочисленного и живущего в полной изоляции от современного социума, до сего времени нет слов, обозначающих числительные, – есть только слово «один»; то есть ментальность племени знает лишь единицу. Даже расстояние своих странствий племя варлпири измеряет в песнопениях, производных от мифологических гимнов этого родового сообщества.

На минуту прервём повествование «из истории занимательной математики» в её эволюционном,

линейном варианте – скажем о том, что подавляющему большинству читателей представляется совершенно понятным: варлпири – «просто дикари». Это как будто абсолютно всё проясняет и даже в какой-то степени служит предупреждением: лучше не останавливаться на приведённом примере «из жизни современных австралопитеков». (В конце концов, не будем забывать, что жупел нынешнего времени – «толерантность» и всё такое.) Может быть, правильнее будет только упомянуть известный факт исключительно в историко-лингвистическо-математическом контексте – и пойти дальше? Тем более, что подлежащее для чтения из области «истории занимательной математики», как явствует уже из самого именованного предмета исследования, обещает быть интересным.

Но случай с племенем варлпири очень (очень! – п. П.) многозначен и важен. Он побуждает поразмыслить о том, что математика (подобно всему остальному – sic!) сопряжена (на самом деле сопряжена. – п. П.) со *временем* как некой тварной субстанцией, в свою очередь служащей вместилищем всего тварного. Судя по всему, варлпири до настоящего времени не утратили понимания этого важного аспекта человеческого бытия. Увы, судя по всему, мы, современные образованные люди, это ощущение, понимание сей данности и нашей жизни и бытия мира как физической реальности – уже

потеряли. По крайней мере, математика и её математические истины (звучит довольно комично*) мыслятся нами вневременными и в полном смысле этого слова вечными. Хотя – и это нетрудно заметить – сами арифметические действия, даже элементарные, буквально заставляют нас производить подсчёты, решать цифровые задачи, считать в математическом времени, то есть мыслить в математической реальности.

Варлпири, до сих пор измеряющие расстояния песнопениями и притом не умеющие считать, понимают это даже в обыденном течении событий; мы, строящие синхрофазотроны, – нет. Про временной вектор нашей жизни и бытия мира, совсем не определяемого и не описуемого трёхмерной системой пространственной модели, к которой мы так привыкли, иногда – лишь теоретически – рассуждают учёные мужи в университетских аудиториях, что, в общем-то, очень далеко от настоящей жизни. Так

---

*То, что мы называем Истиной (или Правдой), главным своим содержанием имеет духовную, нравственную константу. Строго говоря, любая, даже самая очевидная математическая формула сама по себе абстрактна и не имеет никакого отношения к Истине как таковой. Связь (опосредованная, но в то же время очень важная) появляется лишь тогда, когда формула помогает соблюсти справедливость в отношении кого-либо: например, в суде при доказательстве невиновности или установлении факта вины человека.

кто же умнее – и глупее: мы или варлпири? Ведь они, оказывается, всегда поют о том, что видят, – по-настоящему о главном...

Заметим по ходу дела: умных и простодушных, и бедных судят и приговаривают – нередко к высшей философской (и не только) мере – хитрые и глупые*, и богатые. Но об этом всегда было опасно рассуждать, а в наше «просвещённо-толерантное» время – и подавно...

В отличие от варлпири, шумеры, как и мы сейчас, являлись цивилизованным обществом; были весьма многочисленны, жили в городах, имели вполне отлаженную социальную, экономическую, религиозную, государственную организацию – а это требует чёткой системности, то есть порядка, во всём: сборе и распределении продуктов, упорядочении трудовых обязанностей, подсчёте налогов и так далее, и так далее – абсолютно во всём. Историки науки делают однозначный вывод: именно поэтому шумеры придумали единицу как основу и главенствующий организационный принцип. Они и изображали единицу сначала в виде глиняного конуса (трёхмерный предмет), а потом и на письме – в форме клина. Археология наглядно иллю-

---

* Глупость есть категория греха; злые люди могут быть очень хитрыми, сообразительными к собственной выгоде, но они при этом всегда глупы.

стрирует этот процесс: найденные при раскопках глиняные мешочки с определённым числом конусов внутри с некоторого времени стали иметь соответствующие метки на внешней поверхности мешочка – глиняной мошны. Это позволило археологам, и не только им, сделать очевидные и понятные для всех выводы.

Кстати, такая технология сама по себе весьма интересна: она представляла собой своеобразную защиту «вклада». Конусы, естественно, помещались в мошну из свежей, то есть мягкой, глины. Мошна запечатывалась, для этого достаточно было просто смять края отверстия, сложив их вместе. Глина затвердевала. Всё, хранилище начинало выполнять свою функцию; при этом отметины – клиновидные отпечатки на внешней поверхности такого мешка-хранилища показывали наличие и меру содержимого. Извлечь конусы – и произвести меновую или финансовую операцию можно было только разбив затвердевшую глину.

При таком взгляде на развитие цивилизации логично будет предположить, что цифры появились прежде, чем возникла письменность. Однако это противоречит самой природе человека. Слово не только «было» в начале: так есть – и будет всегда. Некоторые языки сохранили интересную особенность: одно и то же слово (здесь правильнее говорить о лексеме) означает и словесное речение, и

понятие численности. Так, например, обстоит дело в английском: там слово *tale* – это и сказка, басня, сплетня, и в архаичном употреблении – счёт, число, численность. Ещё более наглядно это демонстрируют культуры, в которых цифры обозначались буквами, а числа, соответственно, сочетанием букв. В конце концов, «в начале было слово» (Ин. 1, 1). И это не столько утверждение, сколько констатация – абсолютно неоспоримая, потому что является очевидным фактом, отражающим сущность природы человека.

Но вернёмся к реалиям изучаемых исторических процессов: Цифровизации жизни – и мира. Когда в Междуречье стали делать клинописные обозначения численности, это означало следующее: отныне шумерские чиновники могли фиксировать свои вычисления-подсчёты налоговых сборов. Лишь избранные составляли когорту счетоводов-писцов; их ремесло было тайной, к принятию которой готовили с детства. Речь шла в первую очередь о доступе к механизмам власти в Шумере, механизмам, обеспечивавшим незыблемость земной власти. Однако вся система учёта в жизни городов-государств Шумера служила гораздо более важной цели, которая имела универсальный смысл, заключалась в религиозной доктрине – и смысле бытия этой цивилизации. Труд писцов и счетоводов по вполне понятным причинам был очень хо-

рошо оплачиваем. Ничего удивительного в этом нет; издревле и всегда было непреложным законом: «тайну цареву прилично хранить» (Тов. 12, 7), потому что это тайна управления людьми. Именно поэтому счетоводам-бухгалтерам хорошо платили во все времена: от Ура Халдейского до СССР и USA. Исключений не было и нет.

Итак, единица в Междуречье стала инструментом власти и одним из важнейших пособий в построении империи. В распоряжении обитателей, вернее, властителей Шумера единица получила достоинство основы вычислительной системы, которая сыграла колоссальную по значимости роль в развитии цивилизации Междуречья, а значит, и всей человеческой цивилизации. В этой системе единице была уготована очень важная, ключевая роль.

История якобы «давно минувших дней» продолжается и поныне. Самым очевидным, но притом и самым незаметным свидетельством тому служит так хорошо известный во всём мире «талер Нового Вавилона» – всемогущий доллар, демонстрирующий в прелюбопытных изображениях на главной банкноте современности (и это один доллар, что, конечно же, не случайность): рисунках, геометрических фигурах, цифровых и семантических символах, наконец, словесных формулах, составляющих общую композицию смыслов однодолларовой купюры, – важнейшей банкноте мировой финансовой

системы – «тайну беззакония», которая «в действии» (2 Фес. 2, 7)*.

Как известно, Вавилон предшествовал Египту.

В III тысячелетии до Рождества Христова Египет фараонов принял эстафету от Шумера. Система цифр и чисел Древнего Египта в своём иероглифическом обозначении удивительным образом (хотя правильнее было бы сказать: естественным образом) отражает структуру общественного устройства государства. Единица, десяток, сотня были числами простолюдинов. Единица – черта; десять – пяточная кость; сотня – виток верви. Далее – порядок аристократии: тысяча обозначалась изображением лотоса, который являлся в Египте важным сакральным символом. Число фараона – миллион. Такое число могло понадобиться только правителю; не просто властелину людей, а правителю, которого обожествляли. Интересно, что это число выражал характерный иероглиф: человеческая фигурка с воздетыми руками. Историки наивно полагают, что это пленный, раб, молящий о пощаде. О святая простота! Неужели так трудно понять, что здесь этим жестом передана сакральная природа собственно власти, которая всегда и везде «от Бога»

---

* Маркером такого рода немало в знаковой символике, например: «указующие персты – единицы» на полотнах Леонардо, «единица» в автопортрете Дюрера, да и много ещё где.

(Рим. 13, 1), а видимое, земное божество Египта – это фараон, к которому и воздеты руки молящейся фигурки – «миллиона» не рабов, а подданных?

Здесь необходимо пояснение. Египетская иероглифика семантически очень глубока и символична (как и всякая иероглифика). В данном случае «раб» только подтверждает сакральную семантику. Египет фараонов – в невозвратной древности, но мы-то в России, когда молимся за близких или присутствуем на церковном поминовении усопшего, пишем в записках и слышим в молитвах священника о «рабах Божиих». Перед Богом мы все рабы Божии, и этого именованья нужно ещё быть достойным. Египтяне были мудры, и из той мудрости взял очень многое пророк и боговидец Моисей... Власть, власть как таковая, действительно всегда и везде – «от Бога». Это непреложная истина, такая же непреложная, как и констатация, что безвластие, хаос, смута, разрушение – от диавола. Что означает: «всякая власть от Бога»? Именно то, что власть как принцип бытия человеческих сообществ (и первоначально самого человека*) – безусловно, вне всякого сомнения, изначально и неопровержимо «от

---

* Согласно Библии человек, созданный Богом безгрешным, властвовал над своими мыслями, чувствами, волей. В грехопадении он потерял власть над собой – как это, может быть, ни парадоксально звучит для не понимающих суть дела и собственного состояния: своей души, чувств, воли, тела.

Бога». Многих смущает русский перевод: «всякая власть...». На церковнославянском это имеет несколько иной смысл: «**всяка власть**», то есть «собственно власть, власть как таковая»*. Речь идёт о богозданном, богоустановленном порядке – «власти».

Противоречия, о котором так любят говорить профаны, в апостольских словах нет и в помине. Злые люди, захватывающие, узурпирующие власть (которая всегда «от Бога», Божия), тем самым включают процесс неизбежного и неотвратимого саморазрушения – и в конечном итоге самоуничтожения. Об этом много сказано в Писании, например: «Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ним ещё высший» (Еккл. 5, 7). Иоанн Златоуст совершенно справедливо замечает: «...Ничто так не губит нас, как порок. Нет ничего бессильнее человека порочного; он побеждается собственным своим оружием: как железо гибнет от ржавчины и мех от моли, так и грешник от порока. Таким образом грех, ещё прежде наказания Божия, сам собою мстит тому, кто совершает его... Пророк много говорит о небесном правосудии и помощи Божией... он внушает, что

---

* Это наблюдение справедливо и для греческого языка, с которого и совершён перевод на церковнославянский.

наказание не далеко, что оно постигает людей порочных, о чём и апостол Павел говорит: „получая в самих себе должное возмездие за своё заблуждение (Рим. 1, 27)»*. Цитировать и приводить примеры можно бесконечно...

Египтяне создали колоссальные строения, и в формах, и в масштабах указывавшие на цель бытия своей цивилизации. Возведение пирамид, как и всех прочих зданий, было невозможно без точных расчётов. Иными словами, нужна была единица длины. Таковым универсальным мериллом, – говоря библейским языком, это «мера человеческая» (От. 21, 17), – стал локоть: длина руки от локтя до кончиков пальцев. Всё очень символично: и собственно «локоть», и «длань», и их соединение, единство – локоть. Для египтян локоть был мерой всего. (И этого, увы, в абсолютном большинстве случаев и не понимают, за редчайшим исключением, исследователи цивилизации Египта фараонов.)

Эталоны локтя – деревянные трости – мерила строго определённой раз и навсегда длины были самой настоящей святыней, именно поэтому их и хранили, как святыню, в храме. Эталоны локтя под

---

* Свт. Иоанн Златоуст. Беседа на псалом 9. Творения. Т. 5. Кн. 1. С. 122–123. СПб.: Изд. С.-Петербургской Духовной Академии, 1899.

строжайшим контролем рассылались во все уголки империи – для выполнения строительных работ и не только. Локоть в египетской цивилизации – это и универсальная мера (всего), и символ (тоже универсальный), и даже вектор устремления религиозной жизни империи фараонов. Историки, как правило, останавливаются на утверждении, что, если бы не египетский локоть в качестве единицы длины, строительство столь грандиозных сооружений, каковыми являются пирамиды, было бы абсолютно невозможным делом. – И только-то?

Всё гораздо масштабней, глубже и куда более значимо, нежели решение земных задач, какими бы важными они ни были. На самом деле речь здесь должна идти не только о способах обмеров земных наделов и не об исключительной точности геометрических измерений для расчётов в строительстве грандиозных сооружений, свидетельствовавших о мощи Древнего Египта. Смысл в другом: это государство, эта религия, эта цивилизация имели целью соединить Землю и Небо, осуществить идею Человекобога, которую ритуально воспроизводил, олицетворял в себе и своим служением богам каждый фараон. Итак, локоть – «мера человеческая», но и «мера Ангела»... (От. 21, 17)

Понятно, что египтяне использовали единицу не только для счёта, но и для измерения длины и, соответственно, земельных наделов. Единица стала

мерой вещей, поистине мерой всего. Но повторим здесь ещё раз: «речь о мере человеческой», которая есть и «мера Ангела» (Ап. 21, 17). Запомним это, чтобы в своё время вернуться к сказанному без малого две тысячи лет тому назад. Однако Шумер и Египет фараонов – лишь начальные этапы, хотя и очень важные, большого математического пути человечества. Единице было уготовано стать сущностью Вселенной!

Египет передал эстафету Элладе. Конечно же, не стоит забывать ни о Поднебесной Империи, ни о Майя. Но их математические достижения, как и вообще религии, философские системы этих культур, до времени были совершенно недоступны для европейцев. Китай, уничтожив свои «золотые флоты» (XV век), принял (до времени) стратегию крайнего изоляционизма; а Новый Свет, как известно, был, так сказать, официально открыт лишь в 1492 году. Поэтому будем придерживаться линии очевидных взаимосвязей – пока вне рассмотрения цифровых систем Китая и Мезоамерики.

Две тысячи пятьсот лет тому назад в Древней Греции Пифагор разделил числа на чётные и нечётные и ввёл понятие целых чисел – совокупности единиц. Пифагор, обучавшийся наукам в Египте и на Востоке, не только обогатил Элладу математическими познаниями. Пифагор был одержим философией числа и философией чисел; он транс-

понировал математическую концепцию в качестве универсальной системы на всё и на вся. Он сопрягал числа с формами и мыслеформами. Греческая философская мысль ко времени Пифагора уже предпринимала неоднократные попытки определить основу бытия всего – и добраться до этой первоосновы; сначала, естественно, постичь её мысленно, чтобы вообще понимать, сформулировать, задать направление поиска.

Надо ли говорить, что эти попытки были безуспешны? Греки Античности, если освободиться от ложного пиетета перед философами языческой Эллады, в общем-то, занимались на философско-математическом поприще тем, что приточно описывает парадигма известной русской сказки: «пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что». Впрочем, следует заметить, что усилия боготорческой мысли, начертавшей своим лозунгом «гнозис», не прекращались никогда. Не прекращаются они и ныне, оставаясь, конечно же, столь же безуспешными, что и ранее. Принцип действия и сейчас тот же: «пойди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю, что...».

Сначала греки шли проторённым их философами путём. Самым простым было – при всей наивности такового видения – коренящееся в языческой концепции обожествление стихий (то есть материи): попытки изъяснить всё сущее той

или иной стихией в качестве первоосновы. То есть: одни провозглашали первоосновой всего огонь (Гераклит и Парменид), другие – воду (Фалес), третьи – воздух (Анаксимен) и так далее до Анаксимандра – «мировое вещество есть беспредельное» и Ксенофона: «первоначальное есть Божество – Единое и Всеединое». И здесь возникли проблемы: как осмыслить стихию, в которую уверовали и которую провозгласили, говоря современным языком, «первопричиной»? Как аргументировать выбор? Иными словами, как эту стихию посчитать, как с ней «работать»? На данную проблему указывает лингвистика, определяя одни существительные исчисляемыми, другие относя к классу неисчисляемых.

Надо было придумать выход, и его придумали: атомизм, система элементарных частиц. Казалось, что ответ найден: элементарные частицы можно было, во-первых, посчитать, а во-вторых, расположить, рассуждая при этом о значимости порядка и геометрии их пространственных соединений, определяющих качества и свойства веществ. Помимо всего прочего, это расширяло горизонты теоретизирования греческих мудрецов, как им представлялось, беспредельно. На то время и с тем уровнем знаний концепция атомизма действительно выглядела как найденное кардинальное и даже более того – идеальное решение.

Нетрудно заметить, что такое атомистическое расширение возможностей мыслить о тварной материи, веществе, достигло и наших времён. В основе всем известной, знаменитой таблицы Менделеева лежит принцип атомизма, придуманный, изобретённый эллинами. И мы с убеждённой ветхих денми греков до сих пор усердно и наивно толкуем в школьных и университетских аудиториях, в общем-то, про чудесные числовые механически-геометрические комбинации атомов в молекулах, обуславливающие превращения (именно так!) одних веществ в другие... Читатель, конечно же, помнит главную максиму марксизма-ленинизма о «переходе количества в качество». Эта формула в устах преподавателей диалектического материализма (впрочем, и других самых различных учебных дисциплин) была своего рода палочкой-выручалочкой, жезлом магов науки (не только гуманитарной), с помощью которого легко и непринуждённо доверчивым студентам объяснялось всё на свете.

Пифагор, настоящий революционер от науки, возвестил в качестве истины в последней инстанции, что мир на самом деле – цифровой, что в основе всего (и даже музыки – sic!) – цифры. Музыкальную гармонию этот греческий философ определял как совокупность и соотношение целых чисел, то есть единиц. От этой догадки-открытия

философ-математик пришёл в совершенный восторг. Ему открылась – и он был убеждён в этом – Истина, наконец-то объясняющая всё, абсолютно всё, – в виде цифр. Дело оставалось за малым: не только объяснить суть всех предметов, их свойства, даже действия и даже возможности, скрытые в их природе, словом, всё, цифрами и числами, но наконец-то и привести этот несовершенный мир к идеалу, цифровому идеалу, или Единому, – о чём так или иначе, откровенно или в тайнописи философских (конечно же, и математических) терминов говорили и к чему стремились все философы всех времён и народов – от Платона через Шан Яна и Гегеля до Маркса. Они заняты этим и сейчас, причём в последние два столетия работают над воплощением безумной цифровой мечты особенно активно.

Заметим, что цифровая философия музыки совсем не достояние исключительно античной древности. Эта идея* обретала всё бóльшую и бóльшую значимость в том направлении цивилизационного процесса, которое избрал Запад. Примером служит Гвидо Аретино (XI век), совершивший настоящую революцию в музыке, причём совсем не только церковной. Церковная музыка (храмовое пение) была

---

* Мы уже условились называть её Цифровизацией, и основательность такого именованя по мере продолжения настоящего исследования будет только подтверждаться.

лишь платформой, началом построения глобальной системы Цифровизации, затрагивавшей, вбиравшей все стороны европейской цивилизации. В своё время об этом будет сказано подробней.

Сейчас вернёмся к Пифагору. Казалось, что мечта вот-вот станет реальностью, мысль гения превозможет всё. Однако мечта, которой посвятил свою жизнь Пифагор, рухнула. И что самое страшное: он сам сокрушил идеальную картину цифрового мироздания, которая сложилась в его уме. Заветный равнобедренный прямоугольный треугольник, принёсший первопроходцу эллинской мудрости славу гениального математика («теорема Пифагора»), разбил мечту. Если единица – основа всего сущего, то, несомненно, она должна не только присутствовать, но и играть ключевую роль везде, и уж тем более в треугольнике, и уж тем более в треугольнике прямоугольном, самом правильном – равнобедренном прямоугольном треугольнике, прославившем Пифагора. Но, как мы все это знаем с достоверностью неоспоримого факта, с прямоугольным равнобедренным треугольником всё обстоит не так: невозможно, чтобы все его стороны составляли целые числа, то есть чистые производные «божественной» Единицы.

Пифагор не оставлял попытки сделать все стороны прямоугольного равнобедренного треугольника измеряемыми целыми числами и раз за разом

терпел фиаско. Если с катетами, длина которых была задана в целых числах, то есть единицах, не было проблем, то гипотенуза оказалась для Пифагора настоящим математическим проклятием: гипотенуза сокрушала гармонию мира... Но Пифагор был одержим идеей. Стремясь штурмом взять математическо-геометрическую твердыню, он возжелал совершить невозможное, – если воспользоваться стихом Беранже, сделать «и невозможное возможным». Но, увы, его отчаянные усилия неизменно оканчивались поражением, неумолимо свидетельствуя о крахе всей концепции цифрового совершенства, с чем философ, конечно же, не мог смириться. Когда один из учеников его математической школы, мы даже знаем его имя – Гипас, осмелился сказать своему учителю, что их постигла катастрофа и решения проблемы нет и быть не может, беднягу просто утопили... (Что означало столь хорошо известное всем нам по советским временам: «Не болтай!») Понятное дело, навеки умолкнувший смельчак был напрасной жертвой: это не спасло цифровую мечту Пифагора от полного краха. Теория идеального числового Универсума оказалась несостоятельной, несмотря на все старания философа-учёного.

Весь научный арсенал знаменитой математической школы Пифагора на острове Самос, все колоссальные усилия его самого и его верных последо-

вателей обнаружили свою тщету. Не помогли даже правила аскезы, введённой Пифагором для учеников его школы: искатели высшей, то бишь математической (sic!), мудрости, вступая в число (опять это удивительное понятие, навсегда пленившее Пифагора!) адептов математической идеи, произносили клятву, и даже более того – обязывались никогда (о ужас и предел воздержания математиков!) не иметь в своём рационе бобовых. По мысли величайшего математика Древней Эллады, вкушение бобовых неизбежно приводило к известным каждому любителю бобовых процессам пищеварения (они должны быть понятны по умолчанию), и случалось неизбежное, а это, по Пифагору, означало ни больше ни меньше как утерю (вместе с газами) души. Совершенно ясно, что такой «бездушный» адепт становился абсолютно бесполезен для реализации математической мечты. Адепт, хотя бы только ослабевший в данном отношении (не говоря уж о тех, кто, сознательно нарушив обет не вкушать бобовые, стали для Пифагора «бездушными»), не мог приблизиться к сокровенной тайне и познать цифровую Истину бытия.

На самом деле ограничительных условий для стремившихся стать учениками гениального Пифагора, то есть поступить в его школу, было много: не причинять насилия, не проливать кровь (людей и животных); не есть мяса и не общаться с теми, кто

занимается забоем скота; не обучать за деньги – и так далее. Но, без сомнения, самым важным (ведь речь шла о душе!) был пункт о бобовых...

Образно говоря, старина Пифагор оказался не только побеждён, но и ежеминутно казним, безжалостно мучим любимой им, но оказавшейся для него предательски коварной геометрической фигурой – идеальным (долженствующим быть идеальным!) равнобедренным прямоугольным треугольником. Увы, на прославленном философе-мудреце исполнилось так хорошо известное нам присловие: «горе от ума»... С Пифагором произошло именно то, что так ясно означило Священное Писание: «Кто чем согрешает, тот тем и наказывается» (Прем. 11, 17). Воистину Пифагор наказал сам себя – и очень жестоко. Что означает его печальный опыт? Только одно: Пифагор впал в крайность, а всякая крайность таит не просто опасность, но роковую ошибку, приводит к неизбежному – фиаско.

Эта краткая история о неудаче, постигшей Пифагора, была бы неполной, если не упомянуть о, пожалуй, едва ли не главной особенности сюжета. Почему Пифагора так манил равнобедренный прямоугольный треугольник и почему он с такой страстью стремился доказать недоказуемое: что этот, именно этот треугольник должен (должен – во что бы то ни стало!) являть совершенство Единицы или, чтобы было более понятно, – Единого?

Некоторые историки математической науки обращают внимание на то, что школа Пифагора более отвечает понятию «секта». И в этом наблюдении, безусловно, есть зерно истины. «Какой? И что это за удивительная, сверхценная идея?» – спросит читатель. В Санкт-Петербурге, построенном по законам «священной геометрии», довольно много храмов с этим самым «волшебным» (для определённого круга людей) треугольником на фронтонах... Судя по всему, пришедшая из глубины веков гностическая концепция – вера в математическое совершенство мира (которого ещё надо добиться, установить во что бы то ни стало) была *idée fixe* для некоторых и в древности, в частности, для Пифагора...

Кто продолжил делание Пифагора, этот ужасающий сизифов труд математиков? Конечно, Архимед! Именно он вывел математику в безграничную область воображаемого. Казалось, математическое проклятие, покаравшее Пифагора, было преодолено этим гениальным мужем Эллады. До него единица существовала, так сказать, в плену грубовещественного мира, была связана узами материального. Если понятие «единица» звучало в речи или печатлелось на камне, глине, папирусе, пергаменте, бумаге, это означало число реально существующих материальных объектов счёта: мешков с зерном, голубей, овец, строений, людей...

Архимед совершил революцию. Можно сказать, он вывел число в безграничность Космоса, сделав единицу абстрактной. Теперь стало возможно всё! Отныне и невозможное – действительно возможно! Масштабы замысла Архимеда иллюстрируют такого рода факты: например, он поручал своим ученикам подсчитать, сколько потребуется песчинок, чтобы наполнить ими всю Вселенную, набить Универсум до отказа, до предела, так, чтобы в пространство бытия уже невозможно было втиснуть ещё одну, последнюю, самую малую из возможных и мыслимых песчинку... Забавно, не правда ли?

Мы хорошо знаем, как окончил свой земной век гениальный математик, не однажды спасавший родные Сиракузы от безжалостных, жестоких римлян. В один из дней 212 года до н. э. семидесятипятилетний старец отрешённо сидел на пороге собственного дома, вычерчивая формулы прямо на земле, сосредоточившись на самом важном для него в тот день – решении очередной математической головоломки. Увы, нить жизни Архимеда оборвал меч римского легионера; учёный муж был так увлечён решением задачи, что на приказ завоевателя встать и представиться только и промолвил, не поднимая головы: «Умоляю! Не мешайте мне!..» – и через секунду испустил дух, усечённый смертоносным металлом римлянина, силой завоёвывавшего ойкумену. Тот

математический ребус, занимавший гениального грека, так и не был разгадан. Его начертания на земле изгладили грубые сандалии завоевателей; письма формул, выведенные перстом Архимеда, были буквально стёрты в прах. Впрочем, главный ребус математики: создание цифрового мира и цифровое объяснение всего сущего – и не мог быть решён Архимедом, даже если бы он тогда остался жив... Этот ребус не решён и сейчас – по вполне объективным и понятным всякому здравомыслящему человеку причинам.

Наступила новая эпоха – и для математики тоже. На смену Элладе пришёл Рим. Самым главным вопросом для римлян был вопрос о власти. И математика не осталась в стороне. Поясним сказанное наглядным примером. Если римский легион терпел поражение в бою, казнили каждого десятого из легионеров: простая и непреложная арифметика на службе могущества Рима. Арифметика арифметикой, но в данном случае кровавая десятина римских легионов не была только средством устрашения (или воодушевления) храбрых римлян, потерпевших поражение на поле брани и тем самым заслуживающих быть наказанными. Эта, кажущаяся лишь дисциплинарной, мера выражала нечто гораздо большее. Она была особым видом сакральных жертвоприношений, совершаемых ради земного владычества Рима, который должен существо-

вать вечно, железной рукой править народами, всеми племенами мира – и прежде всего своим народом... (Очень древняя идея языческого мира – на всех континентах и во все времена.) Штатная численность римского легиона – шесть тысяч человек. Это означает, что при поражении в битве шестьсот (шестьсот!) легионеров были умерщвляемы, – их хладнокровно казнили на глазах у боевых товарищей. Ужасающая кровавая мистерия даже для тех, кто привык видеть смерть – в сражениях...

Но и обыденную жизнь римлян-язычников печатлела неразрывная связь с религией смерти, главным ритуалом которой были жертвоприношения. Жертвы были различны: на утренних представлениях в цирках городов Империи проходили битвы со зверями; в полдень наступал черёд приносить в жертву людей – начинались поединки гладиаторов. Стоит привести здесь строки одного из писем Сенеки к Луцилию, где верно переданы суть религии и образ общественного устройства языческого Рима. «Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень – зрителям. Это они велят убившим идти под удар тех, кто их убьёт, а победителей щадить лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена... „Режь, бей, жги! Почему он так робко бежит на клинок? Почему так несмело убивает? Почему так неохот-

но умирает?“ Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей!..»*

Нетрудно заметить, что современные зрелищные искусства, прежде всего, конечно же, кинематограф, воплощают идею онтологического конфликта. Процесс «смертоубийства» – бесконечный и в бесконечных вариациях – трансформируется в ноосферу человеческого бытия уже не часами, как в дни языческого Рима, а терабайтами, безмерно расширяющими вместимость суток трансляциями подобных действий по бесчисленным каналам телевидения и информационных сетей. Всё, о чём с горечью писал Сенека в I веке н. э., не просто продолжается. Процесс идёт со всё бóльшим ускорением и во всё бóльших масштабах.

В этом смысле безудержная, невыносимая жестокость римских императоров-язычников по отношению к христианам – лишь очередной этап, свидетельство приверженности владык Рима основам цивилизации Лациума, краеугольным камнем которой служили человеческие жертвоприношения. И ещё – цирки языческого мира были настоящими театрами, на аренах-сценах которых главными действующими лицами выступали даже не люди,

---

* Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо VII.

а две противоборствующие силы бытия: Жизнь и Смерть. Римские цирки представляли собой средоточие, нерв, вершину театральной мистерии: арена являлась рубежом, через который на глазах тысяч зрителей совершалось таинство перехода в область смерти. Но об этом речь впереди, когда станет понятной связь того, что мы условились называть Цифровизацией как явлением мировой истории, – и Театра, тоже в ипостаси явления, феномена мировой истории.

Однако мы несколько отвлеклись.

Римская система написания цифр была эффективной в монументальных символах власти, но довольно неудобной при ведении масштабных торговых операций. Дело в том, что Рим покорял – и грабил. В то время римляне ещё не уразумели простой истины, хотя с библейских времён и обладавшей этим грешным миром, что править можно с помощью денег; эта реальность ещё не овладела умами людей Запада. Правда, к тому времени они уже довольно давно пользовались хорошо известным механизмом управления плебсом. Метод, образно говоря, был двусоставен и заключался в вариантах пропорций соединения «хлеба» и «зрелищ». Потом этот метод с размахом и крайней жестокостью применит Ленин в устройении Четвёртого Рима, провозгласив «хлебную монополию» и исключительную важность «зрелищ» –

для управления новой общностью с помощью театральных видов искусства: цирка и кино. Процесс продолжается и поныне. И если, что касается «хлеба», принцип распределения продуктов пока ещё в основном неизменен, то в отношении «зрелищ» достигнут невиданный, немислимый прогресс – именно методом Цифровизации, стирающей на светящихся пиксельно-цифровых экранах границы между вымыслом и реальностью.

Однако ещё немного о Древнем Риме. Римляне не знали, что «Истина – сильнее всего» (2 Ездр. 4, 41), – и не хотели этого знать; римляне-язычники принципиально отвергли постулат богооткровенной веры. Товарищ Ленин (не к ночи будет помянут) и иже с ним просто возненавидят эту библейскую формулу.

Если общепринятым на сегодня способом, то есть арабскими цифрами, написать число миллиард, потребуются считанные секунды, но, если задаться целью сделать то же самое с помощью римских цифр, нам придётся потратить около восьми минут. Попутно заметим, что система написания чисел в Древнем Египте тоже была громоздкой, хотя и не в такой степени, как у древних римлян. Египтянин мог обозначить миллион одним символом на письме, но, чтобы произвести элементарную арифметическую операцию (например: «миллион минус один»), писец должен был начертать на папирусе

девять чётрочек, девять пяточных косточек, девять витков верви – и так далее: всего пятьдесят четыре символа. Конечно, это не восемь минут, как в Риме, но тоже долго, громоздко и довольно неудобно. Однако древние обитатели берегов Нила справлялись, и справлялись неплохо. Благодаря папирусу Ринда (XVII век до н. э.) мы хорошо представляем математическую жизнь Египта эпохи фараонов, и она была на весьма высоком уровне. Это довольно многозначительный пример, показывающий, пусть и косвенно, как сопряжены цифровая система и глобальная цель, содержание бытия той или иной цивилизации. Ещё один любопытный и характерный факт: среди римлян, в отличие от греков, нет ни одного знаменитого математика. Очень наглядно. Но... не всё так просто и однозначно. Достаточно помнить о Пантеоне.

Геометрически безупречное, гениальное сочетание прямоугольных форм и круга, сферы, сходящейся к «нулю» люкарны. Но ведь в эпоху, давшую это поистине чудесное строение, римляне не знали о нуле... Или всё-таки знали? Иначе как мог появиться Пантеон – удивительное святилище всех божеств языческого Рима с чудесной небесной люкарной, фокусом всего в этом грандиозном, удивительном святилище. Опять Единица – и Ноль? Всё – и Ничего? И это «ничто», завершающее купол Пантеона, источает свет... По крайней мере,

над уникальным архитектурно-математическим шедевром Вечного города стоит поразмыслить. Таких чудес света Империя сотворила немало: Золотой дворец Нерона, Колизей, акведуки... Всё это не могло появиться без должных и высоких математических знаний. Но в то время Древний Рим формально не имел обозначения нуля... И всё-таки... Что это, если не «ноль», – люкарна Пантеона, отверзающая входящим во святилище всех богов Рима беспредельность небес? И что это, если не «ноль», – сам цирк, его арена (*circus* – «круг»), низведение в бесконечную вечность инобытия вратами смерти?..

Почти за пять веков до нашей эры Индия совершила прорыв: индусы стали изображать цифры от единицы до девяти особыми символами, которые у них благополучно позаимствуют арабы, и уже от поклонников Магомета Европа получит оказавшееся бесценным математическое богатство, соответственно назвав эти обозначения «арабскими цифрами», что, как видим, не совсем верно. Но Индия не остановилась на достигнутом и сотворила настоящее математическое чудо: в её цивилизации появился ноль. Большинство учёных полагает, что это произошло примерно полторы тысячи лет тому назад.

Обозначение нуля можно и сейчас увидеть в небольшом капище храмового комплекса в Гвалиоре,

Северная Индия. Надпись, высеченная в камне на стене святилища Чатурбхуджа, посвящённого Вишну*, в которой упомянут ноль – священный грааль всех чисел, всей математики, сделана более тысячи ста лет тому назад. Заметим, что ноль обозначался словом «сифра», – отсюда, собственно, происходят так хорошо известные нам «цифра» и «шифр».

Учёные Оксфордского университета смогли датировать математическую рукопись, известную как «манускрипт из Бакхшали», содержащую обозначение нуля. Один из листов сборника цифровых задач, где тоже присутствует знак нуля, историки чётко датируют периодом между 224 и 383 годами н. э. Впрочем, радиоуглеродный анализ только подтвердил вывод индийского математика М. Н. Чаннабасаппа, изучавшего манускрипт ещё в 70-х годах XX века и утверждавшего, что временные границы создания этого математического трактата означены

---

* Сам факт говорит о многом. В индуизме имя этого божества – Вишну означает «проникающий во всё», «всеобъемлющий» – охранитель мироздания. В мифологии индуизма Вишну до создания Вселенной почивает на божественном змее, обитающем в первозданных водах. По воле Вишну создаются и разрушаются бесчисленные миры. Когда вселенский цикл подходит к концу, Вишну становится пылающим солнцем, бушующим ветром и проливным дождём.

Совершенно ясно, что такая религиозная концепция никак не могла обойтись без понимания «нуля»...

самым началом III и окончанием IV столетий. Здесь нужно сделать оговорку: раз уж речь о математике, просто необходимо соблюдать точность. Идея имела гораздо более древнюю историю: Шумер, числовыми методами вопрошавший Небо о грядущем и оперировавший при этом большими и очень большими числами, просто не мог обходиться без того, что мы сейчас называем нулём как конкретное и реальное число, — или, формально, цифрой. Древние вавилоняне действительно использовали это понятие, хотя в их культуре оно ещё не приобрело той отчётливой математической значимости, каковую придали нулю наследники древних ариев, населявшие Индостан.

Для вавилонян ноль пока ещё выполнял служебную функцию. Если вавилонский писец оставлял пропуск, «пустое место» внутри численного обозначения, это и означало «ноль». Как видим, путь к настоящему, системному, самостоятельному нулю был долог. Чтобы пройти этот путь, потребовались многие века. Впрочем, разве тому должно удивляться? Всякому обретению должны предшествовать и предшествуют труды. Ничего не бывает «просто так», потому что ничто и не должно быть «просто так», — тем более в случае такой важной синтагмы, как ноль. Прошло более тысячи лет, прежде чем этот математический знак стал самостоятельным числом.

О чём говорят эти математические вехи человеческой истории? Об этапах научных представлений как процессе ментальной эволюции? Конечно же нет. Это слишком наивно – так думать о древних мудрецах Индии, страны чудес. Дело совсем в ином. Математические концепции о нуле (и в смысле религиозной константы «пустоты», столь важной в индуизме, и как символа «бесконечности») суть неоспоримые и очевидные свидетельства понимания человечеством издревле очень простой истины: мир сотворён «из ничего».

Впрочем, это слишком большая, слишком особая, слишком важная, даже слишком математическая тема, чтобы погружаться в неё на страницах очерков, слагающихся в эссе «Цифровизация и Театр».

Вернёмся к более простым и более наглядным вещам.

Мусульманский мир с готовностью и благодарностью принял от Индии цифровой дар, оказавшийся поистине бесценным. Арабские учёные – математики и астрономы сделали очень многое на математическом поприще. К концу XII века арабские цифры использовались в Европе повсеместно. С 1206 года Пиренеи, потом Галлия, Британские острова, германские княжества – и наконец, все государства Старого Света начали знакомиться с трактатом Фибоначчи о вычислениях. Одна из

глав этого во всех смыслах эпохального труда изъясняла удобство применения арабских цифр для купеческих операций. И данное обстоятельство очень важно. Ибо Запад, в вероучительных постоулатах отложившийся от христианского Востока и ставший католическим очень задолго до иезуитов и Макиавелли, провозгласил в качестве одного из своих главных принципов: «Цель оправдывает средства!» – и математике как подтверждению этой краеугольной аксиомы католического Запада отводилась особая роль.

Выше было сказано, что слово предваряет цифру и слова предваряют числа. Всё обстоит именно так: это закон бытия, заложенный в человеческую природу Творцом. Неужели цель Цифровизации – изменить этот Божественный порядок и даже заменить слово цифрой?! Последующие главы помогут понять, куда нас ведут.

Шло время.

Текли столетия.

Математики размышляли.

И считали,

считали,

считали...

И невозможное — возможно?

Цифровизация резко набирала силу и скорость в преддверии эпохи наступавшего капитализма, мощный толчок развития которому в свою очередь дала Реформация, объявившая во всеуслышание и прежде всего своим приверженцам, что истинным мерилom богоугодной жизни и благочестия служит не что иное, как успех в делах, приносящих материальное обогащение*. Отныне (пусть пока только в границах конфессий Реформации) провозглашалось тождество благочестия

---

* Секрет того религиозного фокуса прост: надо лишь сменить акценты, поменять местами слагаемые библейских обетований (например, Второзаконие, Гл. 5 и далее) – и мы получим совершенно другой результат и смысл. Что в своё время и было сделано отцами Реформации с ловкостью иллюзиониста. В Писании многожды сказано об этом, – например, в той же книге Второзаконие: «...не за праведность твою Господь, Бог твой, даёт тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный» (Втор. 9, 6).

и материального богатства, которое теперь напрямую коррелировалось с его денежным эквивалентом, а деньги – это цифры... Помимо всего прочего, то есть того, о чём в своё время будут толковать Маркс на страницах «Капитала» и его спонсор (не только идеологический) Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» и «Происхождении семьи, частной собственности и государства», – помимо средств производства, орудий производства и так далее – главным, как и всегда и везде, была идеология. А это означает, что делу, догматически начатому Католической Церковью, Реформация дала вполне идеологическое обоснование и даже обеспечила ему кульминационное развитие.

Здесь следует сделать уточнение: поклонение золотому тельцу – удел профанов, какими бы внушительными числами ни описывались их банковские счета. Капиталистическая Цифровизация в области финансов, то есть денег, не есть путь к «божеству» собственно этой формации, хотя нас и приучили думать именно так. Занятие производством и торговлей ради элементарной прибыли, ради денег, то есть стяжание личных богатств, удобств и роскоши в обыденной жизни, – удел профанов. Деньги ради денег – это, честно говоря, обман, что-то вроде «искусства для искусства»; в конечном итоге путь деградации, декаданс; в социальной области – эгоизм и сокращение населе-

ния; в биологической – это вырождение. В финансовой среде всё зачастую происходит ещё быстрее, чем в искусстве, – гораздо быстрее – потому что барыш, денежная выгода может быть фактически мгновенной и процент колоссальным, – особенно если речь идёт о чисто финансовых операциях и биржевых спекуляциях. Но обратите внимание: нравственный ущерб – то, что в Христианстве отмечено словом «падение», – в этом случае происходит прежде всего, и последствия «падения» (при всей финансовой выгоде даже в тысячах процентов) зачастую катастрофичны...

Когда мы говорим о Цифровизации в капитализме, какие бы особенности этой формации мы ни имели в виду – классический капитализм XIX века или государственный (в понимании советских экономистов – Бухарина, Рыкова, Серебрянского), это означает нечто принципиально, качественно иное, чем внедрение ЭВМ, роботизация и сокращение расходов. Цифровизация Новейшего времени – это власть. Капиталистическая Цифровизация, где бы, в каких формах и кто бы её ни осуществлял и как бы её ни именовали (США, или СССР, или Китай), имеет смысл и достоинство главного инструмента установления окончательной и необратимой (в идеале – вечной) власти над людьми, в конечном итоге над всеми (именно так!) людьми. Тов. Сталин, произнёсший как важнейшую декларацию

Социализма: «Самый ценный капитал из всех капиталов, имеющих в мире, – это человек», – очень хорошо понимал, что он говорил и для чего им была сказана лапидарная, эффектная, пафосная фраза.

Цифровизация – это шаг, этап решительный и важнейший, прорыв к тому, что уже довольно отчетливо просматривается на горизонте событий нашего мира, стремительно мчащегося к эпохе «постиндустриального» (то есть «цифрового») уклада человеческой цивилизации. Сейчас для обозначения данного понятия всё чаще используется термин «трансгуманизм». Если задаться целью расшифровать этот неологизм*, придётся называть вещи своими именами, говорить об идее «сверхчеловечности», а это с абсолютной неизбежностью приведёт, если речь о Новейшем времени, к идеям Ницше, Ленина, Гитлера, очень определённо толковавших о «новых» людях – сверхчеловеках. В провозглашённых этими политическими деятелями моделях идеальных формаций, совершенных

---

* По всей вероятности, этот неологизм изобретён с единственной целью: не допустить употребление слова «сверхчеловек», столь значимого по трагическому опыту ницшеанства, фашизма – и коммунизма тоже. Трансгуманизм буквально означает на латыни «сверхчеловечество». Совершенно ясно, что трансгуманизм как «сверхчеловечество» зиждется на сатанинской идее «человекобожия» – «сверхчеловека».

(якобы) моделях общественного строя, такие идеи суть явные пророчества приближения апостасийной эпохи появления «Сверхчеловека», о чём так ясно говорит Апокалипсис Иоанна Богослова.

Выгода, рента, процент, ссуда – всё это обрело религиозное обоснование, став в полной мере религиозной составляющей веры как таковой (имеются в виду протестантские конфессии), веры... в деньги. Или цифры, если вообще деньги и цифры в этой цивилизации не одно и то же. Похоже, капитализм (назовём это пока так) сделал данные понятия взаимозаменяемыми и, в принципе, синонимами. Не стоит забывать, что за столетия до Реформации, приведшей к капитализму, арабский мир с восторгом принял математическую систему, в которой главенствующее место занимала не единица, как в Шумере, Египте фараонов, Древней Греции, Риме, а индийская «сифра», то есть ноль, или, строго говоря, математическое ничто – и «Ничто» философско-религиозное.

Наступил золотой век теоретической математики. В середине XIX столетия в России был чрезвычайно популярен французский поэт Беранже. Иногда из-под его пера выходили презанимательные вирши. Одно из таких стихотворений, на тему «и невозможное возможно», имеет отношение к нашему предмету – и героям, посвятившим себя достижению «невозможного». Чем, кстати, и зани-

мается математика в лице своих адептов – тех, кто одержим идеей, стремящихся просчитать всё в мире и оцифровать сам мир, то есть описать, объяснить цифрой всё и таким образом сначала познать перво-причину бытия – и потом будущее.

Итак, мы вдруг (для одних вдруг, для других совершенно естественно, логически и даже плавно) подошли к пониманию главной идеи, которая столь лапидарно, ярко и недвусмысленно будет выражена (для нашего поколения СССР-России это уже свершилось, исторический опыт) в «Интернационале»: «Кто был ничем, тот станет всем!» Напомним, что предшествовало торжеству этой идеи. Фибоначчи (настоящее имя – Леонардо, «фамилия» явно не настоящая – Пизанский, годы жизни 1170–1250) был сыном дипломата и купцом, торговавшим с Алжиром, то есть вполне деловым человеком и даже несколько более того*. Ознакомившись с арабскими цифрами, он сразу уразумел, с чем имеет дело, и работа закипела! Фибоначчи наткнулся на золотую жилу – и не только в экономике. Он понял, что перед ним выложила фортуна – и не перед ним одним: перед Пизанской республикой, перед Италией, Европой, перед всем цивилизованным миром! Отныне просвещённому

---

* Почему-то на ум приходит российский Д. О. Рогозин – тоже сын дипломата и не только.

человечеству открываются безграничные цифровые перспективы!

Когда Гитлер толковал своим соратникам в мюнхенской пивной «о главном», он имел в виду не тестостерон в крови, а именно то сокровище, которое доставил в Европу Леонардо Пизанский, он же Фибоначчи («сын Боначчи»), он же просто Боначчи, он же Леонардо Биголло (на тосканском наречии *bigollo* означает «странник», а также «бездельник»)*.

Здесь всё-таки необходимо сделать пояснение. Герман Раушнинг в своих дневниковых записях, содержащих откровения Адольфа Гитлера о построении нового экономического (а значит, и во всём, не только в экономике) порядка, цитирует человека, которому ещё только предстояло стать фюрером III Рейха. И эти сентенции и идеологемы суть следствие и наследие того, что упомянутый Фибоначчи (сын Боначчи; *вопасси* означает «удачливый») транспортировал в Европу в виде новой математической системы, изложенной в том числе и в его пособии – учебнике для математиков и торговых людей. Вовсе не случайно император Священной Римской империи Фридрих II, строивший в Европе

---

* Странности с фамилией невольно заставляют вспомнить другого, ещё более известного Леонардо – да Винчи и сделать некоторые предположения о происхождении первого Леонардо.

эпохи Крестовых походов Новый Мировой порядок, часто встречался и беседовал с Фибоначчи. Императора очень интересовала эта математическая система – и вовсе не из любви к точным наукам. Он очень хорошо знал, что́ делает, и, безусловно, высоко ценил математический метод Цифровизации, поистине уникальной с точки зрения возможностей достижения целей, которые поставил перед собой Фридрих II Гогенштауфен*.

С того времени пройдёт несколько столетий, и в Англии возникнет могущественная корпорация купцов, которая будет называться весьма странно для непосвящённых – Mystery («Тайна», «Таинство»)**. Кстати, это с XVI века очень хорошо известная нам, россиянам, компания – «Московская торговая компания», потом, после неудачи в попытке совершить mystery на русской земле при Иоанне IV (Грозном***), ещё раз изменившая вывеску, – но

---

* Характерно, что единомышленники наименовали Фридриха II весьма выразительно: Stupor mundi («Чудо мира») – двусмысленность, во всех отношениях, очевидна.

** Mystery and Company of Adventures for the discovery of Regions, Dominions, Islands and Places unknown.

*** К сожалению, Иоанн IV открыл этой организации беспрецедентные возможности на Руси, наделив исключительным правом беспоплиной торговли. Русский царь был даже готов стать супругом Елизаветы Английской, но, слава Богу, сватовство первого русского венценосца было отвергнуто.

не изменившая своих целей – и ставшая «Ост-Индийской чайной компанией».

После вселенской авантюры английских купцов пройдёт ещё триста пятьдесят лет, и в кругу своих ближайших соратников Адольф Шикльгрюбер будет вещать сначала, как водится, в пивной, потом, в статусе фюрера, уже *urbi et orbi*: «Всякое действие и всякая потребность личности должны регулироваться... Больше не будет своеволия, больше не будет свободного места, где личность была бы предоставлена самой себе!.. В моих руках нечто гораздо более существенное: сам человек! Массы всегда клюют на внешнюю видимость. В данном случае это национализация, социализация. Как будто что-нибудь изменится, если владельцем фабрики будет называться государство, а не какой-нибудь господин...

Мы прежде всего сохраняем нашу непреклонную волю преобразовывать мир так, как ещё не бывало в истории. И у нас есть особое, тайное наслаждение – видеть, как люди вокруг нас не могут взять в толк, что же с ними происходит на самом деле. Они упрямо таращатся на знакомые внешние приметы – на имущество, доходы, чины и порядок наследования. Если всё это на месте, значит, всё в порядке. Но тем временем они уже вовлечены в новые связи, гигантская организующая сила определяет их курс. Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имуще-

ство, ни доходы. Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей»*.

Не правда ли, в наши дни это звучит архисовременно – для всех стран, и России в том числе? И даже, может быть, в первую очередь для России? И, может быть, для России в бóльшей степени, чем для кого бы то ни было...

Арабская (конечно же, условно арабская) система со времён Фибоначчи заработала на полную мощь, завоёвывая торговые площади всего цивилизованного мира. Её маховик безмерно умножил масштабы, точность и скорость финансовых операций купцов и менял. Она дала возможность командорам Сегрегеша правильно пролагать маршруты экспедиций, задачей которых было открыть Новый Свет – изменить мир и даровать ему чудный, окончательный и совершенный порядок бытия. Если знать идеи, которым служил Беранже, столь популярный в середине XIX века в России, то не будет лишним процитировать поэта, очень хорошо понимавшего, что он проповедует в своих стихах, восхваляя настоящих безумцев (Сен-Симона, Фурье, Анфантена и им подобных – с точки зрения нормального человека действительно сумасшедших, хуже, чем сумасшедших, упразднивших для себя границу между добром

---

* Г. Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 152–153.

и злом – и уготовавших это для всего человечества), навевавших человечеству золотые сны:

*По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет...**

Но пойдём дальше; посмотрим, куда же вела людей новая система Цифровизации.

Арабская цифровая система стала азбукой и катехизисом новой (такой ли новой? – п. П.) религии денег, или, говоря нейтрально, банковского дела**.

---

* Если уметь читать стихи Беранже, то есть понимать, что он хотел сказать и говорил, будут понятны устремления этого французского поэта, единомышленниками которого были оба Дюма и Гюго. Совсем не случайно «неистовый Виссарион» (Белинский) именовал Беранже «апостолом разума» и «бичом Предания» (в смысле – религии), «пророком свободы гражданской и свободы мысли» (власть Бога отвергнута, всё возможно).

** Заметим по ходу дела, что законодательство Моисеево, потом Христианство, потом Ислам запрещали и запрещают (сейчас уже фактически формально) взимание процента, то есть ростовщичество. Почему? По очень простой причине: религия поставила (ещё в столь древние времена) запрет такого рода цифровизации, единственная цель которой – сделать человека рабом. Что же мы видим сейчас? Фибоначчи трудился не зря. Банки не только существуют везде, они являются главным инструментом того, что мы условились именовать, согласно современной общепринятой терминологии, Цифровизацией. Религии, вера отступают: мы наблюдаем подтверждение слов Христа «мир лежит во зле» (Ин. 5, 19) и слов апостола «сребролюбие – корень всех зол» (1 Тим. 6, 10). Это очевидно для всякого здравомыслящего человека.

Одно важное уточнение: в этой системе присутствовало то, что она, эта система, предпочла назвать «человеческой ошибкой». Хотя речь здесь не совсем о том, что мы называем ошибкой, человеческой ошибкой в обыденном смысле. Словосочетание «человеческая ошибка», ставшее термином и усвоенное в значении термина, нацелено на упразднение (возьмём пока лишь одну, но становившуюся такой важной сферу современной жизни) из банковского дела (религии денег) всякой человеческой мотивации, а вовсе не на то, чтобы банально упразднить возможность погрешности-ошибки.

Поясним сказанное. Нам говорят: Колумб думал, что плывёт в Индию, и оказался в Америке. Якобы погрешность, то есть ошибка, привела его в другое полушарие... Довольно наивное объяснение произошедшего, если помнить об том уровне математических знаний (без которых картография немислима), полученных европейцами очень задолго до Колумба, в том числе и благодаря Фибоначчи. Остаётся заметить, что подобные вещи происходят с нами гораздо чаще, чем мы привыкли думать. И это тоже – область человеческой ошибки... Или всё-таки обмана?

1679 год. Эпохальная дата. Готфрид Вильгельм Лейбниц задался великой и благородной целью: он задумал избавить мир от человеческой ошибки. Вы

спросите: разве это возможно? Лейбниц думал, что возможно, и даже был уверен в этом. Совсем как Герман Греф на Экономическом международном форуме в Санкт-Петербурге в мае 2021 года. Хотя, судя по бормотанию нашего Германа родом из города на Неве, он и в подмётки не годится немецкому Готфриду. В лучшем (или, по сути, худшем? – п. П.) случае этот персонаж нашей с вами действительности находится в ряду Сен-Симона, Фурье, Анфантена, если угодно, Белинского, Петрашевского, Чернышевского и тому подобных. Но мы уже живём в той реальности, в которой цифры, означающие деньги, творят чудеса... (и не только в Сбербанке РФ). Об этом самозабвенно и толковал глава российского Сбера, дефилируя по подиуму цифрового форума.

Для достижения поставленной цели Лейбниц придумал счётную машину, механическую счётную машину. Ну и что? Как математика, то есть лейбницаева счётная машина, может избавить мир от проклятия человеческой ошибки? Ведь мир меняют идеи, а не цифры (опять напомним про «сифру»)... Но Лейбниц верил, что именно машина, счётная машина поможет ему, а через него и всему человечеству – сделать это. Немецкий математик придумал и сконструировал арифметическую счётную машину, оперировавшую цифрами от нуля до девяти.

Но этого мало.

Лейбниц не был бы Лейбницем, если бы остановился на достигнутом. В конце концов, он ведь был протестантом, а потом пошёл и гораздо, гораздо дальше – стал розенкрейцером, и даже более того – секретарём сего тайного общества авантюристов. Французское *aventurier* – это сложное слово этимологически вроде как должно означать «первопроходец», но означает именно аванюриста, жулика. И Лейбниц действительно был *aventurier* – и зашёл далеко, очень далеко. Его замысел представлял, по своей сути, чистую авантюру, хотя и гениальную в своём роде. Он смело решил, а решив, и уверовал, что для него – «и невозможное возможно!» Лейбниц придумал кое-что получше, воистину «посильнее “Фауста” Гёте!» Впрочем, для него это было не так уж и сложно по той простой причине, что Германии нужно было прожить ещё почти полтора века, чтобы на свет появился сначала Гёте, а потом и «Фауст» за авторством Гёте. Лейбницу никто не мешал. Более того, ему помогал в этом грандиозном замысле... тот, кто потом будет помогать доктору Фаусту, ну и, конечно, самому Гёте. С помощью этой силы (как розенкрейцер-математик он не только знал о её существовании, но и, так сказать, сотрудничал с ней) Лейбниц совершил то, что оказалось не только посильнее «Фауста» Гёте, но даже посильнее – и намного! – атомной

бомбы. Ещё раз вспомним стихотворную прокла-
мацию Беранже:

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой!*

.....

*Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло –
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!**

«Это правда, что пустота и уныние – владение нуля? Таким образом, Дух Божий и Его волшебный свет должен принадлежать могущественной Единице!» Если перефразировать с известной смелостью эту мысль гениального немецкого математика-розенкрейцера, то самую Вселенную можно (и должно!) представить чем-то вроде куска швейцарского сыра: собственно сыр и собственно дырки в сыре, которые не менее важны, то есть «существенны» (в том числе и функционально), чем сам сыр. Лейбниц был весьма смелым человеком, если пришёл к заключению, что вообще-то нам нужны (и это «всё, что нам вообще нужно») всего лишь две цифры: единица и ноль.

---

* Пьер-Жан Беранже. Безумцы. Перевод В. Курочкина.

И он не только так считал (прошу прощения, если только что прочитанная фраза покажется кому-то каламбуром). Лейбниц действительно «сделал это»!

Кто знает, что натолкнуло Лейбница на эту мысль? Индусы? Фибоначчи? Коллеги-розенкрейцеры? Как протестант Лейбниц вполне мог вдохновиться свободным толкованием слов Христа: «...да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукаваго» (Мф. 5, 37). Как розенкрейцер Лейбниц мог вдохновиться этим и подавно. В конце концов, разве не очевидно, что локомотивами прогресса технического и социального как раз и служат вкривь и вкось понятые плотским мудрованием Божественные истины? Так сказать, пути, которые мнятся благими, но ведут во дно адаво (Притч. 14, 2). По крайней мере, именно это мы так часто и наблюдаем в современном мире (и конкретно – глобальном проекте «Цифровизация»).

Для чего всё это было ему нужно? Элементарно! Так и только так возможно достижение любых математических высот, но самое главное: именно так упраздняется самое возможное человеческой ошибки, уничтожается (раз и навсегда!) погрешность, на каждом шагу изо дня в день и из века в век портящая каждому из нас и всему человеческому роду жизнь! Читатель уже догадался о настоящей мотивации гениального Лейбница, о которой до сих пор не написано ни строчки ни в одном учебнике ма-

тематики и ни в одном трактате, посвящённом истории математики. Читатель вправе спросить: почему так? Одна из причин (но отнюдь не главная) заключается в достигнутой ныне крайней секуляризации науки. Не верите? Попробуйте серьёзно заговорить в обычной школе – даже в старших классах – о Боге на уроке математики, физики, биологии, и вам всё сразу станет понятно. И это при том, что именно точные науки самым убедительным образом объективно свидетельствуют о Творце.

Однако основная причина того глухого умолчания о сути совершённого Лейбницем до сих пор не названа. О ней ничего не сказал и сам математик. Это и поныне тайна за семью печатями. Почему? Потому что по-настоящему единственным мотивом, причиной, целью для Лейбница придумать двоичную числовую систему и собрать уже не арифметическую, а математическую машинку – было изменить мир, повернуть Историю бытия вспять. Для кого-то она так и останется просто вычислительной машинкой, но в данном случае будет правильно с учётом целеполагания это изобретение математика назвать пусть и архаично, но абсолютно точно: адской машинкой. Арифметическая счётная машинка была только этапом на пути к математической счётной машинке гениального немца. В двоичной Вселенной это устройство, по Лейбницу, уничтожало челове-

ческую погрешность как явление мировой истории. То есть Лейбниц уничтожил грех! Аллилуйя! (Неужели... Лейбницу?! Но ведь получается именно так...)

Древнеегипетский папирус Ринда, начертанный в 1650 году до н. э. писцом Ахмесом, запечатлёнными в нём операциями по решению математических задач ясно свидетельствует, что двоичная цифровая система успешно применялась в то время строителями пирамид; чиновниками, измерявшими земельные наделы; торговцами пшеницей, ячменём, скотом. Что это означает? Очень просто: египтяне поняли значение бинарного кода за три тысячи (sic – !) лет до Лейбница. То есть можно с полным правом сказать, что весь современный технико-цифровой мир основан на математических принципах, существовавших в Древнем Египте...

Вообще-то подобных примеров довольно много. Мы все знаем, что способ определения числа π открыл гениальный Лейбниц в XVII веке. Однако на самом деле эту формулу написал за два века до Лейбница в индийском Керале астроном и математик Мадхава. Конечно, всё сказанное касается не только Лейбница (и не только Ньютона) – ситуация, как говорится, типическая...

Лейбниц действительно задумал повернуть время вспять. Для чего? Это ещё более элементарно.

Достичь недостижимое, вернуться в золотой век блаженства и безгрешности, отменить Апокалипсис, заменив его Откровением человеческого рассудка. И всё это безошибочно, с полной и вечной гарантией, посредством Божественной математики! (Ещё раз протестантское «Аллилуйя»?)

Мы только что сказали, что открытие гениального немца объективно предстаёт в исторической цивилизационной перспективе математическим «ремейком». «Ну и что?» – спросит читатель.

А то, что грандиозной, важнейшей целью для того, что мы называем Древним Египтом, было... то же самое, что математически провозгласил Лейбниц: повернуть время вспять! Именно об этом нам, людям XXI века, говорят великие пирамиды и сфинкс. И вот что важно, исключительно важно для нас, живущих в XXI столетии по Рождестве Христовом: та же цель была главной и для Древнего Вавилона, и для властителей империи Майя, и для Китая эпохи Мин, и для империи Анд – от Пачакути до Атауальпы, последнего правителя инков... Может быть, вы думаете, что речь идёт исключительно о древних цивилизациях? Тогда как быть с намерением тов. Сталина воссоздать «азиатскую формацию» – под счастливой звездой и славной вывеской «СССР»? И как тогда расценивать семантику геральдики и государственного флага США, так отчётливо демонстрирующих всё

ту же идею: повернуть время вспять? И не являются ли устремления цифровизаторов наших дней таковыми по своей математическо-технологической сути?

Папирус Ринда содержит и записи действий с дробями. Дробь, как и всё в числовой системе Древнего Египта, имеют религиозный смысл. Ясно, что дроби необходимы в торговле. Но в этом – лишь естественная, конечно же, неотъемлемая, актуальная, очень важная для повседневной жизни и человека и государства реальность. И всё-таки для Древнего Египта и его народа не это было самым главным; было безусловно важным, но не важнейшим. Мы знаем, в том числе и из папируса Ринда, что систему дробей символизировал сакральный иероглиф – глаз Гора. Это иероглифическое начертание включает в себе огромное мистическое значение.

Гор, сын Озириса и Изида, изображался как человек с головой сокола. Согласно мифу, Гора убил его второй сын – Сет. Сет вырвал глаз у Гора, разорвал на части и рассеял их по земле Египта. Но боги были на стороне Гора: они собрали частицы глаза и сложили их вместе. Глаз Гора был воссоздан. В иероглифе (дробей) вся эта история присутствует, причём с особым, уникальным символизмом. Каждая часть воссозданного, вновь составленного ока Гора представляет собой дробь – вдвое меньшую

предыдущей части: и так до одной шестьдесят четвёртой. О чём этот иероглиф и последовательность символики дробей? Некогда глаз Гора был целым. В системе воссоздания египтяне остановились на ступени $1/64$. Почему? Это не сложно понять. Папирус Ринда утверждает, что круг с диаметром в 9 единиц максимально близок по площади к квадрату с величиной стороны 8 единиц... Так и есть, это известно каждому математику. А площадь квадрата со стороной в 8 единиц – 64, не так ли? Надеюсь, смысл сказанного (не только математический) очевиден.

Но картинка (иероглиф) подразумевает другое, отнюдь не менее важное: сумма дробей с каждым шагом, то есть новой дробью, становится всё ближе и ближе к Единице. Но её никогда не достичь... человеческими усилиями. Это – воссоздать цельность, обрести Единое – во власти только богов Египта.

О чём это? О так называемой геометрической прогрессии, которая несколько раз встречается в папирусе Ринда? В университетах студентов учат, что геометрическую прогрессию открыли азиатские математики (арабы), то есть это произошло много веков спустя после того, как появились надписи упомянутого папируса... Может быть, всё это: дроби, иероглиф, сам папирус – только о том, что изрёк Екклесиаст: «Что было, то и будет; и нет ни-

чего нового под солнцем»? Или всё-таки бесконечно дробное око египетского божества безмолвно вещает об ином? О возвращении к началу бытия; об изменении течения времени – вспять; о достижении Золотого века, когда боги самовластно правили на земле Египта и око Гора было целым?.. И о том, что богам Египта помогут в этом делании всемогущие, исполненные магической силы, числа и цифры?..

Среди прочих математических открытий Египта есть одно, получившее в конце концов «неегипетское» название, хотя именно египетские зодчие – строители пирамид заметили этот геометрический феномен и дали его описание. Речь о теореме Пифагора, хотя доказана она была за две тысячи лет до него. В прямоугольном треугольнике, где длина одного катета три единицы, а второго – четыре, гипотенуза составит пять единиц, ибо сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы: $3^2 + 4^2 = 5^2$. О сокровенном смысле, заключённом в приведённой формуле, почти через две тысячи лет после Пифагора и уж совсем далеко по времени от писем папируса Ринда будет рассуждать в своих поисках «пятого элемента» Леонардо.

В Египте система счёта была основана на степенях десяти. В Вавилоне – на степенях шестидесяти. Шестидесятеричная система счисления, принятая в Междуречье, никуда не исчезла: время

и пространство – секунды, минуты, часы текут для нас точно так же, как и для жителей Древнего Вавилона. Курсы судов и точные направления пролагаются в той же системе, по градусам. Всё имеет свой смысл. И шестидесятеричная цифровая система вавилонян тоже. Суть в том, что она идеально подходит для описания тех явлений, которые происходят в небесах и которые – в чём непреложно были уверены древние обитатели Междуречья – знаменуют судьбы мира. Может быть, вы думаете, что это «дела давно минувших дней»? Напрасно. Слепота современного человека, разуверившегося во всём, есть не что иное, как «грех неведения». Так это именуется на языке библейской древности. Иногда, и не так уж и редко, «грехи неведения» бывают пагубны...

Одно любопытное обстоятельство. В Стране Советов дорогу в социалистический Золотой век (в своём роде тоже проект поворота времени вспять) строили тоже с помощью математики: математической чудо-машинки, в качестве которой служил арифмометр Однера. Вильгольд Теофильевич Однер изобрёл, то есть сконструировал, своё оказавшееся чрезвычайно удачным вычислительное устройство ещё задолго до 1917 года, и первая партия его арифмометров была выпущена на заводе «Людвиг Нобель» в Санкт-Петербурге. Однер усовершенствовал счётную арифметическую машин-

ку в 1886 году, и эта версия выпускалась в России довольно большими для того времени тиражами. В 1893 году изобретение российского шведа получает высшую награду на Всемирной выставке в Чикаго, потом серебряную медаль на выставке Всероссийской промышленности в Нижнем Новгороде; золотые медали – в Брюсселе, Стокгольме, Париже. Но грянула революция, и завод Однера прекратил своё существование.

Однако Цифровизации было уготовано большое будущее вне зависимости от политического строя и идеологии всех стран всех континентов. Очень скоро власти в СССР пришли к пониманию, что Социализм без Цифровизации – то есть в данном случае без волшебной машинки Однера – просто утопия. Коммунисты вполне отдавали себе отчёт (даже без подсказки тов. Ленина): «промедление смерти подобно». Именно арифмометр должен был помочь им сделать главный ленинский лозунг «Социализм – это учёт и контроль!» реальностью. Без такого инструмента в деле созидания бесклассового общества было просто не обойтись. И очень скоро чудесную машинку Однера поставили на службу построению социализма в отдельно взятой революционерами стране.

Интересный факт: главное орудие Цифровизации, то бишь средство конструирования новой общественной формации, в Стране Советов производили

на заводе им. Дзержинского. Сначала вычислительный прибор выпускали под названием «Союз», потом «Динамо», но это продолжалось недолго. Окончательный вариант – «Феликс». «Феликс» сначала в десятках, потом и в сотнях тысяч экземпляров поступал во все хозяйственные, строительные, учебные, технические и прочие учреждения огромной страны, строившей Социализм. Логика такого наименования для архинужного коммунистам прибора проста, неопровержима и предельно убедительна – как довод за авторством ВЧК-ГПУ. Дзержинский – это Феликс Эдмундович. Но главное заключалось в другом. Феликс – имя римское, оно означает «счастливый» – от *felicia*, «счастье». Всё сошлось: место производства (завод им. Дзержинского); идеология (в СССР строили «светлое будущее», то бишь счастье для всех трудящихся); и кардинальная доктрина Социализма («учёт и контроль»).

Естественно, главным инструментом, с помощью которого и было возможным возвращение человечества в Золотой век всеобщего материального благоденствия – земного счастья и в колхозах, и на заводах, и в школах, и в СЛОНе, и на БАМе, и в РККА, словом, везде, где нужно было считать (людей, материалы, расстояния, лошадиные силы, киловатты, деньги, землю, воду... – всё), была счётная арифметическая машинка «Феликс». Так сказать, советский «железный феликс» – чудесное устрой-

ство с магическим начертанием на своём металлическом лбу слова, пришедшего из эпохи I Рима, – исправно служил уже в миллионах экземпляров для вычислений и подсчётов всего потребного для того, чтобы «ФЕЛИКС» Коммунизма, Рима IV – всеобъемлющее и абсолютное счастье за авторством Маркса – Энгельса – Ленина (к тому времени и Сталина тоже) в конце концов стало реальностью: сначала в пределах одной шестой части суши, а потом (в апогее всемирной истории человечества) и во всём мире.

Кстати, эта чудесная счётная машинка запечатлена – как главный инструмент деятельности и устремлений обоих главных героев – в замечательном и даже весьма глубокомысленном, безудержно смелом (для юбилея 50-летия Великой Октябрьской) фильме «Начальник Чукотки» (1967). Именно на упомянутом арифмометре подсчитывали доходы от торговых пошлин коллежский асессор Тимофей Иванович Храмов (эту роль исполнил неподражаемый Алексей Грибов) и писарь Бычков (актёр Кононов), превратившийся в силу непреодолимых обстоятельств в «начальника Чукотки», олицетворивший пришествие советской власти в такую немислимо далёкую северную землю.

Именно в цифровых окошках «Феликса» на столе «начальников Чукотки» (досоветского и советского) сложилось заветное число: миллион (естественно, не рублей – долларов), с которым опытный

и много повидавший на своём веку Грибов-«Храмов» в компании с молодым и наивным коммунистом – бывшим писарем Алёшей (Кононов) отправился в вожделенную Америку – за счастьем, которое кажется таким близким (если есть деньги). Надо понимать, что подчёркивает эта экспрессивная и как будто незаметная, малозначащая деталь в кадре: без счётного «Феликса» немисливо достичь ни светлое социалистическое будущее (к которому неудержимо рвался идеальный коммунист в исполнении Коконова), ни земное благобытие, критерии которого для людей, живущих не мечтой, а реальностью («Храмов» – и Грибов тоже), не меняются никогда, тем более при перемещении на территорию Америки, ослепительно сверкающую иллюминацией ночного Сан-Франциско... Дóлжно заметить: наши псевдороссийские долларовые миллионеры, мнящие себя владыками денег-цифр, полностью принадлежат (добровольно и всецело) этой концепции якобы «светлого будущего». То есть фильм гениальный и даже чуть-чуть пророческий...

Но вернёмся к цифровой революции, совершённой Лейбницем.

Поле своей деятельности немецкий математик избрал уже становившееся для его цивилизации и его времени самым важным – счёт, то есть всё, что подчинено цифрам. А если цифрам подчинено всё?.. Конечно, Лейбниц знал, что́ делает, а потому

и молчал о замысле. Готфрид Вильгельм, секретарь Ордена розенкрейцеров, вознамерился властвовать: над всем (sic!) – методом Цифровизации. Ещё раз повторим: а если цифрам подчинено всё?.. Да, читатель, вы правы... Речь о властительстве – над всем. Но ведь где-то мы уже слышали о том, не правда ли?.. И опять вы правы: Евангелие от Матфея, глава четвёртая. «Всё это дам тебе, если падши поклонисься мне...» – так говорит дьявол, искушая Христа. Именно в этом и заключалась идея секретаря той особой организации: получить власть над всем, над всеми царствами мира, над всем сущим (что только можно посчитать... – текущая задача для нашего гениального математика: сделать так, чтобы посчитать можно было всё).

Соблазнительная идея. Но Лейбниц не соблазнился: он изначально принял её как свою (и мы понимаем: не только свою) цель и задачу и усердно работал над ней. Вы говорите: соблазн от дьявола? Какая разница! Цель оправдывает средства! Главное – власть!

Теперь понимаете всю гениальность и безграничность замысла? И всю его богоборческую суть?

Современником гениального Лейбница был не менее (некоторые считают, что гораздо более) гениальный Ньютон. Исаак Ньютон в чём-то даже опережал Готфрида Лейбница. Сейчас станет понятно, о чём речь. Доступ к дневникам гениального Нью-

тона открылся на аукционе «Сотбис» в 1936 году, предложившем любителям редкостей приобрести «научное» наследие самого выдающегося в мировой науке математика и физика. Так появилась возможность понять, что абсолютное большинство изысканий Ньютона отражает, собственно, не процесс его научных поисков, увенчавшихся великими открытиями, но оккультные – алхимические и каббалистические – попытки мага натурфилософии, «гения всех времён и народов», проникнуть в суть вещей и даже времени – с помощью, конечно же, всесильной Науки, или рации, или «гнозиса»...

Конечно, Исаак Ньютон был абсолютно уверен, что он (а не какой-то Лейбниц, пусть даже состоящий в высокой должности секретаря немецких розенкрейцеров), именно и только он имеет право на то, чтобы стать и быть признанным «научным Мессией». В конце концов, разве не его родителем был Исаак из английской деревни Вулсторп, графство Линкольншир? Более того, сам Исаак Ньютон был свято уверен (именно в ходе своих алхимических опытов он непреложно уверовал в это!), что не по преемству людской чести, а по наследию крови его исключительная гениальность; он – Исаак Ньютон есть не кто иной, как продолжатель генеалогической линии, которая служит стержнем, является осью всей Истории человечества. Он, Исаак Ньютон, – прямой наследник Авраама, Моисея, Иисуса

Христа... Он «Моисей и великий Пророк от Науки», по сравнению с которым и Христос – лишь один из чреды, ведшей к нему, Исааку Ньютону, получившему Откровение – посредством математики, помноженной на каббалу, алхимические тайны и магию натурфилософии.

Довольно часто можно услышать или прочитать о том, что в 1936 году английский экономист Джон Мейнард Кейнс из самых лучших побуждений приобрёл на аукционе дневники и рукописи Ньютона. И что, ознакомившись с их содержанием, он впал в ступор; он был в шоке... Хотя было бы непростительной наивностью думать, что этим человеком, приобретшим ньютоновский лот, двигал чисто научный интерес или же он свято благоговел пред величием Ньютона. Судя по всему, Кейнс приобрёл рукописи сэра Исаака Ньютона совершенно по другим соображениям. Именно в 1936 году выходит в свет книга Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег». Не стоит забывать, что политэкономические идеи Кейнса были приняты и изучались в ведущих государствах Запада. То есть: архив Ньютона приобрёл отнюдь не рядовой коллекционер древностей. Интерес Кейнса к наследию Исаака Ньютона был, так сказать, профессиональным. Иными словами, ведущий экономист капиталистического мира знал, что́ искал.

Можно по-разному трактовать молчание Кейнса после того, как он ознакомился с содержанием рукописей «гениального Ньютона». Вполне вероятно, он был действительно впечатлён, слишком впечатлён откровениями мага и алхимика от науки. Однако сколько-нибудь основательное знакомство с биографией и трудами Джона Мейнарда Кейнса гораздо более вероятным делает иное, а именно: покупатель был единомышленником сэра Исаака Ньютона – и он нашёл то, что искал. Этим и объясняется молчание в то время едва ли не самого авторитетного в Западной Европе и США экономиста-политика. По крайней мере, очень многое говорит именно о такой мотивации «научного» поиска Кейнса, приведшего этого человека на аукцион ради приобретения дневников и рукописей Ньютона.

Та работа, которой посвятил свою жизнь Исаак Ньютон, пытаясь с помощью математики и алхимической магии постичь судьбы мира, как раз во времена Кейнса, в 30-х годах XX века, шла весьма активно именно в области экономики. Речь идёт о выработке и продвижении экономической модели будущего. Кейнс был причастен к этому процессу, и более того: он принадлежал к руководящему звену экономистов – разработчиков модели. Он, в конце концов, нарушил молчание, рассудив, что время пришло, – и опубликовал свою статью, дав ей интригующее название – «Другой Ньютон».

Кстати, Кейнс приобрёл не все сокровища из заветного ньютоновского сундука, то есть купил лишь то, что представляло для него интерес. За вторую, причём бóльшую, часть лота заплатил другой человек. Покупателем стал уроженец Иерусалима Абрам Шалом Иегуда, друг Эйнштейна. Незадолго до своей смерти этот человек, с таким фантастически символическим для еврейской религиозной культуры именем, передал приобретённую им часть архива Ньютона в Национальную библиотеку Израиля (Иерусалим).

Важно понимать, что те, кто стратегически руководит мировой экономикой и чья власть финансово и политически не ограничивается одним государством и превосходит масштаб коалиции нескольких стран, менее всего думают о деньгах (ведь деньги – только инструмент); они думают о будущем и планируют (в том числе и посредством экономики) бытие человеческой цивилизации. В конце концов, разве не Economist демонстративно декларирует на своей обложке посредством шарады-схемы запланированные этапы Истории? Обрётённое Кейнсом «научное» наследие Ньютона однозначно свидетельствует, что будущее было главным предметом размышлений обоих: человека, не случайно наделённого статусом главы Королевской академии наук в Лондоне, – и другого человека, приобретшего рукописи и дневники Ньютона, первого барона

из рода Кейнсов, которого журнал Times в 1999 году объявил одним из влиятельнейших и самых значимых фигур XX века.

Ясно, что предать огласке столь явные признания самого Исаака Ньютона в том, кем он себя считал, было для Кейнса непростым решением. Ведь этого человека на протяжении трёх веков провозглашали величайшим гением, ведущим человечество в светлое будущее – эпоху рационализма и верховенства подлинной Науки, которой, по закону творцов революции в умах, было суждено упразднить веру в Бога, заменить собой, Всемогущей Наукой, Творца – окончательно и бесповоротно.

А что же Лейбниц?

Гениальный математик Лейбниц пошёл стезёй, которая, совершенно согласно с замыслом проложившего тропу и расставившего вдоль этой математической стези указатели-формулы, через два столетия привела прогрессивное человечество в таинственные цифровые тайники-реторты Блетчли-парка, к «Колоссу», где в военном 1944 году началась цифровая двоичная возгонка математического эликсира, с помощью которого – и это уж наверное! – Лейбниц в своё время мечтал обрести цифровой философский камень в ипостаси «Монады», то бишь так хорошо известной со времён Вавилона Единицы. Ньютон «шёл другим путём», но тоже вполне цифровым, математическим. По край-

ней мере, все так думали до 1936 года. Довольно многие думают так и поныне.

На самом деле всё обстоит ещё интересней. Некоторые историки науки осмеливаются обращать внимание на то, что в приличном научном обществе принадлежит запретной области и является (негласно) табу. Это те факты, о которых не следует говорить, если, конечно, не хочешь нажить себе неприятности со стороны подавляющего числа авторитетных и влиятельных академиков и членков. О чём речь? О том, что самые важные физические законы, открытие которых доставило Ньютону не меркнувшую в веках славу абсолютного гения, были, так сказать, открыты задолго до него. Если говорить начистоту, Исаак Ньютон вполне мог сказать о себе как учёном изящным и правдивым стихом Киплинга (если бы тот был его современником). Но, поскольку Ньютон жил и творил на два с половиной века раньше Киплинга и, самое главное, не отличался откровенностью, поможем гениальному английскому математику словом талантливого – британского же – поэта. В конце концов, настоящие стихи неподвластны времени...

Гомер все на свете легенды знал,
И всё подходящее из старья
Он, не церемонясь, перенимал,
Но с блеском – и так же делаю я.

When 'Omer smote 'is bloomin' lyre,
He'd 'eard men sing by land an' sea;
An' what he thought 'e might require,
'E went an' took – the same as me!

А девки с базара, да люд простой,
И все знатоки из морской братвы
Смекали – новинка-то с бородой,
Но слушали тихо – так же, как вы...

The market-girls an' fishermen,
The shepherds an' the sailors, too,
They 'eard old songs turn up again,
But kep' it quiet – same as you!

Гомер был уверен: не попрекнут
За это при встрече возле корчмы,
А разве что дружески подмигнут,
И он подмигнёт: ну так же, как мы*.

They knew 'e stole; 'e knew they knowed.
They didn't tell, nor make a fuss,
But winked at 'Omer down the road,
An' 'e winked back – the same as us!

---

* Перевод А. Щербакова.

По мысли Ньютона, Лейбниц, в конце концов, был просто Готфридом Вильгельмом; но Ньютон был Исааком, да и отец его носил это славное имя. Рискуя быть обвинённым в отсутствии толерантного взгляда на вещи, всё же упомянем известные факты из научной карьеры Ньютона. Его ввёл в большую науку, познакомив с авторитетными (и нужными) людьми, Барроу. И представьте себе: наставника тоже звали Исаак... Довольно странно, не правда ли? Но это просто факты. Пусть они будут лишь совпадениями, чредой случайностей – и только.

Итак, всё предельно ясно. О чём вообще спорить? Но они, Готфрид с Исааком и Исаак с Готфридом, спорили. Понятно, что в научном соперничестве двух гениев: «кто более гениален» – Ньютон считал, что он по определению обладает правом первенства, распространяющимся на всё – и на науку тоже. Потому глава Королевской академии наук и по совместительству глава («мастер») Монетного двора королевства не церемонился с Лейбницем. И по праву этого чудесного не столько научного первенства, сколько первородства победа была присуждена авторитетным научным сообществом Ньютону. Впрочем, как раз в этом и нет ничего удивительного: то же самое происходило довольно часто и в последующие столетия и вовсе не только на Британских островах. Совсем не редко то же самое

происходит и в наш удивительно толерантный (для простаков) век. Наверное, прежде чем идти дальше, необходимо несколько прояснить специфику спора гениальных Ньютона и Лейбница. Иначе соперничество может действительно показаться лишь спором честолюбцев от науки. Суть этого эпизода «из истории развития научной мысли» заключается в ином, а именно: в различии методов достижения цели, а она была одна – и для Ньютона, и для Лейбница. И тот и другой мыслили себя «мессией». Но если Ньютон шёл путём оккультной алхимии, веря, что он – «Мессия» по обетованию, то Лейбниц шёл к цели, так сказать, стезёй алгоритма: то есть он поставил на математическую карту всё, чтобы «Мессией» – стать. То есть: если ему, именно ему предложена возможность математически (а значит, и в реальности) владеть миром, вообще «всем», то стоит только сказать предложившему (а кто это, мы знаем – см. Матфей, глава четвёртая) «Да!» – и всё: ты, Лейбниц, и будешь обетованный «Мессия». Конечно же, Лейбниц с готовностью сказал «Да!» – и стал «мессией», только маленьким, очередным претендентом... – Ведь дьявол всегда лжёт: он не способен, не может изрекать правду. Впрочем, и Ньютон оказался в том же ряду – по той же причине.

Различие заключалось в методах, цель же у обоих была одна: Мессия должен придти. Скажем более определённо и даже с полной ясностью: цель

Цифровизации – приход «Мессии». Но кто это будет, мы знаем, об этом персонаже и о признаках его явления (в том числе и цифровых) нам рассказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Алхимическо-математическая ньютоновская цифровая дорожка привела мастера от математики, физики, алхимии и натурфилософии (конечно, умозрительно) в настоящее Зазеркалье – с точки зрения всякого нормального человека середины XVIII века – в 2060 год. Именно тогда (по Ньютону) совершится то, что в Библии и Откровении Иоанна Богослова именуется «концом света».

Что всё это означает? Это означает прелюбопытные вещи. В данном случае сакральную Цифровизацию. Да-да. Именно так: если не знать некоторые реперные точки пути Цифровизации, то невозможно разобраться, понять очевидное, происходящее прямо перед твоими глазами. Речь пойдёт о... Библии. Именно об этом, о Священном Писании, раскрытию тайн которого посвятил свою жизнь Исаак Ньютон. В Библии числа и цифры имеют очень важное значение.

Сейчас мы не будем говорить о довольно нелепой идее Ивана Панина подчинить Священное Писание нумерологии, чем, в частности, занимался упомянутый г-н Панин. Этот американец русского происхождения, основываясь на цифровой системе и каббале, построил собственную систему «расшифровки» числовой тайнописи Библии. В своё время

Панин за революционную деятельность был выслан за пределы Российской империи. Он родился в 1855 году; это означает, что революционные идеи настолько пленили простодушного, но математически способного Панина, что он не смог освободиться от них, даже выйдя из возраста молодого человека. Более того: Иван Панин остался в плену математическо-каббалистическо-революционных идей до конца своей жизни – и при этом всё более и более откровенно заявлял о себе как об атеисте.

На пятидесятом году своего жития Панин сделал «гениальное открытие»; будучи законченным атеистом, он провозгласил: «Всё во Вселенной создано Творцом по строгим математическим законам; в Писании всё подчинено цифрам и числам». Это утверждение заняло 40 тысяч (sic! – п. П.) страниц текста, что, вероятно, тоже имело цену самодостаточного доказательства, так как в подвиге гения библейской (или квазибиблейской) Цифровизации постранично слагались сакральные числа: 40 и 1000! О чём ином, кроме как о математическом откровении, вообще можно было говорить?..

Но речь о другом. Не о блужданиях Ивана Панина по пространствам звёздно-полосатой Америки и дебрям якобы библейской нумерологии за его же авторством. Сейчас надо рассказать о грандиозном проекте библейской Цифровизации, в котором российский революционер Иван Панин, ставший

«американским гением», находится, прямо скажем, на задворках, – и, в принципе, его «гениальные» библейско-математические прозрения совершенно не интересны – несмотря на всю «гениальность». Но почему Ньютон так озаботился библейской хронологией? В чём причина? Причина очень существенная – она заключена в решениях иудейского так называемого Ямнийского собора, имевшего место в самом завершении I века по Рождестве Христовом. Числа очень заботили старейшин иудейских. Предельно кратко поясним суть дела. В 70 году Иерусалим был взят римлянами, восстание иудеев подавлено с крайней жестокостью. Бедствия народа, отвергшего и распявшего Мессию Христа, с подробной выразительностью описаны Иосифом Флавием в «Иудейской войне».

Христианство, несмотря на обрушившиеся на воровавших в пришедшего Мессию жесточайшие гонения, начатые римскими императорами-язычниками, победило мир не силой оружия, а силой Христовой любви и Божественной Истины. Главенствовавшие в народе еврейском ненавистники Христа – князья иудейские, первосвященники и книжники собрались в Ямне, небольшом приморском городке, где они обрели пристанище после разорения Иерусалима. Важнейшим вопросом было: как противостоять Христианству и вообще упразднить учение Христа?

По тщательнейшем размышлении старейшины иудейские решили, что в деле уничтожения Христианства главную роль, одну из главных ролей, должны сыграть числа. Ключ в библейской хронологии. Есть очень интересное современное научное исследование – книга «Две Библии – два пути». Это хронологический анализ библейских изводов. При сравнении-чтении масоретской Библии (результат редакции библейских текстов, предпринятой согласно решению Ямнийского собора) и Септуагинты (греческая Библия) сразу же бросаются в глаза хронологические несовпадения: в масоретской Библии патриархи живут гораздо меньше, чем в Септуагинте. Чтобы совсем прояснить суть: до Ямнийского собора Библия иудеев была вполне, так сказать, православной, хронологически (и не только хронологически) её сделали неправославной исполнители велений составивших Ямнийский собор – книжников и фарисеев.

«Две Библии – два пути» даёт подробную картину осуществлённой редакции библейского текста – последовательных хронологических искажений, в результате которых летоисчисление современного иудаизма на 1748 лет короче летоисчисления христианского, точнее православного, так как некоторые «христианские» конфессии усвоили хронологию масоретского извода. Почему? Потому что надо было «доказать», что исполнение седьмин пророка

Даниила ещё «впереди», иными словами: Христос, настоящий Мессия, якобы ещё не пришёл, это событие впереди, ему ещё суждено исполниться.

Всё это сказано для того, чтобы проиллюстрировать принципиальную значимость Цифровизации не столько в библиистике, сколько в вере как в стержне мировой истории и бытия человечества. Надеюсь, исключительная важность данной проблемы очевидна. Интерес Ньютона к теме библейской цифровизации отнюдь не случаен. Исаак Ньютон оперировал цифрами масоретской Библии. Он был адептом этой вероучительной концепции, и более того: мыслил себя её конечным гениальным исполнителем, то есть фактически пророком-Мессией, и совсем не только математическим...

Таковы пути Цифровизации.

По Лейбницу, Цифровизация ведёт к отмене «конца света» – окончательно и бесповоротно, дарует человечеству освобождение от греха – то есть «человеческой погрешности». По Ньютону, Цифровизация позволит человеческой мысли объять всё – в том числе и сокровенные судьбы Божии. В данных двух вариантах за авторством Лейбница и Ньютона угадываются... единица и ноль. Впрочем, это и немудрено: в конце концов, слово, означавшее для древних греков «ничто», – это οὐδέν... Древнегреческое «ничто» – οὐδέν фонетически так похоже на наше, стопроцентно индоевропейское,

«один». В чём-то, причём самом главном, усматривается тождество моделей бытия по Лейбницу и по Ньютону: современникам, завидовавшим друг другу, интриговавшим, соперничавшим между собой в борьбе за славу самого знаменитого математика всех времён и народов.

Хотя чему, в принципе, удивляться? Готфрид Лейбниц был математиком-розенкрейцером; Исаак Ньютон – алхимиком и каббалистом, магом от математики. Лейбниц замыслил отменить Апокалипсис – конец света. Ньютон был одержим мыслью властвовать над всем: миром, материей, временем – и управлять ими; он хотел определять и самые судьбы Божии.

Итак, Лейбниц придумал двоичную, бинарную систему. Может быть, сейчас правильнее назвать эту систему машинной. Улавливаете? Лейбниц начинал манипуляциями с яйцами и рюмками за завтраком, потом, чтобы мыслительный процесс не потерял динамичности, переключился на металлические шары. Машинка была придумана, но сделать её смогли только два века спустя. Этой машинкой (вполне «адской», хотя тогда ещё на уровне 40-х годов XX века) стал упомянутый «Колосс», собранный в таинственных бункерах Блечли-парка лондонского предместья в 1944 году, – первый рабочий двоичный компьютер. И сейчас мир живёт, вернее будет сказать – несётся, в стремнинах безграничной

цифровой реки, берега которой – единица и ноль. Бесконечный поток единиц и нулей (включений и выключений) вобрал в себя всё: от банковских счетов и медицинских справок до кассовых чеков за любую мелочь в любой лавке по всему белу свету.

Но процесс не окончен. Уже в наши дни этот процесс проецируется в бесконечность – и на весь Универсум. Именно эта идея бесконечности Цифровизации, бесконечности во всех смыслах – и даже в придании данному феномену функции творческой, то есть, если быть терминологически точным, обожествление Цифровизации, положена в основу концепции фрактальной геометрии за авторством Бенуа Мандельброта.

Здесь нужно уточнить: советский академик Борис Раушенбах открыл для себя, сначала как математик, что Бог есть. Потом он открыл это для себя как человек. Что касается фрактальной геометрии за авторством Мандельброта, который, взглядываясь в магический «могендовид», открыл её для себя, а потом и для нас, – всё обстоит несколько по-иному. Фрактальный принцип во всей своей гениальности и математическо-геометрической чёткости нам являют... иконы, православные иконы в ставрофорных (кресчатых) орнаментах архиерейских облачений. Если сравнить эти удивительные фрактальные откровения древней иконографии с жутковатыми фрактальными хи-

мерами Мандельброта, всё станет очень понятно. Как говорят профессиональные фотографы, всё зависит от того, как поставлен свет... Или, словами епископа Игнатия Брянчанинова из его письма, в котором он даёт оценку мечте Декарта (о нём ещё будет сказано. – п. П.) о независимости духов от пространства и времени: «Тёмное и загадочное делается очень ясным и простым»*.

Мандельброт и его фрактальная геометрия – прекрасный пример того, куда идёт (и ведёт) *такая* Наука. Потому-то здесь и уместна отсылка к академику Раушенбаху. Он, размышляя над принципом пространственного изображения в православной иконе, сделал открытие. Не подумайте, что речь идёт только о геометрии, математике и формулах. Да и вообще: какое уж тут «открытие», когда оно наглядно демонстрируется в тысячах икон, на которые мы смотрим и перед которыми молимся на протяжении почти двух тысяч лет. Они служат нам *откровением* – именно так. И всё-таки это было настоящее открытие – его учёный совершил *для себя*. Об иконном откровении мы тоже поговорим, но чуть позже. Они (и открытие Раушенбаха, и откровение иконографии) имеют отношение – самое непосредственное – к Цифровизации. Раушенбах сначала уразумел открывшееся ему в иконе, а потом

---

* Письмо от 4 июня 1865 года – епископу Феофану Затворнику.

(из подлинного человеколюбия) поделился обретением с ближними, в том числе и с нами.

Достоин внимания, что своё научное завещание и напутствие грядущим поколениям математиков отец фрактальной геометрии Мандельброт запечатлел в эффектном фото: гениальный математик позирует на фоне доски, испещрённой математическими формулами, среди которых главное место занимает гигантская гексаграмма – символ каббалы как квинтэссенция цифровой магии. Впрочем, для историка науки в этом как раз и нет ничего нового или странного. В конце концов, достаточно помнить, кем были по своим убеждениям и «научным» взглядам столпы европейского Возрождения...

Итак, всё, что нам нужно, – это единица и ноль? Всё и ничего? To be or not to be? Так всё-таки, о чём же писал Вильям наш, понимаешь ли, Шекспир?

И мы, люди, сумеем сохранить контроль над ними: её величеством единиц и её alter ego – «сифрой», нулём, всё, абсолютно всё содержащей математической чёрной дырой?

Вы это серьёзно? – Куда уж серьёзней...

* * *

Здесь необходимо сделать одно, но очень существенное замечание. Всё, что сказано выше; всё, о чём рассуждали специалисты по истории науки,

и в частности, математики; все изыскания гениев или почитавшихся (и почитающихся) таковыми описывают, моделируют, воссоздают ту реальность, которая представляет искажённое бытие. Для большей ясности скажем так: искажённое человеческое бытие. Что это значит? Рассмотрим один, но очень важный аспект. «Искажённое бытие» означает не что иное, как Эволюцию, в которую относительно с недавних пор уверовала бóльшая часть человечества. Нас всех со школьной скамьи пестовали (учили и, увы, научили) идеям, честь обнародования коих была возложена на Дарвина.

То есть: сначала была обезьяна. Как показывают эксперименты, это животное способно различать численность предметов (естественно, в элементарной форме). Эксперименты биологов ясно иллюстрируют факт, что таковой способностью обладают (наделены) все животные, птицы, даже насекомые. Но вот обезьяна... «стала человеком» (признаться, звучит комично, хотя, если знать намерения Дарвина, вернее, умысел возведших его на пьедестал гениальности, становится не до смеха), и пошло-поехало.

Процесс эволюции счёта-цифровизации во всё бóльших масштабах и на всё бóльших скоростях запущен и идёт с невиданным ускорением. Однако такое представление о путях цивилизации, которые можно довольно точно терминологически опреде-

лить как прогресс, вступает в непреодолимое противоречие с религией как таковой (о противоречии с действительностью и говорить нечего – настолько всё очевидно в умножении непреодолимых проблем, которые «прогрессивное» человечество генерирует с маниакальным упорством одержимых). Уточним для ясности: говоря о религии, мы будем иметь в виду библейскую концепцию. Библия утверждает, что человек был сотворён совершенным – во всём; он нарёк имена всему – и уж точно был изначально способен к элементарному различению цифр и чисел, хотя этот очевидный факт дарвинисты будут упорно отвергать.

Современная, общепринятая, «научная» история математики эволюционна (как и сама математика, которую преподают в школах и университетах). Эта концепция в основе своей имеет мировоззрение, противоположное библейскому, в том числе и на природу человека – человека, сотворённого Богом, облагодатствованного совершенством образа и подобия Божеству, наделённого верным познанием обо всём, но в отпадении от Творца утратившего дар совершенного ведения.

Известная всем нам с советских времён и, увы, общепринятая картина мира рисует абсолютно иное. Человек – произведение Материи, от бессознательных аморфных форм каким-то непостижимым образом в чудесной (именно так!) самооргани-

зации обретшее – из ничего – новое, качественно, принципиально новое достоинство: жизнь. Потом, за завесой миллионов и миллионов лет, опять же непостижимым, поистине магическим образом эта Материя произвела из себя, «вещи в себе», сначала простейшие формы животной жизни (тоже в известном смысле «вещи в себе»); затем сложнее – животных; и наконец, человека (главную «вещь в себе»), умеющего считать и в наш просвещённый век дошедшего по пресловутой цифровой дорожке до *idée fixe*: Цифровизации.

Настоящая наука, религия, человеческая душа, Бог – говорят об ином: «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Ек. 7, 29).

Но о том – в особой главе.

Немного из истории занимательной философии атомизма

Поскольку тема настоящего эссе связана с цифрами, а это, в свою очередь, отражает процесс познания мира (в конце концов, разве мы не должны, не вправе знать, из чего он изначально составлен и состоит?), необходимо совершить экскурс в область философии, точнее, философии атомизма, историю научных поисков, целью которых всегда, во все времена было осмысление начал бытия.

Итак, в путь по стёжкам-дорожкам философии атомизма. Несколько предваряя рассказ, скажем, что эти странствования по довольно запутанным тропинкам математическо-цифровых блужданий человеческого разума, всё более и более увлекавших на страну далече отчуждившихся власти Творца, приведут нас... в театр. Но сейчас наш предмет изучения – философия атомизма.

* * *

Большая советская энциклопедия (до недавнего времени служившая для всех советских людей источником и мерилom истинности в последней инстанции сведений обо всём на свете) так определяет Атомизм: «Атомное учение (чудесно – sic!), атомистика, учение о прерывистом, дискретном, зернистом (тоже неплохо! – п. П.) строении материи. Атомизм утверждает, что материя состоит из отдельных чрезвычайно малых частиц; до конца XIX века они считались неизменными...

Атомизм выступал почти всегда как материалистическое учение, поэтому борьба вокруг него отражала прежде всего борьбу между материализмом и идеализмом в науке. Атомизм уже с древности был направлен против идеалистического и религиозного взгляда на мир, ибо всё сущее он объяснял при помощи частиц материи, *не прибегая к сверхъестественным причинам* (чудесно! – п. П). Материалистическое течение в Атомизме исходит из тезиса, согласно которому атомы материальны, существуют объективно и незыблемы».

Всё по-школьному ясно и даже когда-то было абсолютно понятно учащимся советской школы и студентам советских вузов. Целостно-противоречивая (именно так! – п. П) картина бытия не вызывала вопросов; мировоззренческие проблемы даже в области осмысления существования фи-

зического, материального мира снимались очень легко – авторитетом «единственно верного учения». Если они всё-таки у кого-то и возникали, то существовали где-то там, за гранью, за пределами бытия честного советского трудящегося – жизни, представлений, удовольствий и интересов, очерченных непреодолимыми для простых смертных, крепко охраняемыми границами «первого в истории человечества государства нового типа».

Но «школьные годы чудесные» проходили, и некоторые молодые люди, избравшие для себя стезю учения в высших учебных заведениях, с удивлением обнаруживали, что не всё так просто устроено и обстоит в этом мире. Они, сидя на скамьях студенческих аудиторий, послушно записывали в своих конспектах вслед за лектором: более-менее отчётливо изложил концепцию Атомизма Демокрит, которому открыл эту тайну бытия Левкипп (о нём фактически ничего не известно, кроме того, что он был атомистом и главой школы, из которой вышел Демокрит). Узнавали они, что Демокрит жил и трудился (замечательная, глубокомысленная формулировка, принятая в нашем Отечестве для мемориальных досок «замечательных людей») примерно в 460–360 годах до н. э.

Но о том, что в определённом смысле Демокрит – это что-то вроде толстовского Ерощки из

повести «Казачи», то есть благодушный эгоист-атеист (в самом точном, философском значении данных слов), – им никто не говорил. В своих взглядах Демокрит предстаёт последовательным и убеждённым материалистом и атеистом, чьё учение содержит зерно эволюции. В чём это выражалось? Пожалуйста: он был совершенно уверен, что гнилое мясо само по себе производит мух. Одним из любимых и увлекательных для Демокрита занятий было препарирование трупов животных; его очень интересовало, – как настоящего учёного, для которого нет преград, – как устроены «живые машины», как они функционируют.

Учение материалиста Демокрита развил и углубил другой древнегреческий материалист – Эпикур (341–271 годы до н. э.). Эпикур учил, что главная цель жизни – наслаждение. В чём-то этот философ похож на добропорядочного советского человека, потому что для Эпикура главным тезисом было: «мы бранны, так что жизнь нужно прожить счастливо» (то есть с удовольствием, но с хорошим удовольствием, потому как бывают удовольствия плохие). В загробную жизнь Эпикур не верил, но верил в богов, которых нужды земнородных абсолютно не интересовали. Ассоциации с образом мыслей счастливых рядовых обитателей Страны Советов напрашиваются сами собой... Это может показаться странным, однако мировоззрен-

ческая модель развитого Социализма напрямую коррелируется с философией Атомизма. В дальнейшем мы несколько подробнее остановимся на рассмотрении их взаимосвязей.

Что же представлял собой древнегреческий атомизм как философское и научное учение, претендовавшее на полное и непротиворечивое объяснение мира? Здесь имеет смысл указать на перипатетика Александра Афродисийского (начало III века до н. э.) и вспомнить его трактат «О смешении и росте», в котором философ критикует стоиков за их учение о «всецелом смешении», что, по мысли автора упомянутого трактата, служит свидетельством понимания ими материи как континуума, то есть материи, чуждой дискретности. Для ясности употребим здесь другой философский термин, что должно прояснить предмет несогласия атомистов с другими философскими школами Древней Греции. Иными словами: мир как континуум – это не что иное, как в чистом виде Единое, о котором толковал Платон.

Александр в своём трактате «О смешении» пишет: «Одни говорят, что началами и элементами являются бесконечные по числу неделимые тельца-атомы... Этого мнения первыми стали придерживаться, по всей видимости, Левкипп и Демокрит, а позднее Эпикур и его последователи; другие утверждают, что существуют не атомы,

а бесконечное множество подобочастных тел...^{*} – такого учения придерживались Анаксагор и Архелай; некоторые же склонялись к тому, чтобы назвать началами и элементами всех вещей некие амеры^{**}; есть и такое учение, согласно которому тела возникают из плоскостей; согласно ещё одному – из чисел^{***}.

Несколько поясним сказанное Александром Афродисийским как бы вскользь. Учение об «амерах» принадлежит Диодору Крону; о плоскостях-треугольниках (тоже в качестве и достоинстве первооснов бытия) толковал Платон. Числа, давшие бытие всему сущему, – это, конечно же, о пифагорейцах. Ряд атомистов останется неполным, если не упомянуть Ксенократа – трактат «О неделимых линиях»; Гераклида Понтийского, – учившего о «несопряжённых молекулах», и его единомышленника – Асклепиада из Вифинии. В классической форме учение Атомизма изложено в знаменитой

---

^{*} Как видим, идея фрактальной геометрии отнюдь не нова.

^{**} Замечательно, что вслед за образованными гражданами нашей страны счастливых «американских оболтусов» стали называть этим древним термином теории Атомизма и не имевшие историко-философского высшего образования, – видимо, вследствие глубинного ощущения, что одержимые «американской мечтой» по сути своего мировоззрения и жизни именно «амеры».

^{***} «О смещении и росте», 213.

поэме Лукреция «О природе вещей» (середина I века до н. э.). Все эти воззрения суть явления одного порядка, на что пронизательно указал ещё Аристотель, связав Демокрита (то есть атомистов в классическом понимании этого слова) с Пифагором: «[Атомисты] в каком-то смысле также считают все вещи числами и состоящими из чисел: хотя они не говорят этого определённо, но смысл их слов именно таков»^{*}.

Если должным образом поразмыслить о вышеупомянутых концепциях атомизма, в каких бы системах данное учение ни оформлялось, становится ясно главное: эти категории (собственно атомы Демокрита, «мельчайшие треугольники» Платона (пространственное, трёхмерное понимание идеи атома), «неделимые» линии Ксенократа), – всё это означает попытки определить, что является неделимыми первоначалами, какие бы термины ни звучали в изложении той или иной философско-физической концепции. Но вот что важно: хотя философская элита Древней Греции отвергла атомизм Демокрита, языческая мысль при этом делала своеобразное сальто-мортале. Можно сказать и гораздо грубее, языком библейского присловия: «про пса, который возвращается...» (Притч. 26, 11; 2 Петр. 2, 22) – и так далее. Это вовсе не преуве-

---

^{*} «О небе», III, 4.

личение и совсем не уничтожение языческой философии как таковой. Платонова идея Единого в известном смысле есть не что иное, как атомизм, доведённый до предела, даже более того – до абсурда: Единое – это абсолютный атом, торжествующий абсолютно во всём, и даже в организации человеческой жизни, и даже в идеях, и даже в умах и душах всех без исключения людей. И разве не эту платоновскую «сверхатомную» концепцию будет доказывать – транспонировать на всё и на вся гениальный математик Готфрид Вильгельм Лейбниц, секретарь общества германских розенкрейцеров, философствуя о Монаде?

Интересно, что некоторые историки философии думают, что греков научили атомизму индусы. Совсем как в случае с арабскими цифрами, которые на самом деле индийские, или точнее и правильнее будет сказать: «индусские» цифры. Честно говоря, утверждать заимствование такого рода – слишком наивная концепция, тем более когда речь идёт о вещах неоспоримо очевидных. Для этого, вообще-то, индусы не нужны. М. А. Солопова в своей статье «Античный атомизм: к вопросу о типологии учений и истоках генезиса» справедливо (хотя и с изрядной долей комизма) изрекла: «Установить факт философского влияния индусов на греков, как и наоборот, не представляется возможным». Совершенно верно. И что это

означает? – Это означает следующее: истоки того, что учёные именуют атомизмом, кроются, конечно же, в мировоззренческих основах язычества, которое человек, принадлежащий языческим культурам, впитывает, что называется, с молоком матери.

Но вернёмся к «серьёзной» науке. Чтобы закрепить тему греко-индусских философских связей по поводу поиска элементарных составляющих этого грешного материального мира, приведём замечательную цитату современного исследователя. «Единственная страна, откуда греки могли бы заимствовать атомизм в V веке до н. э., – это Индия, но об этом современной науке ничего определённого не известно»*. Высказывание справедливо: в данном случае теория заимствования абсолютно неверна – и по сути своей бесперспективна. Искать факты заимствования в религиозно-философских концепциях Эллады и Лациума, якобы «научившихся» атомизму от ариев Индостана, будет означать ни больше ни меньше, как если бы кто-то стал упорно искать (несуществующие) следы того, как фаллический культ религии индусов был заимствован греками – «крылатый Эрос», Приап, Дионис, Пан и римлянами – Либер, Бахус, фаллосы-стелы на аренах конских ристалищ и цирков.

---

* Почему-то вспоминается неподражаемый лектор из «Карнавальная ночи».

Атомизм – это общий онтологический принцип язычества, в каких бы формах и мифологемах это религиозное мировоззрение ни являлось на историческом пути самых различных племён и народов. В конечном итоге, как о том свидетельствует история Новейшего времени, атомизм становится главной и принципиальной характеристикой атеизма – учения, по сути своей представляющего самое основное в язычестве – обожествление материи, придание ей настоящей божественности и функции Творца: материя якобы всё творит из себя.

Исследователь вопроса возможного заимствования атомистической идеи греками от индусов продолжает сетовать: «Взаимосвязи между греческой и индийской школами атомизма игнорируются бóльшей частью учёных, а если и обсуждаются меньшей частью, то с удручающей краткостью. Например, Гатри цитирует заключение Бейли, что не существовало никаких взаимосвязей, а Бейли, в свою очередь, ссылается на книгу Кейта *Indian Logic and Atomism*. Сам Мак Эвилли полагает, что можно говорить о влиянии индийского атомизма на возникновение атомизма греческого, и указывает в качестве кандидатов учительства на школы адживиков, джайнов и чарваков, которые существовали в VI веке до н. э., хотя письменные каноны их учений были созданы гораздо позднее. Однако всерьёз о таком влиянии никто из исследователей не нахо-

дит возможным говорить». Действительно, как обо всём этом можно говорить серьёзно?

Конечно, нельзя совершенно игнорировать суждения тех историков науки, которые убеждённо и с желанием убедить толкуют о простом (или сложном) заимствовании идеи атомизма. Но самое главное в этой проблематике – объективно неоспоримая и неизбежная констатация той общности идей, которая безусловно присутствует в самых разных языческих философских школах. И настоящая причина тому очень понятна: она в принципе не зависит от каких-либо теоретически допускаемых возможностей заимствования и не обусловлена ими. Она коренится в самой мировоззренческой основе язычества как неведения (или отвержения) Единого Истинного Бога – Творца и Промыслителя. Здесь, естественно, имеются в виду те религиозные учения, которые принципиально отличны от вероучительной доктрины (догматов) Православной Церкви, – и, по сути, противоположны её учению.

Что можно сказать (предельно кратко) о теоретически как будто вполне возможных взаимосвязях главного древнегреческого атомиста с наиболее известными языческими религиозно-философско-окультурными учениями Востока? Если они и имели место в истории (допустим это), то не столько влияли на формирование философской системы атомизма в Древней Греции, сколько в очередной

раз подтверждали общность идеологических основ осмысления мира адептами языческих культур.

В своей книге «Опровержение всех ересей» Ипполит Римский (II–III века) пишет о верховном атомисте Древней Эллады: «Демокрит был знаком со многими индийскими гимнософистами, египетскими жрецами и астрологами и вавилонскими магами». Диоген Лаэртский сообщает следующее: «Некоторые утверждают, что он поддерживал знакомство с гимнософистами в Индии и совершил путешествие в Эфиопию»*. Ему вторит Элиан: «Он ездил к халдеям, и в Вавилон, и к магам, и к индийским мудрецам»**.

* * *

Если посмотреть на атомистическую теорию с позиции цифровизации, то есть счёта, мы неизбежно придём к однозначному выводу: атомизм – это утверждение, что всё в мире можно посчитать; всё, даже «атомы души», о которых толкует Аристотель. В своём трактате «О душе» этот древнегреческий философ утверждает: «Атомы души подобны так называемым пылинкам в воздухе, которые видны в солнечных лучах, проникающих в узкую щель». Мысль, высказанную Аристотелем, поясняет в

---

* Диоген Лаэртский, IX, 34.

** Клавдий Элиан. Разные истории, IV, 20.

комментариях к упомянутому трактату «О душе» Иоанн Филопон: «Эти пылинки существуют в воздухе, но так как они незаметны из-за слишком малой величины, то кажется, что они и не существуют, и только лучи солнца, проникая через окно, обнаруживают, что они существуют; подобным же образом существуют и неделимые тела, мелкие и невидимые из-за малой величины».

Некоторые современные историки науки (как физики, так и философы) в своих изысканиях развивают так называемую лингвистическую теорию. Впервые эта идея была сформулирована английским синологом Дж. Нидэмом в его фундаментальном исследовании «Наука и цивилизация в Китае», представляющем собой обширный проект в изучении грандиозного культурологического наследия Поднебесной империи. Нидэм опирался на тот факт, что цивилизации, в которых получили распространение идеи атомизма (греческая, индийская, арабская), имели алфавитную систему письменности, в то время как Китай всегда был, так сказать, иероглифичен.

Вряд ли гипотеза Нидэма заслуживает статус абсолютной и доказанной достоверности. Но вот что замечательно: терминология натурфилософских учений о первооснове (первоосновах) мира как субъекте (субъектах) тварного бытия весьма определённо указывает на некое тождество краеуголь-

ных понятий философии атомизма и лингвистики. И это является очевидным фактом. По-гречески понятия «элемент» и «буква» означены одним словом στοιχεῖα. И в данном понятийно-лингвистическом ряду «буква» является первым, исходным, начальным значением слова, а «элемент» – более поздним, семантически производным (от собственно «буквы») понятием.

Заметим по ходу дела, что здесь Запад и Восток вопреки Киплингу* всё-таки являют общую понятийную платформу. Древний Китай, как и Древняя Греция, говорит именно об элементах-стихиях, однако это обстоятельство в данном случае почему-то ускользает от внимания упомянутого учёного. Важнейшая особенность китайской мудрости заключается в том, что в ней мы наблюдаем подчинённость собственно «стихий» концепции числовой системы, имеющей в философских учениях Поднебесной очевидную оккультную доминанту. Хотя и в этом можно, – а может быть, и нужно, – если не усматривать, то уж точно замечать единство мировоззренческой основы язычества во всём его многообразии культур и верований. Аристотель, ничего не зная о «пяти элементах» китайской натурфилософии,

---

* «Запад есть Запад, и Восток есть Восток, и с мест они не сойдут...» – Д. Р. Киплинг. Баллада о Востоке и Западе. Перевод С. Маршака.

очень определённо указывает на пентаграмму как геометрическо-сущностное выражение бытийной основы всего.

Итак, логика деления речи на слова, слов на слоги, слоги на буквы (о чём говорят философы языческой древности как Запада, так и Востока) и параллельная концепция деления мира на «вещи», а «вещей» на «элементы» не только подразумевает численность, счисление как неотъемлемую часть этой концепции, но сообщает численности, счислению (и порядку исчисляемого) исключительную функциональную значимость. И тут уже явно ощутима идея Цифровизации.

Лукреций даёт замечательное по выразительности изложение данной логической схемы в стихотворной форме («О природе вещей»):

*Даже и в наших стихах ведь имеют большое значенье
Расположение букв и взаимное их сочетанье:
Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью всё, то всё-таки большая часть их
Те же, и только один распорядок их дело меняет*.*

Но всё это относится в основном к древности. Что происходило (и происходит) в мире научных

---

* О природе вещей, II, 1014–1019. Перевод Ф. А. Петровского.

идей нашего, Новейшего времени? Фрэнсис Бэкон, опираясь на идеи Демокрита, равно как и на алхимическую концепцию, коей он являлся убеждённым адептом, был абсолютно уверен в «божественности» материи. Он полагал (лучше так и сказать: «верил»), что материя состоит из «кирпичиков», делимость которых бесконечна (то есть, иными словами, божественна...).

Было бы неправильным не упомянуть об итальянских гуманистах, чья роль в атомизме велика. Они в данном направлении проделали поистине титаническую работу. Назовём одного из самых известных и почитаемых современной наукой в качестве гения итальянского Возрождения – Джордано Бруно. В своём трактате «О магии» он утверждал, что именно магия есть истинно научный метод исследования всего материального, Материи. Магия, по Бруно, есть ключ к постижению всего сущего и способа бытия всего существующего. Более того: он был абсолютно уверен, что этот метод и есть единственно истинный, открывающий тайну мироустройства. Бруно отвергал случайное движение и столкновение атомов. Он был убеждён, верил, что источник движения заложен в самой материи, а значит, и в мельчайших её частицах – атомах. Потом Томмазо Кампанелла в своей «Метафизике» напишет о «новейшем лукрецианце» (с которым он был лично знаком по римской

тюрьме инквизиции) и о том, что логический вывод из учения Дж. Бруно о бесконечности Вселенной и атомном строении мира следующий, цитируем: «Точка и атом и есть Бог».

В диалоге «О бесконечности, Вселенной и мирах» Бруно утверждал, что Вселенная состоит из прерывных дискретных частиц, существующих в непрерывной бесконечности – пространстве. «Непрерывное состоит из неделимых» – это 42-й тезис, который Бруно декларировал на диспуте в колледже Камбре. Данный принцип гуманист доказывал на страницах своего трактата – в «Камераценском акротизме»*: «Существует предел деления в природе – нечто неделимое, что уже не делится на другие части. Природа осуществляет деление, которое может достичь предельно малых частиц, к которым не может приблизиться никакое искусство с помощью своих орудий». В сочинении «Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени» Бруно пишет: «Природа чудесным образом в гораздо большей степени делит величину, нежели может воспринимать чьё бы то ни было и какое бы то ни было зрение...» Для Бруно «чувственно воспринимаемый минимум» не является пределом деления,

---

* Акротизм – стремление к высочайшему, в данном случае познанию.

он состоит из множества физических минимумов. И хотя воспринимать атомы нельзя, само ощущение убедительно показывает, что «это деление существует в вещах... Я считаю, – утверждал этот гуманист, – что поистине не существует ничего, кроме минимума и неделимого».

В трактате «О магии» Бруно исповедует свою веру в Материю: «Движение атомов происходит от внутреннего начала». Он убеждён в том, что малейшая частица материи (атом) обладает той же способностью к движению, что и вся Материя – природа в целом: «Минимум количественный есть по способности своей Максимум, подобно тому, как возможность всего огня заключается в способности одной искры. Следовательно, в Минимуме, который скрыт от человеческих глаз, заключена вся сила, и поэтому он есть Максимум всех вещей». Ничего не напоминает? Например, постулат о единстве противоположностей из университетского курса, по сути, ненаучного атеизма и марксистско-ленинской философии?.. Такого рода сентенции у Бруно довольно многочисленны и определённы; он высказывается очень откровенно. Не будем голословны:

«Пустота есть пространство, обладающее способностью бесконечной величины».

«Хаос обладает истинным и необходимым бытием».

«В мире нет ничего непрерывного и единого, кроме атомов и всеобщего пространства».

«Дух над всем есть Бог. Бог есть монада, источник всех чисел, простота всякой величины и субстанция состава, превосходство над всяким мгновением, неисчислимое и безмерное».

Как видим, Джордано Бруно, которого адепты веры в Науку всегда провозглашали и неизменно провозглашают ныне истинным пионером и величайшим героем Науки, по своим убеждениям был натурфилософом, отстаивавшим метод магии как важнейший и в высшей степени научный*. Бруно, по сути дела, обожествлял материю. Достойны внимания терминология, которой пользовался Джордано Бруно как учёный, и её смысловое содержание. В одном из своих последних трактатов «Светильник тридцати статуй» он, рассуждая о божественной Материи, пишет: «Ночь – это первоматерия, по природе своей древнейшая из богов. Она есть подлежащее, тьма, наполняющая весь хаос». Для Бруно тьма – «постояннейшая природа», в которой проис-

---

* Дж. Бруно проповедовал приближающееся преобразование (реорганизацию) мира. Это должно было совершиться – по глубочайшему убеждению Бруно – через возврат к «египетской» религии, религии, о которой возвещали герметические трактаты: она, эта вера, по вере Дж. Бруно и его сторонников, должна объединить все религии актом любви-магии, посредством герметического созерцания.

ходят возникновение и разрушение всех вещей. Ему вторит Томмазо Кампанелла, предельно откровенно формулируя концепцию дуализма в «Вопросах к „Реальной философии“»: «Материя есть ничто, но является сущим».

Марчелло Палидженио Стеллато такими поэтическими строками открывал космологический раздел своей поэмы «Зодиак жизни»:

*К общей праматери нашей природе любовь
И к открытию тайных причин всех вещей
Врождённая страсть побуждает
Вновь меня к аонийским истокам
припасть*

*И к тенистой сени
парнасских дерев...*

И этих людей современная цивилизация провозглашает гениями? И эти идеи свидетельствуют об их гениальности? Благоразумному или даже просто здравомыслящему человеку должно быть всё понятно.

Другое знаменитое имя атомиста в эпохе, пришедшей на смену Средневековью, – Пьер Гассенди (1592–1655), католический священник, теолог, философ, астроном – и, конечно же, математик. Гассенди интересовали идеи Коперника и Джордано Бруно; он поддерживал связь с Гоббсом, с кото-

рым был лично знаком. Всё это говорит о многом. Любопытный факт: Гассенди приватно читал курс лекций некоему кружку молодых людей, среди которых числились Мольер и Сирано де Бержерак. Гассенди не соглашался с Декартом, утверждавшим, что в природе нет пустоты; он считал и атомы и пустоту (не отделимую от них) «первопринципами» всего существующего. По мысли этого французского мыслителя, Вселенная бесконечна, внутри неё существует множество миров; вне Вселенной ничего нет. Гассенди убеждённо отстаивал своё представление о том, что атом – это мельчайшее физическое тело, неделимое вследствие его абсолютной твёрдости. Гассенди полемизирует с Декартом, для которого элементарная частица – корпускула есть геометрическое понятие, математическая точка, «амера», математически неделимое, не поддающееся делению вследствие отсутствия составляющих. Потом идеи Гассенди будут развивать Христиан Гюйгенс и Роберт Бойль.

Гассенди уверовал в то, что и сам Господь Бог и человеческая душа состоят из неких элементарных частиц, так сказать, атомов. Но эти «божественные» и «душевные» частицы – мельчайшие из мельчайших и тончайшие из тончайших, самые-самые «гладкие» и самые-самые «круглые»... Гассенди принадлежит честь введения в научный оборот термина «молекула» – первичное соединение атомов,

таким образом дающих материи (при этом они и сами обретают иные качества) новые физические свойства веществ и тел.

Некоторым особым разделом атомистических представлений является индуистская традиция. Идея существования мироздания, зиждущегося на элементарных частицах «ану», «параману», присуща самым разным школам индийской философии. В отличие от европейского атомизма (в данном случае атомизма философов Древней Эллады) учение индийских гуру более, так сказать, одухотворено – и в силу этого не знает границ. «Параману» мыслятся не столько неделимыми (это свойство уходит на второй план), сколько бесконечно малыми, безмерно изменчивыми. Они настолько тонки, что речь о непроницаемости даже не идёт: в одной точке пространства может быть бесконечное множество «параману», подобно тому, как в точке фокуса может пересечься бесконечно много световых лучей. Вследствие своей невообразимой тонкости «параману» способны пересекать Вселенную вдоль и поперёк – за мгновение. Нет особого смысла описывать особенности религиозно-философских школ и течений таинственной Индии. Атомистические дебри Индостана бесконечно превосходят чудеса Шехерезады и удивительные приключения сказок «Тысячи и одной ночи». Посему мы и не будем углубляться в область сверхсмелых

мечтаний индийских мудрецов, которым следовали Блаватская и Рерих.

Осталось отметить специфику, как говорят политики, настоящего момента в теории Атомизма. На сегодняшний день в нашем распоряжении доказательство Макса Планка, что излучение и поглощение энергии имеют дискретный характер. Спустя пять лет после открытия Планка, в 1905 году, Альберт Эйнштейн заявил о дискретности электромагнитного поля. Исследования в области макромира привели к констатации сейчас уже никем не оспариваемого факта, что мир есть материя, которая представляет собой единство дискретной и континуальной моделей: микрочастицы не соответствуют классическим представлениям об элементарной частице (атом, корпускула). В одних условиях они ведут себя как строго локализованная частица, в других – как протяжённая волна. А это уже довольно специфический путь: что-то вроде попытки «объять необъятное», на что сетовал в своё время наш Козьма «псевдокорпускулярный» Прутков*. Или же, если говорить в терминах первоосновы аттического театра, это выражают слуги Диониса, сатиры: они до пояса – козлы; верх туловища – обличие чело-

---

* Под этим именем предприняли попытку континуально объединиться вполне корпускулярные А. К. Толстой и братья Жемчужниковы (Алексей, Владимир, Александр).

века; своеобразный символ единства дискретности и континуальности очевиден. Ясно, что справиться с таким двусоставным философско-научным (или «научно-философским») коктейлем не всем под силу. При известных условиях мозг и самого талантливого математика в попытке «объять необъятное» может не выдержать нагрузки, что, увы, многожды и происходило на поприще смелых, оказавшихся слишком смелыми, математических изысканий. И об этом тоже совсем нелишним будет упомянуть на страницах настоящего эссе.

Итак, какой вывод можно и должно сделать из всего вышесказанного? На наш взгляд, таковым может служить суждение математика и физика Б. В. Раушенбаха – весьма авторитетного (заслуженно авторитетного) в советской науке*. Здесь имеет смысл (именно для правильного понимания всей концепции атомизма – и древнего и современного) процитировать ближайшего соратника Королёва: «У науки, я имею в виду точные науки: математика, физика и так далее – нет понятия совести. В гуманитарных науках есть; у математики – нет. Они „нейтральны“ абсолютно. Математикой с равным успехом может пользоваться и разбойник, и хороший человек. В общественных науках – там

---

* В данном случае это объективная и нелицемерная похвала учёному.

не всё равно, кто действует: святой человек или дьявол. А математике – всё равно: всё равно – дважды два будет четыре. Нравственность – это понятие, которого нет в точных науках: ни в математике, ни в физике... Наука находится в ужасном положении...»*

Современная наука в основном следует тем путём, который указали человечеству титаны Возрождения, и, что удивительно, гордится этим.

Пётр Рамус (XVI век), философ-реформатор, восторженно и во всеуслышание заявил: «На протяжении одного столетия мы увидели бóльшие успехи в науке, чем наши предки за все предшествующие четырнадцать веков!» Другой гуманист, Луи Леруа** (1510–1577), от лица своих единомышленников декларировал: «Никогда в прошлом не было века, когда бы культура и свободные искусства достигли столь великого совершенства, как теперь. За последние сто лет не только стали очевидны вещи, прежде сокрытые во тьме невежества, но оказались известны такие, которые были полностью

---

* Цитата по фильму «Я выбрал жизнь». 2001.

** Главный труд этого французского учёного – трактат «О непостоянстве или разнообразии вещей во Вселенной и о союзе военного могущества и науки у самых славных народов мира с тех времён, в которые возникла цивилизованность и о которых у людей имеется память и до настоящего времени». (Шесть изданий во Франции за неполные два десятилетия: 1575–1592.)

неведомы древним: новые моря, новые земли, новые типы людей, законов, обычаев, нравов, новые травы, деревья, минералы, новые изобретения!..»

Серторио Кваттромани, ученик Бернардино Телезио, своё похвальное слово XVI столетию Европы предварил торжественной сентенцией: «Наш век столь счастлив и столь богат великими и блистательными умами, что нет у него оснований завидовать древним, ни даже тем, может быть, что будут после нас!» Натурфилософ, математик и врач Джироламо Кардано автобиографию заключил ликующим восклицанием: «Чего же ещё недостаёт нам, кроме овладения Небом?»

О триумфальном шествии в честь Джованни ди Лоренцо Медичи – то есть новоизбранного папы римского Льва X (1513)* – сообщает в своём труде «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари. Он с выразительной лаконичностью описывает наиболее значимый, символический эпизод торжественного действия. «На одной из колесниц над водружённой на ней сферой, символизировавшей и земной шар и Вселенную, возвышался вылезавший из бутафорской фигуры рыцаря в ржавых доспехах совершен-

---

* История сохранила девиз и жизненное кредо этого римского первосвященника: «Давайте наслаждаться папством, так как Бог дал его нам».

но голый позолоченный мальчик, изображавший собою воскресающий Золотой век и конец Железного века, из которого он возникал и возрождался... Не умолчу о том, – добавляет Вазари, – что позолоченный отрок, служивший подмастерьем у булочника и претерпевший эту муку, чтобы заработать десять скудо, очень скоро после этого умер». Как видим, всё очень символично: и участие главы Католической Церкви в историческом процессе; и образность сюжета за авторством живописца Якопо да Понтормо, которому было поручено сценическое оформление процессии; и место проведения торжества – Флоренция, и даже смерть «золотого» мальчика, ставшего настоящей жертвой (но и настоящим символом) европейского Прогресса – Ренессанса*.

«Наш век – век воистину золотой! – писал фламандскому астроному Павлу Миддельбургскому основатель флорентийской Платоновой академии Марсилио Фичино. – Он возродил свободные искусства, которые уже почти погибли, – грамматику, поэзию, ораторское искусство, живопись, скульпту-

---

* Довольно часто в исторической литературе можно встретить упоминание о фразе, брошенной умным и циничным гедонистом – папой Львом X по поводу Евангелия: «Общеизвестно, как выгодно эта басня о Христе имеет отношение к нам и нашей компании». Можно по-разному оценивать достоверность сентенции Льва X, однако в данном случае почему-то вспоминаются слова Христа: «Итак, по плодам их узнаете их...» (Мф. 7, 20)

ру, архитектуру, музыку и древние напевы орфевой арфы... Во Флоренции воссиял из мрака свет Платоновой мудрости, а в Германии в наше время были изобретены орудия для печатания книг».

Надо полагать, при всей конспективной краткости изложения, что суть той идеи, которую выбрала Древняя Греция, а потом Европа эпохи Ренессанса, вполне ясна. Цифры, атомизм позволяют быть бездушными... прежде всего в отношении Бога и, следовательно, в отношении всего остального.

Как в аллегории, о которой рассказал Вазари, мы, облёкшись в мишуру позолоты, до сих пор изображаем «свободных счастливых граждан Золотого века», чтобы получить жалкие «десять скудо» – и умереть...

Наверное, сейчас от нас нужно только одно – быть честными перед самим собой, выговорить очевидное, то, о чём свидетельствует совесть: если бы не благость, милосердие и долготерпение Творца, это давным-давно уже бы произошло.

Горе от ума...

Человечество всегда стремилось понять, как устроен материальный мир. За тысячи лет истории цивилизации люди пришли к признанию факта, что именно математика содержит более всего знаний об основополагающих качествах физической Вселенной. Таков итог гносеологического процесса, сейчас, в XXI веке, зафиксированный всеми. Лингвисты пользуются математическими методами, чтобы получить представление о том, как построена человеческая речь; понять, что́ есть язык, – звуки, их сочетания, слагающиеся в слова. С помощью математики выстраиваются математические модели речи, таким образом иллюстрируется человеческая мысль – это, так сказать, «живая» математика, вернее, «живая» математическая схема, которой, естественно, можно оперировать. Обретение праязыка, общего для всех племён и народов, – уже реальность на-

ших дней, обнаруженная и реконструированная с помощью математического анализа.

Метеорологи математически создают климатические модели не только определённых территорий, но уже и эпох, таким образом обретая понимание условий жизни на Земле века и тысячелетия назад. Медицина? Математика стала определяющим методом и здесь; скальпель хирурга в новейших клиниках – это финальный инструмент операции, предварительно моделируемой компьютером – цифровой машиной. Но и скальпель всё чаще заменяется лазерным лучом, который выполняет заданные операции, осуществляемые пучком световой энергии, сила которой с абсолютной точностью запрограммирована в цифрах. И этот цифровой светонесущий луч действует уже, так сказать, опосредованно в тканях человеческого организма, но изначально – в цифровой модели живого тела.

Сложнейшие станки с программным управлением, навигационные системы, автопилоты, дроны, полиграф, радары, сканирующие устройства и так далее, и так далее – всё это реалии цифрового мира, который неизбежно и очень скоро должен стать не столько по замыслу, сколько по вере его устройств цифровой Вселенной. Причём этот процесс мыслится неизбежным, неотвратимым и бесконечным – как в понимании бытия макромира, так и в

осмыслении законов существования микромира. Но ключ – один и универсальный: это цифры, слагающиеся в цифровые функциональные модели, описывающие всё и вся.

Вообще-то, содержание этой главы заключено в трёх кратких словах, которые Грибоедов сделал названием своей поэтической пьесы. Несколько предваряя ход исследования, сразу скажем, что раскрытие темы приведёт нас к ещё одной максиме русской классической драматургии: названием одной из последующих глав этой книги тоже станет название театрального произведения, автор которого жил несколько позже Грибоедова. Таким будет народное присловие, избранное драматургом для своего произведения: «На всякого мудреца довольно простоты».

Что мы имеем сейчас? Какой мир и какое бытие уготовано нам всем, живущим на планете Земля? Что запрограммировано теми, кого обычно называют сильными мира сего? В 2021 году жители столицы Российской Федерации, благословенного града Москвы, получили возможность ознакомиться с Концепцией «Москва. Умный город – 2030». Информация абсолютно открытая, она обнародована Правительством Москвы на официальном сайте в качестве документа.

Читаем: «Концепция „Умный город – 2030“ определяет приоритеты, цели и задачи государ-

ственного управления и развития в сфере цифровых технологий в Москве до 2030 года». В этой Концепции есть глава с прелюбопытным названием – «Человеческий и социальный капитал». На первый взгляд, речь идёт о здравоохранении (сначала москвичей, потом и всех остальных). Читаем далее: «Персональный подход к оказанию медицинской помощи гражданам будет основан на анализе данных с носимых устройств пациентов, электронных историй болезней, биометрических и генетических параметров, которые будут обрабатываться с применением ИИ (искусственного интеллекта. – Изд.). Для лечения когнитивных и других (? – п. П.) расстройств будут применяться нанороботы – устройства размером с клетку крови, функционирующие внутри тела человека: носимые и вживлённые в организм цифровые устройства...

– Получат дальнейшее развитие носимые цифровые медицинские устройства и „умная“ одежда, что будет поддерживать стремление москвичей к ведению здорового образа жизни...»

Эти довольно общие сентенции о пользе цифровизации становятся более понятными, если ознакомиться с убеждениями и чаяниями учителей и наставников составителей пресловутой «Концепции „Умный город – 2030“». Как указывают сами разработчики (или всё же исполнители? – п. П.)

Концепции, в её основу легли идеи, осуществлением которых занимаются Google, British Telecom, Intel, Cisco, Microsoft, – ну и пока опосредственно наш Сбербанк РФ, как видим, вместе с Правительством Москвы.

Начнём по порядку. Google. Технический директор корпорации – Рэй Курцвейл. Упомянем самые важные вехи цифрового прогресса, который, по Курцвейлу, будут осуществлять, причём безальтернативно, эти благодетели человечества. То есть: это нас ждёт.

«2026 год – благодаря научному прогрессу за единицу времени станет возможно продлевать свою жизнь на большее время, чем уже прошло.

2031 год – 3D-принтеры для печати человеческих органов будут применяться в больницах любого уровня.

2032 год – нанороботы в размерах эритроцитов начнут использовать в медицинских целях. Они будут доставлять питательные вещества к клеткам человеческого организма и удалять продукты метаболизма. Нанороботы будут проводить детальное сканирование человеческого мозга и регулировать его деятельность.

2034 год – появление и использование виртуальных сексуальных партнёров, которых можно будет „оборудовать“ телом, проецируя модель тела на сетчатку глаза.

2038 год – появление роботизированных людей как продукта трансгуманистических технологий. Эти роботизированные люди будут снабжены дополнительным интеллектом и опциями: имплантами глаза – камерами; дополнительными руками – биопротезами.

2039 год – наномеханизмы имплантируются непосредственно в мозг для осуществления виртуальной реальности „полного погружения“.

2040 год – поисковые системы становятся основным компонентом, который будет вживляться в человеческий организм. Поиск посредством прямого взаимодействия с мозгом – на уровне не словесных команд, а мыслей.

2042 год – первая потенциальная реализация бессмертия. Нанороботы в организме человека дополняют иммунную систему и исключают болезни.

2043 год – человеческое тело способно принимать любую форму вследствие использования вживлённых нанороботов. Внутренние органы заменяются кибернетическими устройствами „гораздо лучшего качества“, чем естественные.

2045 год – достижение технологической (цифровой) сингулярности. Земля и её население становятся единым гигантским компьютером.

2099 год – техническая (цифровая) сингулярность распространяется на Вселенную».

Такова программа цифрового «светлого будущего» человечества по Курцвейлу.

3 декабря 2015 года в интернете появилась статья о наставнике нынешнего руководителя Сбербанка России – Рэе Курцвейле. Теперь, с 2021 года, со времени опубликования Концепции «Москва. Умный город – 2030», понятно, что этот же человек является наставником и Правительства Москвы: это прямо указано в преамбуле Концепции, обнародованной Правительством российской столицы на своём официальном сайте. Упомянутая статья представляет собой развёрнутое интервью главного технического идеолога Google Питера Дамандиса с Курцвейлом. Дамандис пишет предельно конкретно: «Я считаю Рэя Курцвейла очень близким другом и очень умным человеком. Рэй – блестящий технократ, футуролог и технический директор Google, сфокусированный на искусственном интеллекте...»

Мы сделаем просто: сократим содержание довольно пространного интервью до концептуальных пунктов, которые предстают, согласно убеждениям этого человека, реальными ступенями к цифровому будущему. Именно такое будущее, судя по заявлениям Курцвейла & Со, руководителя российского Сбербанка, Правительства Москвы и тому подобных специалистов, организаций и структур, является, во-первых, абсолютно

неизбежным и, во-вторых, абсолютно «светлым будущим», то есть, согласно обнародованной и осуществляемой программе, «светлое будущее» за авторством вышеупомянутых политических, финансовых и IT-деятелей явится настоящим, вождленным, чаемым если уж не со времени грехопадения, то уж точно со времён Платона Золотым веком.

Что же поведал в своём интервью для нас уже в далёком 2015 году Курцвейл?

«В 2030-х мы будем посылать нанороботов в мозг по капиллярам, что обеспечит виртуальную реальность полного погружения изнутри первой системы и свяжет наш неокортекс (мозг, сознание. – п. П.) с облачным сервисом».

Интервьюер поясняет, что это означает: «Забудьте об электронной почте, текстовых сообщениях, телефонных звонках и так далее – вы сможете посылать свои мысли кому-то, просто думая их. Вы будете иметь возможность „знать“ обо всём, о чём пожелаете в непосредственный момент, когда этого захотите. У вас будет доступ ко всей информации мира на кончиках ваших нейронов. Вы станете способны интуитивно ориентироваться на улицах любых городов. Вы сможете запрыгнуть в истребитель и в совершенстве управлять полётом. Вы будете способны говорить и переводить на любом языке без усилий... Вы будете просто вли-

ваться в поток глобального знания из облачного сервиса...»

Вряд ли случайность, что идеи, высказанные Курцвейлом, чрезвычайно заинтересовали журнал весьма специфической направленности – Playboy. Мы процитируем только самые характерные сентенции символа веры в светлое цифровое будущее за авторством технического директора Google. Курцвейл изложил это в своём интервью, которое дал в 2016 году журналисту, представлявшему столь неординарное издание. Бóльшая часть данного интервью – то, что Курцвейл уже высказывал, и то, что в самых важных пунктах уже было приведено выше. Но есть и вполне оригинальные пункты. Журналист спрашивает:

– Выходит, если мы протянем ещё 15 лет, то сможем жить вечно? Не станет ли нам в таком случае скучно на этом свете?

Курцвейл: «Тоска и душевная опустошённость? Да, это для нас вызов. Если сотни лет делать одни и те же вещи, жизнь становится монотонной. Но это только в том случае, если мы будем иметь радикальное увеличение срока жизни без её радикального изменения. Но, как я уже говорил, мы станем умнее, и наша мысль законнектится со Всемирной сетью, и появится новый уровень абстрактного мышления – мы найдём, чем себя занять. У нас появятся развлечения, которые нам трудно даже представить...

Playboy. Кажется, что вы сейчас говорили о сексе. Он ведь нередко двигает вперёд технологии. На этом фронте в будущем тоже предвидятся нововведения?

Курицейл. Ещё бы!.. Поскольку виртуальность станет куда более реалистичной, сексуальная активность в ней станет очень популярным развлечением.

Playboy. И каким же вам видится будущее секса?

Курицейл. Помимо того, что люди смогут заниматься сексом, находясь в разных концах земного шара, они смогут также выбирать, кем будут они и их партнёры. В виртуальной реальности тебе не обязательно иметь то же тело, что и в обычной жизни. Пары смогут временно обмениваться телами, например, чтобы ощутить то, что чувствует партнёр... В виртуале прокачанный аватар сделает самого себя, а другие предпочтут выглядеть каким-нибудь фантастическим существом. Наша эстетика сильно модифицируется. Надоел партнёр – превратил его в кого-нибудь другого; чувствуешь, что сам ему надоел, – превратил в кого-нибудь другого себя.

Playboy. Не возникало желания превратить себя в кого-нибудь другого?

Курицейл. Очень хороший вопрос. Наверное, я превратился бы в какую-нибудь привлекательную женщину. Эми Адамс, например. Мне нравится, как она бойко использует своё тело».

Следующий гуру, идеями которого тоже вдохновилось Правительство Москвы при создании Концепции «Москва. Умный город – 2030», – Ян Пирсон, доктор физико-математических наук, член Британского компьютерного общества, Королевского общества искусств Института нанотехнологий Всемирного фонда инноваций.

В принципе, его идеи – из того же источника, что и предвидения Курцвейла. Однако программа Пирсона в чём-то дополняет модель будущего по Курцвейлу.

2024 год. Появятся интерактивные татуировки. Под кожу будут имплантироваться движущиеся картинки.

2026 год. Начнут появляться кибергосударства.

2029 год. В развивающихся странах будет больше роботов, чем людей.

К 2030 году большая часть людей будет заниматься виртуальным сексом так же мимоходом, как сейчас они смотрят порно. Сначала идея секса с роботами покажется сомнительной, но по мере того, как люди начнут привыкать к ним, а механическое поведение и чувства искусственного интеллекта станут улучшаться, это недоверие исчезнет.

2030 год. Мы сможем получить государство, которое наконец-то будем контролировать, и подконтрольную политическую среду. Люди высадятся на Марсе.

2031 год. За счёт инноваций произойдёт оптимизация органов и генома человека.

2034 год. Нанотехнологии позволят напрямую подключать компьютер к человеческому мозгу на молекулярном уровне.

2035 год. Дополнения и доработки Homo sapiens.

2045 год. Большинство людей предпочтут жить в виртуальной реальности.

2060 год. Достижение бессмертия: люди станут «цифровыми». Мозг нам станет, по сути, не нужен (?!! – п. П.). В один прекрасный (? – п. П.) день вы и сами не заметите, как в «облаке» окажутся 99 % всего населения. И когда ваше тело умрёт, вы потеряете лишь небольшую частичку этого сознания – всё остальное будет надёжно сохранено. Вы купите андроидное тело для повседневных нужд, сходите на свои похороны, а потом отправитесь обратно в офис. Смерть перестанет быть препятствием для карьеры.

Эти планы нормальный человек, скорее всего, не воспримет серьёзно, посчитав фантасмагориями. Однако намерения вдохновившихся такими сумасбродными идеями очень серьёзны. Не будем забывать, что присягнувшими упомянутым цифровым гуру: Рэю Курцвейлу, Яну Пирсону, Дэйву Эвансу, Дэвиду Джонсону & Со – и давшими обет воплотить такую картину нашего с вами будущего являются в том числе и

властители Москвы, то есть люди, обладающие огромными ресурсами, колоссальными деньгами и почти неограниченной не только в пределах мегаполиса, являющегося столицей России, властью. И не обращать внимания на официально обнародованные Правительством Москвы не просто намерения, а конкретные планы означает не что иное, как пусть косвенное, но всё же согласие на реализацию такого «светлого будущего», уготованного не только нам с вами, но и всему человечеству.

Картина якобы прекрасного будущего, нарисованная гениями Цифровизации, конечно же, впечатляет: это беспредельный полёт фантазии. Однако кто сказал, что читающий эти строки, даже будучи убеждённым сторонником Цифровизации, улучшит эту бесконечность бесконечных цифровых благ – в безумных наслаждениях, якобы уготованных для ставших цифровыми (не человеческими! – п. П.) душ и уже цифровых телес?*

В цифровом мире всё будет подчинено цифровой целесообразности. А это означает не что иное, как оптимизацию, то есть минимизацию затрат, даже если они цифровые. Например, если пропагандируется концепция военного строительства, в кото-

---

*Трудно не заметить в этом преемство идей Фурье и, если иметь в виду Россию, – Петрашевского.

рой утверждается, что армии будущего будут состоять только из генералов, которых снабдят всем мыслимым и немыслимым (пусть даже «цифровым») комфортом и даже властью («цифровой»), как мы к этому отнесёмся? Конечно, как к утопии. Правильнее оценить данную модель так: явная глупость. Но не так всё безобидно, потому что это обман, а ложь всегда ведёт к пагубным последствиям. Стоит только согласиться, и согласившийся окажется не генералом, а воином-рабом, обречённым быть жертвой – не цифровой, а настоящей... Так всегда бывает: обещание молочных (цифровых) рек в кисельных (цифровых) берегах приведёт – неизбежно – в бесплодную пустыню (уже совсем не цифровую, а настоящую) и к гибели, настоящей смерти, которую предварит настоящее рабство.

Итак, очевидно, что ум человека, его рассудок, его волю, силу души и само тело вышеизложенные мечты цифровизаторов стремятся сделать цифровыми, то есть полностью управляемыми, исполнителями цифровых команд, приходящих извне, – и так будет создан «новый» мир, в котором не окажется места Богу, но не будет места и человеку, – только Театр, где реальность, которая отражена в самом имени Творца, будет заменена видимостью, личиной, бесконечными личинами псевдореальности, создателем которой является

тот, кто, между прочим, в Евангелии назван «отцом лжи» и «человекоубийцей» (Ин. 8, 44). И это делает возможным Цифровизация. Таков замысел. Такова идея.

К великому сожалению, абсолютное большинство людей не желает думать, хотя факты, неоспоримые факты перед нами. Известное при словие «История ничему не учит» безграмотно. История непрестанно нас учит. Мы, именно мы очень часто не учимся, не хотим учиться тому, что должно быть нами усвоено, хотя эти уроки – о жизненно важном и от усвоения их зависит даже не качество нашей жизни, а то, что на человеческом языке означают слова с противоположным и в каждом случае всеобъемлющим значением: «жизнь» и «смерть». Почему же мы не учимся? По очень простой причине: учение подразумевает труд. Ещё древние римляне заключали всё важнейшее, что доставляет человеку жизнь, в кратчайшее наставление юношеству: *Ora et labora!* – «Молись и учись!» Первое (и важнейшее) было фактически упразднено советской властью; второе намерены упразднить адепты Цифровизации.

Мы живём в эпоху чудес: технологические свершения кажутся сделавшими человека всемогущим. Исследования микромира, возможности воздействия на всё тварное, полёты в космос, ге-

нетические эксперименты – всё это было просто невысказано даже в самых смелых устремлениях разума ещё какое-то столетие тому назад. Сегодня мечты фантастов XX века предстают пред нами немощными и наивными потугами придумать что-то новое, тогда как реальность нашего времени уже давно оставила их далеко и безвозвратно позади, в прошлом. Сегодня абсолютно все науки подвластны одной – и это Математика, представляющая собой нечто не только мощное, но и воистину всемогущее – самодостаточное, пронизывающее, пронизывающее всё: и управляющее, властвующее всем. Это – Математика, главное достижение человеческой цивилизации.

Эйнштейн, говорят нам, задавался вопросом: «Как это возможно, что у математики так хорошо (идеально) получается описывать Вселенную, то есть всё на свете? И создана ли математика человеком?» Но это было только оформлением замысла. На самом деле Эйнштейн ничтоже сумняшеся пользовался, то есть заимствовал, то есть «немножко воровал» из копилки математических идей, которые в виде статей поступали от законопослушных европейских математиков в патентное бюро Берна – так сказать, на хранение. Чета математиков – он Альберт Эйнштейн, она Милева Марич – ими же веся судьбами имели форму допуска, открывшего им интеллектуальную сокровищницу

упомянутого патентного бюро, кстати, славившегося, как и все сокровищницы Швейцарии, своей надёжностью.

Тандем получил исключительные возможности копаться в этой лавке математических чудес – и выбирать самые лучшие идеи. Жена Эйнштейна была первой скрипкой в этом дуэте сначала кротов от науки; потом кроты превратились в гениев, в конце концов остался один – не просто гений, но уже супергений. На начальном этапе разбора математических архивов и новинок Альберт исполнял партитуру второй скрипки – придавал идеям законченную форму, то есть товарный вид, и «продавал» – уже как свои. Именно так появились теория относительности, удивительное физико-математическое озарение и универсальная постоянная – скорость света, продолжившие ньютоновскую революцию ($E = mc^2$). И всё это за авторством супергения.

Странно, что до сих пор не прозвучал ответ, для чего нужны были эти чудесно-гениальные открытия. Довольно часто можно услышать историю, как Альберта Эйнштейна сделали гением. В принципе, ничего нового: технология широко применяется, она универсальна. Гениальностью объясняют многое, очень многое, и в том числе принципиально необъяснимое. Однако в данном случае мы имеем дело с профессионалами. Об Эйнштейне как математическом гении син-

хронно затрубили ведущие газеты мира. Почему? Потому что это было как раз совсем не главное. В случае с Эйнштейном гениальность – просто обёртка, красивая и цветистая, гипнотизирующая толпу профанов, скрывающая (это её функционал, не более) главное. А что же главное, если не «гениальность»? Главное – это инженерия: как и для чего скомпоновать идеи, чтобы получить нужную картинку. Но в данном случае речь не о «картинке», а о Картине Мироздания.

Всё очень просто: есть учёные, их много; среди них есть немало умных и действительно гениальных. Эти учёные думают (как это ни странно для всех прочих, то есть «не учёных»). Потом эти учёные доверчиво приносят плоды своих думаний и размышлений – идеи «на временное хранение» (а куда их девать настоящим учёным?), например, в солидное патентное бюро Берна или ещё куда-нибудь, столь же солидное. И кому нужна эта толпа учёных со своими идеями? Нужны инженеры, не просто инженеры, а инженеры человеческих душ! Как видим, ещё одна кардинальная точка соприкосновения Цифровизации и Театра (в данном контексте эти термины имеют чрезвычайно обобщённую семантику содержания). Альберт Эйнштейн и стал таким сверхценным «инженером-оператором» идей, инженером человеческих душ: разве «идеальное, полное и ис-

черпывающее – цифровое описание Вселенной и вообще всего» не из этой оперы? Профессионально организованная шумиха про гениальность – в данном случае просто изящная и красивая маскировка важного, очень важного этапа формирования Цифровизации как направления цивилизационного процесса.

Однако пока всё ещё не сказано, для чего роль сверхгения была делегирована этому человеку. Цифровизация, господа! Именно это и есть самый точный и самый верный ответ. Сейчас поясним. Как владеть миром, если он бесконечен, до конца не понятен, до конца не изъясним, то есть если мир – Божий? Если мир – Божий, то владеть им может только Бог! Значит, надо сделать так, чтобы этот мир стал понятен, изъяснён, описуем, то есть конечен! «Тот, кто нам мешает, тот нам поможет!» – эта сентенция, формула материалистической диалектики, пришла не от Маркса – Энгельса – Ленина и не из сценария известной кинокомедии. Она очень, очень древняя: это обретение эпохи иудейских древностей, точнее, время второго пленения вавилонского (см. Библия, Кн. Пророка Иеремии).

В данном случае мешала Математика как наука, объективно и непреложно свидетельствующая о бытии Божиим. Значит?.. Да. Вы правы, читатель. Они пошли «иным путём». Ловкость

математических рук – и, как говорят в Одессе, «никакого мошенства». Судя по головокружительной научной карьере и беспрецедентной славе Эйнштейна, так говорят не только в Одессе: так говорят (и делают) и в Берне, и в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Стокгольме, да и много ещё где. Математика – могущественная и чудотворная была избрана в качестве инструментария для превращения Вселенной в мир, чуждый Богу.

Помните магическую формулу школьных лет: «Наука доказала!» Для этого и потребовались три кита от Науки, которая якобы «доказала». Три точки опоры (вполне достаточно) стали за авторством Исаака Ньютона и Альберта Эйнштейна:

1. $E = mc^2$.
2. Теория относительности.
3. Постоянная скорости света.

Итого: мир конечен и единообразен, мир не Божий, его можно математически описать. Всё! Дело сделано. Осталось найти подходящего парня от науки. Он должен быть смышлёным и своим, своим от начала до конца, готовым пойти на подвиг (как во время второго пленения вавилонского). И, конечно, умеющий держать язык за зубами (как во время Ямнийского собора). Надо ли уточнять имя героя? Знакомьтесь: Альберт Эйнштейн, супергениальный математик и по совместительству суперфизик всех времён и народов! Вы всё ещё

думаете, что мы говорим о математической «ловкости рук»? Ничуть. Речь о гораздо, гораздо более важном. О богоборчестве – посредством метода цифровизации...

Некоторые учёные идут дальше Эйнштейна, утверждая, что наш мир, Вселенная, человек – в конце концов, всё – не только определяется и управляется математическими законами-свойствами, но состоит, представляет собой собственно математические свойства. К настоящему времени таких учёных уже довольно много. Математика – это цифры и числа, и их взаимосвязи, и взаимоотношения. Человек всегда понимал, что в мире есть не только закономерности, но и законы. Когда современный учёный стремится понять их, он прибегает к помощи математики. Он оцифровывает объекты и процессы – и использует математику для их осмысления. И всё это для того, чтобы обнаружить основополагающие причины бытия мира и того, что в нём совершается. Самое главное: этот, математический, метод действительно работает, он помогает раскрыть множество секретов. Более того: этот способ сегодня стал универсальным и внедрён в умы людей как принципиально единственный, всеобъемлющий, безошибочный, абсолютно объективный и абсолютно достоверный.

Но это, в свою очередь, ставит перед нами вопрос: почему математика так чётко работает? И что

вообще это такое – математика, математика как таковая? Математика есть произведение нашего разума, сознания? Или же математика – объективная реальность, которую мы отслеживаем и познаём? Если мы посмотрим вокруг, то увидим цифры – повсюду. Особенно ярко это проявляется в числе лепестков в цветах. Эти числа кому-то могут показаться случайными, но факт – упрямая вещь: все числовые обозначения лепестков в соцветиях являются проявлением последовательности Фибоначчи. Это ряд чисел, закономерность которых открыта уже упоминавшимся известным математиком XIII века. Может быть, когда-то такая закономерность виделась естественной, как отражение Божественного порядка, явное и ясное, вовсе не противоречивое свидетельство о бытии Творца. В наше время, в эпоху умаления веры в людях (учёные – тоже люди...), этот факт завораживает. Правда, есть математики, которые пытаются соединить два мира: Веры и Науки. Иногда их попытки приобретают довольно своеобразные формы. Так, например, Марио Ливио, итальянский астрофизик, в своей книге «Является ли Бог математиком?» именно это и намерен сделать.

Последовательность Фибоначчи присутствует везде, далеко не только в соцветиях: мы видим эту математическую закономерность повсюду в нашем технологическом мире – от стандартов

красоты до работы фондовых рынков. Но почему Эволюция отдала предпочтение тому, что мы сейчас называем последовательностью Фибоначчи? Такой вопрос задают себе те люди, которые представляют когорту эволюционистов. Неоспоримо, что в ботанике числа Фибоначчи наблюдаются не просто очень часто, но постоянно. Если посмотреть на нижнюю часть ёлочной шишки, мы увидим вихревой узор; посчитайте число чешуек, дающих начало спиралям, – как правило, это будет число Фибоначчи.

Продолжим: пересчитаем спирали, идущие в противоположном направлении, – это будет соседнее число Фибоначчи. То же самое в корзинке подсолнечника. Существуют различные варианты объяснения этого явления, но сам факт неоспорим. Некоторые учёные идут дальше – и задают довольно странный с точки зрения обычного (то есть нормального) человека вопрос: знают ли растения математику? Естественно, они получают однозначный ответ: нет. В растениях заложены закон и механизм воспроизведения геометрических форм, отражающихся (или выраженных) в числах Фибоначчи, – в очень многих случаях.

То же самое, что и о числах Фибоначчи, присутствующих в объектах материального мира, можно и должно сказать о числе π . Кстати сказать, это число к настоящему времени рассчитано

до триллиона (sic!) знаков после запятой. О чём говорит эта бесконечность? Число π присутствует и в том, что никакого отношения к окружности не имеет. О чём речь? Да о чём угодно! Например: возьмём иголку, нанесём на поверхности две параллельные линии, отстоящие друг от друга ровно на длину иголки, – и будем ронять иглу на эту самую поверхность. Иногда упавшая иголка будет пересекать одну из линий, иногда падать между линиями. И что поразительно: число случаев, когда иголка, упав, пересечёт линию, окажется с абсолютной точностью соответствующим $\frac{2}{\pi}$. Почему? И почему такая закономерность наблюдается, то есть происходит, в очень многих случаях, связанных с теорией вероятности? Моделирование практически всех явлений, связанных с волнами (свет и звук), чётко коррелируется с числом π .

Естественно, число π – это лишь один из необозримого множества примеров, которые проявляют и подтверждают цифровые закономерности материального мира. Некоторые учёные делают из этих наблюдений довольно странные выводы. Они приходят к убеждению, что все свойства окружающего мира, абсолютно все, без единого исключения, являются математическими – именно как математическая реальность. Что их сущностные характеристики и эмпирический

факт воспринимаются нами как неоспоримая и достоверная реальность, то есть настоящая и подлинная реальность – полностью и совершенно цифровая. Что все предметы и все действия, совершаемые ими, созданы и управляются Программистом, определившим все законы, свойства и продуманную наличность всего – в цифрах и числах. Что это означает? Это означает следующее: если компьютерная игра есть не что иное, как набор цифр и уравнений, то при распространении такой модели (а это действительно возможно, потому что всё материальное конечно) всё обретает качество, структуру и функциональность цифровой модели. То есть – игры.

Именно так думает – и убеждён в этой концепции – автор книги «Наша математическая Вселенная» Макс Тегмарк. По его мнению, математика столь безупречно работает в описании мира, потому что он действительно и по-настоящему математический. То есть физическая реальность состоит из математических уравнений, а не только описуема ими. Иными словами: физическая реальность имеет цифровую природу – и ничего более не существует. Вселенная очень велика, но её полное цифровое описание – возможно, то есть: точно возможно! Тегмарк сводит всё к 32 математическим постоянным и уравнениям. Надо честно признаться, что этих 32 компонентов

всё-таки недостаточно, чтобы «описать всё», создать абсолютно непротиворечивую и абсолютно полную картину бытия (довольно наивная мечта «законченного» математика). В концепции Тегмарка есть лакуны, и они зияют... Но математик легко (так ему кажется, потому что он верит в это) обходит неприятное затруднение. Он просто декларирует, что эти досадные препоны скоро упразднятся: математики в самом ближайшем будущем откроют нужные константы и выведут нужные уравнения – и счастливое математическое (полностью математическое!) будущее настанет. Лакуны заполнятся, противоречия снимутся, дивный цифровой мир будет объявлен законным – и вперёд! Полный вперёд к светлому цифровому счастью, что, конечно же, подразумевает и цифровое бессмертие, и все бесконечные цифровые блага на все времена, навсегда!

Выглядит такая математическая перспектива скорее утопией, нежели заманчивой и математически радостной картинкой наконец-то, в кои веки приближающегося Светлого Будущего. Эта суперсовременная гипотеза уходит своими корнями в глубокую древность, конкретно – к Пифагору, от которого эстафету по достижению Светлого Математического Будущего в своё время принял Платон, смело наделивший пространственные геометрические фигуры статусом божественных

первоэлементов, составляющих Универсум, само бытие. Как известно, Галилею принадлежит знаменитая среди любителей, адептов точных дисциплин и просто верующих в Науку сентенция: «Вселенная написана языком математики!» Потом математика была поднята на новую высоту, и сделал это человек, родившийся в год смерти Галилео Галилея. Это был Исаак Ньютон.

Небольшая ремарка: «скарамуши», составившие квартет Queen, совсем не случайно голосами сатиров выпевают в «Богемской рапсодии» довольно странно звучащее для непосвящённых Galileo – Galileo – Galileo... В этом есть свой смысл: Галилей тоже был «скарамуш», математический – и даже немногим более... Галилео Галилей, идеи, высказанные им, не появились «ниоткуда». От своего отца – Галилео Винченцо, итальянского теоретика музыки, композитора, мастера игры на лютне, прославленный астроном и математик (суперцифровизатор своего времени) воспринял идеологическую основу, впоследствии послужившую для формирования системы известной космологической концепции за его именем. Между прочим, Галилео Винченцо – один из отцов современной оперы. Если предельно кратко определить заслугу старшего, музыкального Галилео, это будет звучать так: работа по выработке «прямой перспективы» в музыке того времени. Потом, по сути, то

же самое, но в астрономии, с помощью математики и телескопа, сделает его сын – Галилео Галилей. В своих научных изысканиях он отстаивал механический (то есть цифровой) подход к созданию модели устройства Вселенной. Как видим, математика (Цифровизация) и Театр (в музыкальной ипостаси) в истории рода Галилео более чем соседствуют.

Но продолжим о собственно математике.

В 1687 году Ньютон опубликовал книгу, которая стала эпохальным событием в мире науки: «Математические начала в натуральной философии» – *Philosophiae naturalis principia Mathematica*. Напомним: Эйнштейн не мог понять, как происходит, что математические законы, сформулированные человеком, так идеально, точно описывают объективные процессы. Нобелевский лауреат Юджин Вагнер назвал этот феномен весьма интересным и парадоксально удачным образом: «необоснованная эффективность математики». Замечательная формулировка. Что сказать по этому поводу? Профессор Стэнфордского университета Савас Димопулос утверждает: «Математика способна привести к правде, окончательной Истине». Но есть иная точка зрения. Дерек Аббот, Университет Аделаиды, США, констатирует: «Экологические и биологические системы очень сложно моделировать ма-

тематически. Я бы назвал математику не обоснованно эффективной, а, скорее, обоснованно неэффективной».

Инженеры очень хорошо понимают, о чём речь. Дело в том, что им нужна не точность сама по себе; для них точность не самоцель. Им нужен результат. Почему? Потому, что им ставят конкретную практическую задачу и платят за успешное выполнение этой задачи. Инженеры очень часто обобщают и допускают использование приблизительных параметров – и получают свои деньги. Откровенное выражение принципа профессиональной деятельности состоящих в этой славной когорте будет звучать так: «Мы, инженеры, получаем деньги не за то, чтобы формулы выглядели идеальной картинкой, а за то, чтобы изделия работали». Признание принадлежит весьма и весьма успешному инженеру Адаму Стелцеру (Jet Propulsion Laboratory). Если продолжить мысль, получится следующее: а что, если математика – это и изобретение, и открытие?

Читатель, вероятно, помнит, что в СССР был очень популярен термин: инженеры человеческих душ? Полагаю, что после всего сказанного (и даже при всём недосказанном – по вполне понятным причинам) ясно: термин – о Математике и Театре, об инженерах процесса, означенного Цифровизацией и театральным искусством.

Здесь будет совсем не лишним сделать предельно краткий экскурс в область «инженерии человеческих душ»... Для всякого нормального человека звучит, надо признаться, вполне по-людоедски. И в таком восприятии сталинской фигуры речи читатель будет прав. Это действительно чистый – увы! – и научный соцреализм, то бишь соцканнибализм.

26 ноября 1932 года в доме Максима Горького на Малой Никитской (некогда изысканный, в стиле арт-нуво, особняк Рябушинских, реквизированный для выдающегося пролетарского писателя) проходила историческая встреча тов. Сталина с советскими писателями. Встречу инициировал сам Иосиф Виссарионович. Сталин произнёс программный тост: «Все производства страны связаны с вашим производством. Человек перерабатывается в самой жизни. Но и вы помогите переделке его души. Это важное производство – души людей. И вы – инженеры человеческих душ... Вот почему выпьем за писателей!» (Цитата приведена по воспоминаниям Виктора Шкловского, надо сказать, осознанно ставшего на путь инженерии человеческих душ задолго до тов. Сталина.)

В пересказе Корнелия Зелинского (литературный критик) здравица вождя в честь советских писателей звучала чуть по-иному: «Есть разные производства: артиллерии, автомобилей, машин. Вы

тоже производите товар. Очень нужный нам товар, интересный товар – души людей...»

Через два года на I Всесоюзном съезде советских писателей секретарь ЦК по идеологии А. Жданов начал своё обращение к аудитории такими словами: «Товарищ Сталин назвал вас инженерами человеческих душ. Какие обязанности накладывает на вас это звание?..»

Прошло ещё время, и уже Валентин Катаев в 1947 году в своей речи в Верховном Совете РСФСР произнёс: «В беседе с нами, советскими литераторами, в доме у Максима Горького Иосиф Виссарионович назвал писателей инженерами человеческих душ. Эта мудрая и меткая сталинская характеристика поистине открыла нам целый мир».

У Маяковского в его «Мистерии-буфф» есть очень интересная строфа, из которой, возможно, вождь и позаимствовал метафору:

*Я – дровосек
Дремучего леса мыслей
Извитых лианами книжников,
Душ человеческих искусный слесарь,
Каменотёс сердец бульжников...*

Но ведь и Маяковский не просто так составил этот поэтический фрагмент. «Книжники» помога-

ют сделать правильную атрибуцию. Книжники библейских и евангельских времён прекрасно поняли бы, из какого воинства этот «каменотёс сердец булыжников». В Библии не просто так сказано, что жертвенник Истинному Богу должен быть сложен только из не отёсанных человеком (каменотёсом) камней. Нетрудно понять, жертвенник какому божеству должны были, по воле вождя, сложить каменотёсы слова – советские писатели, «инженеры человеческих душ», сложить из отёсанных «булыжников» — «человеческих сердец».

В письме Ольге Скорородовой от 3 января 1933 года, вскоре после того, как произошла историческая встреча Сталина с советскими писателями, буревестник революции напишет: «Я думаю, скоро, очень скоро наступит время, когда наука властно спросит так называемых нормальных людей: вы хотите, чтобы все болезни, уродства, несовершенства, преждевременная дряхлость и смерть человеческого организма были подробно и точно изучены? Такое изучение не может быть достигнуто экспериментами над собаками, кроликами, морскими свинками. Необходим эксперимент над самим человеком, необходимо на нём самом изучать технику его организма... для этого потребуются сотни человеческих единиц. Это будет действительно службой человечеству. Это и есть конкретное внедрение марксистской диалек-

тики...» Высказывание главы пролетарских писателей, ужасающее по своей сути, так созвучно, Концепции Московского правительства «Москва. Умный город – 2030» и идее цифровизации человеческой природы.

Упомянувшийся ранее Герман Греф в феврале 2021 года обнародовал программу цифровизации в России. Вот что было произнесено во всеуслышание: «Встаёт вопрос: как нам нужно трансформировать школу, школу XXI века?» Если предельно ёмко сформулировать концепцию цифровизации образования, пропагандируемую специалистами, подобными Г. Грефу, это будет означать следующее: принципиально упростить процесс образования; минимизировать сумму знаний; образование свести к получению «навыков» (вместо собственно знаний и системы их оценки, то есть идеологии); максимально «цифровизировать» процесс (по сути дела, упразднить для основного числа учащихся настоящих, «живых» учителей).

Для чего это нужно (и принципиально важно – с позиции цифровизаторов), Герман Греф тоже пояснил, причём весьма откровенно, на том же Экономическом форуме в 2021 году. Им было сказано буквально следующее: «Вы предлагаете передать власть в руки населения. Уважаемые господа, я вам хочу сказать, что вы говорите страшные вещи. Много тысячелетий эта проблема была ключевой...

Как только все люди поймут основу своего «я» и самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать, ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания. В иудейской культуре каббала, которая давала науку жизни, три тысячи лет была секретным учением, потому что люди понимали, что такое снять пелену с глаз миллионов людей и сделать их самодостаточными.

Как управлять ими? Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции. Как тогда жить? Как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую? Как в таком обществе жить? Если все имеют возможность получать не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромную машину, спущенную на головы, – средства массовой информации, которые как бы независимы. А на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации заняты построением страт». Конец цитаты.

Оратор-модератор закончил свою речь с нотками трагического пафоса в голосе. Надо ли говорить, что после такого завершения монолога начальника Сбера РФ в зале на минуту воцарилась гробовая тишина... В этой публичной декларации своих взглядов Герман Греф, конечно же, не оригинален. Довольно

многие из тех, кто на сегодняшний день являются обладателями больших и очень больших денег, если не исповедуют таковые убеждения вслух, то думают именно так и исповедуют свою веру через осуществление *modus vivendi* в делах и устройении собственной жизни.

«Нет ничего нового под солнцем» (Ек. 1, 9). Эти люди просто чужды веры, нашей веры, которая создала величайшую в мире державу. Они не знают – и не хотят знать то, что, по сути, очень хорошо известно каждому православному христианину. Писание так говорит о неправо умствующих, очень точно и недвусмысленно описывая их философию:

«Будем же наслаждаться настоящими благами и спешить пользоваться миром, как юностью; преисполнимся дорогим вином и благовониями, и да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни; увенчаемся цветами роз прежде, нежели они увяли;

никто из нас не лишай себя участия в нашем наслаждении;

езде оставим следы веселья, ибо это наша доля и наш жребий.

Будем притеснять бедняка праведника, не пощадим вдовы и не постыдимся многолетних седин старца.

Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным.

Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания;

объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа;

он пред нами – обличение помыслов наших...

Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их...» (Прем. Сол. 2, 6-14; 21)

Относительно опасений цифровизаторов о крахе их замыслов, если будет «снята пелена с глаз миллионов» и люди станут «самодостаточными». Об этом как о благословении, которое будет принесено людям Мессией-Христом, ясно пророчествовал Исайя (которого, кстати, «цифровизаторы» библейских времён именно за слово человеколюбивой Истины живём распилили пилой...).

Концепция «Москва. Умный город – 2030» обнародована в 2021 году. Теперь пришло время несколько освежить нашу историческую память, вернуться всего лишь на сто лет назад, в наше «светлое» советское прошлое. 1923 год, газета «Известия», 5 сентября. Читаем заметку корреспондента в разделе «Конкурс на лучший колхоз»: «Денег собственных никто не имеет, все они хранятся в общей кассе... Всё индивидуальное будет изжито. Внутренне оно уже почти изжито...» Через несколько

дней (11.IX.1923) «Известия» продолжили публикацию: «В коммуне – общий дом для жилья, общая столовая и общая кухня. О еде и работе извещают звонки...» Газета с сожалением констатирует «недоработки»: «Только из-за отсутствия постельных принадлежностей не проведено ещё в жизнь полное интернирование детей».

Тогда же Алексей Гастев*, довольно известный в советские 20-е и 30-е годы пропагандист передовой идеи полной социализации людей и технократической модели будущего устройства жизни, так формулировал символ веры «метрирования» (цифровизации) всего в Стране Советов:

---

* Гастев, Алексей Капитонович (1882–1939). Родился в семье учителя и швеи. В 1902 году исключён из Московского учительского института за политическую деятельность. С 1901 года – член РСДРП и профессиональный революционер. В 1904 году бежал во Францию, где учился в Высшей школе социальных наук. В 1905 году вернулся в Россию, руководил боевой дружиной. Первая жена (1906–1917) – Анна Ивановна Васильева. Вторая жена (с 1917 года) – Софья Абрамовна Гринблат. В 1917–1918 годах секретарь ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов. С 1921 года руководитель Центрального института труда. В 1926 году награждён орденом Трудового Красного Знамени – «за исключительную энергию и преданность делу». В 1932–1936 годах председатель Всероссийского комитета по стандартизации при СТО. Находился в регулярной переписке с Генри Фордом.

15 апреля 1939 года – расстрелян.

«Шеренги и толпы станков, подземный клокот огненной печи, подъёмы и спуски нагруженных кранов, дыхание прикованных крепких цилиндров, рокот газовых взрывов и мощь прессы – вот наши песни, религия, музыка!.. Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся Небом! Ринемся вниз! Вместе с огнём, и металлом, и газом, и паром мы зароемся в глуби, прорежем их тысячью стальных нитей, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадом света и наполним их рёвом металла. На многие годы уйдём от неба, от солнца, от мерцания звёзд, сольёмся с землёй: она в нас, и мы в ней! Мы войдём в землю тысячами, мы войдём туда миллионами, мы войдём океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы похороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе...

Землёю рождённые, мы в неё возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится; запертая со всех сторон – без входов и выходов! Она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом окованный сталью земной шар будет котлом Вселенной. И когда в исступлении трудового порыва земля не выдержит и разорвёт стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек! Нужно сделать, чтобы вдруг человечество открыло, что сам человек есть одна из самых совершенных машин, какие только знает наша техника.

Мы будем метрировать человеческую энергию. Здесь не должно быть ничего священного!..»

Как видим, в XX веке мечтания социалиста Ламетри, во время Великой французской революции толковавшего о превращении человека в машину, становились ужасающим кошмаром советской реальности, тем более страшным, что эти принципы действительно претворялись в жизнь руководителями СССР в 20–30-е годы XX столетия. Что же происходит в наше, именуемое демократическим, время? Процесс ускоряется, и цифровые технологии приближают человечество к вожделенному для безумцев осуществлению превращения людей в машины, и более того: в цифровые аватары. Речь действительно идёт о решительном намерении изменить самоё природу человека. Курцвейл, Диамандис, Пирсон, Эванс, Гастев, Ламетри... Почему-то эти имена заставляют вспомнить слова Исаяи (Ис. 44, 25) и пророка Иереми: «Они умны на зло...» (Иер. 4, 22)

Мы упомянули о Ламетри. Об этой фигуре стоит рассказать несколько подробнее. Жюльен Офреде Ламетри был сыном богатого торговца тканями в портовом французском городе Сен-Мало. В юности он, получив хорошее образование, готовился стать священником, но потом решил «идти другим путём». Ламетри поступил в колледж, чтобы изучать натурфилософию, занятия которой привели его к профессии врача.

Первой книгой Ламетри был трактат «Естественная история души». Так автор начал целую серию своихopusов, главной идеей которых являлось утверждение, что единственное предназначение человека – жить в удовольствиях. Реакция последовала незамедлительно, так как сочинения Ламетри представляли собой не что иное, как кощунства в отношении Священного Писания и веры. Ламетри бежал в Нидерланды, страну, в то время служившую прибежищем подобного рода вольнодумцам. Ламетри и не думал останавливаться. Основными плодами его изысканий на попрание удовольствий и наслаждений плоти явились два произведения: «Человек-растение» и «Человек-машина». Замечательно, что именно эти два трактата французского просветителя были изданы в СССР в серии «Философское наследие» – как ценные научные труды эпохи европейского Просвещения. В них Ламетри стремится дать научное обоснование системы механического материализма.

Согласно теории Ламетри, существует лишь единая материальная субстанция (материя), присущие ей способности ощущать и мыслить проявляются в «организованных телах». В свою очередь, именно состояние тела обуславливает состояние души посредством чувственных восприятий. Человек и животные созданы природой (материей) из

одной «глины», следовательно, человек отличается от животного только бóльшим числом потребностей. По Ламетри, человеческий организм – это своего рода самозаводящаяся машина, не более того.

Убеждённый гедонист Ламетри окончил свои дни в полном соответствии с собственной теорией: будучи приглашён на обед французским послом Тирконнелем (тот был его пациентом), философ объелся мясным трюфельным пирогом – и в мучениях скончался. Это произошло 11 ноября 1751 года. 3 декабря гамбургская газета Freyen Urteilein und Nachrichten поместила на своих страницах эпитафию «знаменитому философу, оставившему сей мир в возрасте сорока двух лет.

«Здесь покоится де Ламетри, галльского происхождения; здесь осталось всё его машинное заведение. Горячку он схватил при дворе; она изъяла его из мира, где после себя оставил он глупостей немало. Ныне, раз распалось его машинное тело, сумеет он на покое разумный вывод сделать. Разумный же вывод один: *человек не состоит из машин*».

Сделаем уточнение применительно к нашему, цифровому, XXI веку: *«человек не состоит из цифр...»*.

Главное – перспектива! Перспектива чего?

В Северной Италии есть городок Урбино, связанный с именем художника, который считается гением эпохи Ренессанса, – это Пьеро делла Франческа (1415–1492). Здесь были созданы общепризнанные знатоками живописи шедевры искусства и одновременно математики – речь о картинах Пьеро делла Франческа. Общепринятая концепция истории изобразительного искусства гласит: художники и архитекторы раннего Ренессанса совершили прорыв, вернули искусству живописи перспективу – «прямую» перспективу, технику, которая, как нас уверяют искусствоведы, была утрачена на целую тысячу лет. То время получило возвышенное и пафосное название – эпоха Возрождения. Однако при этом не говорится самое главное: что возрождали гуманисты.

Пьеро был первым художником, который овладел техникой так называемой прямой (это важно! – п. П.) перспективы. Поясним: сначала он стал видеть мир в прямой перспективе, а потом воплотил это видение в искусстве живописи. И всё потому, что он был не только художником, но и математиком, – пожалуй, математиком даже в бóльшей степени, чем художником. Но самое главное: Пьеро делла Франческа был стопроцентным католиком. Однако последней фразой мы несколько предвосхитили ход событий. Рассказывать нужно по порядку, так как наша цель – понимание сути происходивших событий. Иначе многое так и останется неясным – постижение даже простых вещей приходит не вдруг, но по мере обретения знаний. Итак, всё по порядку.

Урбино знаменит в том числе и картиной Пьеро «Бичевание Христа». Феномен прямой перспективы заключается в том, как трёхмерный пространственный мир изображается на плоскости, на полотне, в двух координатах. Картина на этот евангельский сюжет и сейчас, в XXI веке, смотрится очень современно. Ключ к пониманию принципа прямой перспективы – в цифрах, в математике композиционного построения. Параллельные линии трёхмерного пространства уже не параллельны на плоскости. Заметим в этой связи: Лобачевский, открывший пересечение параллель-

ных прямых, умел смотреть, видеть, замечать – и думать. Пьеро делла Франческа предвосхитил Лобачевского и даже в каком-то смысле довёл идею до абсурда, – честно сказать, до полного абсурда. Прямая перспектива вела не просто к пересечению параллельных прямых, а к схождению не только этих прямых, но всего (всего!) – к точке абсолютной сингулярности! В этом вся «гениальность» прямой перспективы. Пьеро делла Франческа – это Италия XV века; Николай Лобачевский – Россия XIX столетия... Но именно Пьеро из Урбино совершил математическую революцию, позволившую изобразить на полотне то, что представляло собой иную реальность: трёхмерное пространство. Так нам говорят – и мы наивно верим. Своими произведениями Пьеро засвидетельствовал нечто грандиозное, печатлеющее великий сдвиг, рождение нового мировоззрения. В искусстве? Не только. Сначала произошла революция в душах, потом – в умах, и только потом – в искусстве.

Что всё это означает? Какой смысл имеет прямая перспектива? И о чём нам говорит перспектива, которую сейчас называют довольно странным термином – «обратная»? Всё это непосредственным образом относится и к Цифровизации, и к Театру, вообще к искусству в самом широком понимании этого слова. Теперь самое время, коль уж упомянут Пьеро делла Франческо, вспомнить одну удиви-

тельную историю, связанную с уже упоминавшимся советским академиком Борисом Раушенбахом, ближайшим соратником создателя отечественной космонавтики академика Сергея Королёва. Раушенбах – незаурядный учёный, известный математик и талантливый инженер, сделавший очень многое для науки – не только секулярной, но и для богословия.

Однажды, будучи в составе группы советских учёных, сопровождавших иностранных коллег, которым традиционно показывали «наше всё» – от Большого театра, Грановитой палаты до Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии в тогдашнем Загорске, Раушенбах обратил внимание на особый принцип пространственных изображений в древнерусских иконах. Иконография побудила его размышлять над феноменом «обратной перспективы». Плодом работы ума явилась серьёзная математическая статья, в которой этот принцип изображения пространства был исследован с позиций академической науки и математического анализа, что и позволило понять смысл таких геометрических построений объёмных объектов. Впоследствии идеи, высказанные в статье, превратились в книгу – настоящий научный труд, исследование изобразительного метода православной иконы – передачи сакрального пространства. И таких книг, содержание которых представляло собой исследование сакральной реальности в виде-

нии мира, было несколько*. Это свидетельствует о чрезвычайной важности – лично для Раушенбаха – данной темы: он осознавал её доминантной и для науки, настоящей Науки.

Учёный увидел в православной иконе концептуальный и определяющий для религиозного человека смысл, своего рода исповедание веры и, если говорить с необходимой точностью, исповедание Православия – в сакральности пространственных построений иконных изображений. Икона – это больше, чем искусство; это видение мира таким, какой он есть, но главное – каким он должен быть. Скажем более откровенно: икона – это правильное видение богозданного мира и преодоление ущербности, искажения, неправильности, появившихся в этом мире вследствие того, что на церковном языке называется грехопадением. Очень вкратце упомянем о том, что изложил в своей статье, а потом и более полно в книгах о принципах пространственных изображений академик Раушенбах.

Так называемая «прямая» перспектива (параллельные линии сходятся в точку на горизонте)

---

* Раушенбах Б. В. Пространственные построения в древнерусской живописи. 1975.

Пространственные построения в древнегреческой живописи. 1980.

Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. 1986.

служит методом выражения концепции (религиозной! – это важно), в которой человек (тот, кто смотрит и чьим зрением передано изображение картины мира и воспринимается сам мир) есть средоточие бытия; иными словами, человек (зритель) занимает место Творца. Он, человек, микрокосм, предстаёт изначальным и окончательным средоточием бытия. Он, человек, становится Альфой и Омегой всего существующего мира, который в удалении от этого центра, Универсума (человека), заключающего в себе всё, сводится к точке, к нулю. Ещё раз повторим: в системе «прямой» перспективы творение (человек) занимает место Творца. Нетрудно понять, что это уже путь реализации идеи Человекобога, то есть Антихриста. Следующий приём поможет прояснить дело: изобразим принцип видения человеком этого мира в «прямой» перспективе. Сделаем рисунок-чертёж на бумаге. Что получилось? Правильно: треугольник, или, иными словами, получилась картинка «всё и ничего», то есть в геометрии это треугольник, графически выраженная идея, которая так впечатлила, а потом и сокрушила Пифагора – и которая так воздействовала на некоторых людей, что они стали поклоняться ей и рисовать треугольники везде, где только можно.

Что мы имеем в случае с так называемой «обратной» перспективой?

«Прямая» перспектива, ставшая со времён Пьеро делла Франческа для нас столь привычной, там, в иконах, присутствует. Но самое главное спрятано именно в том, что заключено в планах (они дискретны, то есть объекты, находящиеся на удалении, – меньшего размера; каждый план по удалённости – и физической, и смысловой – соответственно меняет размер изображаемого); но внутри каждого дискретного плана мы видим «обратную» перспективу. Она означает, что смотрящий – всего лишь человек (хотя и в достоинстве микрокосма), которому *открывается* этот мир. И открывается по мере его духовного совершенствования, пособием чему служит и собственно икона, не упраздняющая реальность, но помогающая видеть эту реальность как творение, видеть её бытие в пространстве, которое, не будем об этом забывать, тоже, как и существующий предмет (изображение), сакрально.

Всё это Раушенбах просто (всё гениальное просто!) проиллюстрировал формулами: математикой и геометрией. Самое удивительное, что реально мы видим мир именно так, как это изображено на православной (именно на православной. — п. П.) иконе. Надо только учитывать, что в православной иконографии принцип «обратной» перспективы несколько гипертрофирован, подчёркнут, – и это имеет свой смысл. Позволим себе процитировать советского академика. В фильме о Борисе Раушенбахе,

о его жизненном пути как человека и как учёного в одном из своих монологов (где речь об «обратной» перспективе) академик в качестве очевиднейшего примера-доказательства произносит фразу: «Да что там долго говорить? У вас же дома есть паркет. Просто посмотрите на паркетный пол. И сразу поймёте, о чём речь». Размышления, изучение геометрической модели пространственных построений в иконографии, математическое доказательство понятого привели Раушенбаха к важнейшему решению его жизни – принятию Православия; он стал православным христианином, прихожанином московского храма Николы в Кузнецях*.

Хорошо, что академик изучал наследие Православия. Но если бы он, после обретения им веры и своего воцерковления, в том числе и научного, задался бы вопросом, каковы идеологические основы католического религиозного искусства, он, верно, пришёл бы в ужас. Величайшие художники Ренессанса по своим убеждениям, последовательно и программно воплощаемым в их творениях, которым на протяжении веков люди буквально поклоняются как исключительным по своему художественному совершенству мировым шедеврам, были совсем не христианами. И это очень мягко сказано.

---

* О жизненном пути этого человека снят замечательный фильм «Я выбрал жизнь». 2001.

Многие из них были убеждёнными противниками Христа и Христианства, буквально ненавидевшими распятого Мессию. Многие из тех, кого сейчас провозглашают гениями, были тайными богоборцами. Если бы Раушенбах, прекрасно владевший математическим инструментарием, проанализировал «величайшие творения» Леонардо и Рафаэля, ему пришлось бы, образно говоря, заглянуть в бездну. Математика, геометрия, числа в их сокровенной символике живописных картин на библейские и евангельские темы – это скрытая структура, скелет, на который наложены краски и с помощью которого выстроены композиции фигур. Они присутствуют; они не только декларируют в тайнописи знаков религиозно-философские убеждения художников. Они призваны воздействовать на зрителя, подобно закваске, обуславливающей начало процесса, процесс и его результаты.

Советский учёный с великим удивлением для себя (и для всей советской науки) вдруг обнаружил бы – с абсолютной достоверностью! – что математика и живопись для Леонардо были прямыми путями в царство алхимии; и что сам художник подчинил свою жизнь главной алхимической задаче: обнаружить сущность бытия, жизни, человеческой души. И это совсем не преувеличение. Леонардо да Винчи – математик, геометр, инженер, даже Леонардо-художник – это личины, конечно же, очень

важные, но личины. Главное заключается в том, что прежде всего и более всего Леонардо был алхимик.

С современной точки зрения задачи алхимии пересекаются с медициной, биогенетикой, конечно же, математикой и физикой. Общеизвестная концепция, будто главной целью алхимии было превращение металлов в золото, чисто материалистична и слишком наивна. По сути, это всего лишь метафора. Настоящая цель алхимического праксиса – обрести «пропорцию», пятый и важнейший элемент, который есть душа и сущность творения, жизнь. «Пропорция» – пятый элемент организует созидание Вселенной из четырёх элементов-первооснов (земля, вода, воздух, огонь). Целью алхимиков было найти эту священную пропорцию, божественную формулу трансформации. Бог, по воззрениям алхимиков, есть обладатель этой формулы; Он использовал (и использует) эту трансцендентную математическую формулу для создания и творения всего. Найдя, определив эту формулу, алхимик (кем бы он ни был: «алхимиком-философом» – как Платон; «алхимиком-математиком» – как Ньютон; «алхимиком-художником» – как Леонардо; «алхимиком-учёным» – как наш академик Н. И. Вавилов; «алхимиком-писателем» – как немецкие романтики и в XX веке Томас Манн; «алхимиком-экономистом» – как Кейнси; «алхимиком-банкиром» – как Рокфеллер; «алхимиком-политиком» –

как Маркс, Гитлер, Муссолини, Сталин и Мао, – и так далее, и так далее...) становится на место Творца.

Витрувианский человек Леонардо да Винчи есть точная декларация этой формулы – в синтезе изобразительного искусства, спаянного с геометрией, и математики. В этой схеме главная составляющая – математика. Витрувианский человек, созданный Леонардо, являет соединение, единство противоположностей, динамики и статики, квадрата и круга как символов мироздания, мужского и женского начал, достижение самоценного наслаждения; это вождеденный «пятый элемент», воплощённая формула гармонии, которая даёт всему импульс созидания и бытия. Леонардо видел мир и всё, что в нём есть, в том числе и человека, как механизмы. Говоря современным языком, он думал как инженер, гениальный инженер. Даже мёртвые тела были для него таковыми: некогда совершенными (то есть живыми) механизмами. Труп для Леонардо представлял исключительную ценность: это машина, хотя и сломанная. Она хранит в себе тайну, в которую можно проникнуть: разобрать по частям «сломанную машину», разобраться в ней, понять, как она работала, будучи исправной, – и так обрести путь к источнику энергии *perpetuum mobile*, к загадке жизни как таковой.

Препарируя трупы, Леонардо наслаждался – как алхимик-инженер: он буквально ощущал, как

каждый взмах ланцета приближал его к откровению тайны, обретению заветной формулы «пятого элемента». Он верил, он знал: ему подвластно узреть в мёртвом тайну жизни, тайну бытия. Он не боялся смерти, которая в его мрачной вере алхимика-гностика тоже неотъемлемым элементом входила в формулу. Потом, после Леонардо, на извечную тему «пятого элемента» будут писать и фантазировать непрерывно, в том числе и вполне научно. В России «пятому элементу» будут отдавать дань совершенно разные по убеждениям люди – от Василия Розанова («Люди лунного света») до относительно недавно канувшего в лунный свет Эдуарда Лимонова (на самом деле Савенко).

Целью Леонардо было создать идеальную живую машину. Для этого одного художественного гения недостаточно; нужна власть над числами, чтобы составить формулу. Эту формулу называли по-разному: эликсир жизни, философский камень... Некоторые называли её (по аналогии с церковной терминологией) «светлым будущим», в котором сама формула выглядела так: «всем по потребностям» + «от каждого по способностям» – и облакалась соответствующими схемами цифирей, означавших гармонию экономического обеспечения и социальное совершенство идеального общества. Таковой ситуация остаётся и по сей день. И процесс продолжается. Без цифр в достижении сверхцели не

обойтись: ни здесь, ни на том свете... Судя по всему, так не только считал, но и в это верил гениальный Леонардо да Винчи. Формула «пятого элемента» – это цифры и числа. В своём завещании Леонардо точно определил даже число свечей, которые должно было возжечь, препровождая его в вечность... В 1997 году Люк Бессон снял свой «Пятый элемент», якобы фантазию на космическую тему, при этом ни словом не обмолвившись, что свой кинематографический опус он снимает хотя в стиле *fantasy* конца XX века, но по сценарной заявке Леонардо...

Теперь вернёмся в эпоху Средневековья.

Лишь через два столетия после Пьеро делла Франческа другие художники Запада продолжают ту кропотливую работу, в которой труждался мастер из Урбино. Но перспективу для себя Западный мир уже определил, и, похоже, определил раз и навсегда: она противоположна «обратной», но и называть её «прямой» – в корне ошибочно.

* * *

Европа унаследовала от Востока множество математических идей; и надо отчётливо понимать, что именно тогда резко ускорился процесс внедрения цифровизации в жизнь. Франция, Нидерланды и Англия наперегонки устремились по пути такого прогресса. Гонки начались в скромной французской деревушке в Центральной Франции – этот населён-

ный пункт уже в течение двух столетий носит имя человека, прославившего свою малую родину. Городок Декарт в долине Луары когда-то назывался совсем иначе – Ла-Э-ан-Турен, но в 1596 году в этом городке с населением менее четырёх тысяч человек родился Рене Декарт.

Он был слабым ребёнком, поэтому ему разрешали находиться в постели до 11 часов (утра – если читатель разделяет образ жизни Декарта; или дня – если читатель встаёт рано). Декарт всю жизнь пытался придерживаться такого распорядка. Чтобы серьёзно заниматься математикой, нужно убрать все отвлекающие моменты и погрузиться в мир образов и форм – математических, естественно. Декарт считал кровать лучшим местом для достижения плодотворного медитативно-математического состояния души и ума. Дом, в котором юный, а потом молодой Декарт размышлял в постели о математике, теперь превращён в музей, посвящённый всем картезианцам. Там до сих пор находится и чудесная площадка генерирования математических идей, то бишь кровать Декарта, главный экспонат его дома-музея.

Естественно, в жизни Рене Декарта была не только математика. Он решил стать солдатом – сначала протестантской армии, а потом – армии католической. Деньги в достаточном цифровом исчислении позволяли Декарту делать это с абсолютно

спокойной совестью, то есть для него такие «зигзаги удачи» вообще не представляли никакой проблемы. Декарт был наёмником, то есть «солдатом удачи», и полагал, что удача – это прежде всего деньги. Он просто воевал на стороне тех, кто платит, хорошо платит. Рене Декарт – наёмник: простая математика, которая отражена в самом слове «солдат». Оно происходит от испанского *soldo* – золотая монета. Совсем простая математика, вернее, математическая философия – и в XXI веке, как и во времена Декарта, она воплощает главный принцип войны.

Однажды ночью солдат баварских войск Рене Декарт долго не мог уснуть. Неотступная мысль мучила его: как вообще можно понять что-либо в этой жизни? Довольно оригинальная мысль, не правда ли? Хотя, если помнить, что Рене Декарт на тот момент был «солдатом удачи», это многое проясняет. В конце концов сон всё же сморил отважного (за деньги) воина-наёмника, привыкшего вставать очень поздно. И во сне Декарт понял, ему открылось, что ключи познания – в философии, основой которой являются неоспоримые математические факты. Он понял, что числа – только они и исключительно они – могут снять всю паутину сомнений, особенно тогда, когда числа означают достаточную сумму денег... Декарт хотел опубликовать свои идеи, но что-то подсказывало ему, что католическая Франция будет не в восторге от такого варианта

пути развития, цифрового развития, европейской (а значит, и мировой) цивилизации. Поэтому Декарт, как говорится, собрал вещи – и убыл, естественно, в свободомыслящую Голландию, так как голландские купцы благоговели перед идеей цифрового (в деньгах) преуспевания.

Декарт думал, что после католической родины он будет в полной безопасности и даже почёте среди голландцев-протестантов, особенно в университетском Лейдене, где больше всего ценили математику и вообще науку. Кстати, Лейден сыграл очень важную роль в становлении «научных» взглядов незабвенного, упоминавшегося ранее Ламетри. Не стоит забывать в этой связи и революционную эпопею Иоанна Лейденского, шокировавшего Европу своим крайним свободомыслием – и массовыми казнями не согласных с его философско-религиозно-государственной концепцией. Пребывая в Лейдене, Декарт сделал ещё один научный прорыв: соединил алгебру и геометрию, что навсегда изменило не только математику; это дало возможность описывать все явления трёхмерной реальности в цифрах.

В то время математики (и эпоха Просвещения не является исключением), как правило, были верующими людьми. В этом нет никакого противоречия. Между прочим, математика и религия строят свои концепции на неоспоримых утверждениях; на

математическом языке они именуются аксиомами; на языке теологии это догматы.

Современником Декарта был Марен Мерсенн – известный европейский математик, физик, философ и богослов французского происхождения. Они с Декартом даже учились в одном колледже, принадлежавшем иезуитскому ордену в Ла Флеш. Мерсенн стал монахом – и первоклассным математиком; он видел в математике и вообще в науке ту силу, которая подтверждает неоспоримую аксиому бытия Божия, то есть что Бог существует, – и находил в этом великое утешение. Вклад однокашника Декарта в математическую науку неоспорим: как известно, одна из теорем о простых числах носит его имя. Именно Мерсенн заставил некоторых важных в европейской науке людей прочесть новый трактат своего друга Декарта о геометрии. Мерсенн был весьма авторитетен в научных кругах Европы. Но Мерсенн помог не только Декарту. Он поделился своими размышлениями о простых числах с Пьером де Ферма, тем самым оказав тому поистине неоценимую услугу.

Самым большим вкладом Ферма в математику (не без помощи Мерсенна) стала современная теория простых чисел. Замечательно, что Ферма зарабатывал на жизнь, труждаясь в качестве мирового судьи, математика же являлась его увлечением, его страстью. И ещё одно, не менее замечательное,

обстоятельство: Ферма обожал числовые игры. Он искал в числовых лабиринтах закономерности и считал эти закономерности абсолютно универсальными. Кстати, не здесь ли кроется магия современных числовых игр, погубившая в наступавший цифровой век уже столь многих? Между прочим, одна из теорем Ферма лежит в основе кодов наших с вами кредитных карт, которые служат очевиднейшим признаком тотальной цифровизации жизни и современной социальной системы.

В XVII веке Британия завоёвывала мировое господство. В этой связи роль Кембриджа и Оксфорда, поставивших, если так можно выразиться, производство английских математиков на конвейер, невозможно переоценить. Самым великим из всей этой плеяды стал уже упоминавшийся Исаак Ньютон. Его заслуга – уравнения, которые помогли осмыслить динамически меняющийся физический мир. Но у Ньютона, как известно, оказался соперник – Готфрид Лейбниц, всего лишь за два месяца разработавший систему дифференциальных и интегральных уравнений. Лейбниц был во всех отношениях незаурядной личностью: помимо математических изысканий-открытий, он придумал, как соединить Реформацию и Католичество; предложил Франции (Наполеону) завоевать Египет; его вклад в философию и логику, бесспорно, значителен – и всё это не без помощи математики,

в которой Лейбниц был силён, не менее силён, чем Ньютон. Но об этом уже было сказано ранее.

Наступил XVIII век. Торговым центром Западного мира стал швейцарский Базель. И немудрено. Швейцария – наследница и детище ордена тамплиеров, создавших грандиозную всеевропейскую банковскую систему. Банки – это деньги в их прогрессии, а количество денег и прогрессия денег – это цифры. Базель совершенно естественным образом становится в XVIII столетии математическим центром Европы. Иного и не могло быть. Речь пойдёт о великой династии математиков – Бернулли. Эта семья в XVIII–XIX веках дала полдюжины по-настоящему великих математиков, и все они родились в Базеле. Великих математиков с фамилией Бернулли подарило миру знаменитое семейство швейцарских торговцев, что само по себе очень важно: опять единение денег и искусства их считать, то есть мыслить цифрами. Иоганн I Бернулли и Якоб Бернулли, поклонники и последователи Лейбница, продолжили дело гениального немца. С помощью уравнений эти Бернулли пришли к методу вычисления вариаций.

Сейчас все инвесторы в мире пользуются данным методом, чтобы приумножать капиталы; инженеры с его помощью добиваются уменьшения потребления энергии; архитекторы оптимизируют строительные конструкции. Эта теория стала основой современных технологий – и изменила мир.

Ученик Иоганна Бернулли – Леонард Эйлер. Жизнь Эйлера состояла не только из математики. Он ввёл новую систему измерения веса, написал учебник по механике и даже создал новую теорию музыки. Леонард Эйлер связал свою жизнь с Россией. Швейцарский математик был приглашён в Санкт-Петербург и принял предложение, вошёл в состав Российской академии наук в качестве адъюнкта высшей математики. Через несколько месяцев по прибытии в Северную Венецию Эйлер уже бегло говорил по-русски: талантливый человек талантлив во всём. Кстати, именно благодаря знаменитому семейству Бернулли Эйлер и оказался в России. Когда тот был ещё студентом Базельского университета, на математические способности юного студента обратил внимание профессор Иоганн Бернулли (младший брат Якоба Бернулли) и открыл для молодого дарования двери своего дома (Леонард стал студентом Базельского университета в возрасте тринадцати лет). В профессорском доме, за математическими занятиями, Леонард познакомился с сыновьями своего учителя Даниилом и Николаем. 8 июля 1724 года семнадцатилетний Леонард Эйлер произнёс на латыни речь о сравнении философско-математических воззрений Декарта и Ньютона – и был по праву удостоен степени магистра.

Братья Даниил и Николай Бернулли приняли деятельное участие в создании Российской

академии наук. По их протекции Леонард Эйлер и был приглашён в Россию. Жизнь Эйлера – интереснейшая история, особенно для нас, русских. Но в данном случае интерес, исключительный интерес, представляет его участие в диспуте, который был устроен при дворе императрицы Екатерины II, придерживавшейся взглядов просвещённого абсолютизма. Тому предшествовали сложные перипетии в судьбе Эйлера. 6 января 1766 года императрица отправила графу Воронцову письмо, в котором были такие строки: «Письмо к Вам г-на Эйлера доставило мне большое удовольствие, потому что я узнаю из него о желании его снова вступить в мою службу. Конечно, я нахожу его совершенно достойным желаемого звания вице-президента Академии наук... При настоящем положении дел там нет денег на жалование в 3000 рублей, но для человека с такими достоинствами, как г-н Эйлер, я добавлю к академическому жалованию из государственных доходов, что вместе составит требуемые 3000 рублей... Я уверена, что моя Академия возродится из пепла от такого важного приобретения, и заранее поздравляю себя с тем, что возвратила России великого человека...»

Летом 1766 года Эйлер вернулся в Россию – теперь уже навсегда. Но жизненный путь гениального Эйлера был труден. Наверное, в этом случае должно наименовать российские труды и дни этого

человека подвигом во имя науки – и, как оказалось впоследствии, во славу Божию. И об этом, как говорили в первые годы после СССР, теперь уже можно рассказать...

Вскоре после возвращения Эйлера в Санкт-Петербург катаракта лишила его зрения: учёный ослеп. Но Эйлер мужественно выдержал удар судьбы; он говорил по этому поводу, что «теперь будет меньше отвлекаться от занятий математикой». За годы своего второго пребывания в России Эйлер надиктовал более четырёхсот (!) математических статей и десять (!) книг. В мае 1771 года пожар уничтожил в Санкт-Петербурге сотни зданий, в том числе и дом со всем имуществом Эйлера. Самого учёного смогли спасти. И самое главное: спасли все рукописи гениального российского (sic! – п. П.) математика. В огне погибла только часть его «Новой теории движения Луны». Но благодаря феноменальной памяти, которую учёный сохранял до глубокой старости, труд был восстановлен – без лакун! Кстати, в этой работе Эйлер, безусловно, превзошёл Ньютона.

Однако это всего лишь предисловие к главному событию в жизни великого математика. Последующий краткий рассказ – о диспуте, который императрица Екатерина II повелела провести в своём дворце. Диспут проходил, казалось бы, ещё во вполне добропорядочном, живущем верой веке,

но тема была для того времени поистине странной, если не вообще шокирующей: «Есть ли Бог?» Тогда российская императрица ещё пребывала под влиянием модных Руссо, Дидро и прочих энциклопедистов, не разумея всей душепагубности их идей. В те дни Дидро гостил у императрицы. Диспут обещал быть увлекательным действием. Но... этого не случилось, ибо воистину «Бог поругаем не бывает!» (Гал. 6, 7). Подтверждением апостольскому речению послужило своеобразное противостояние математика, свидетельствовавшего о бытии Божиим, и французского атеиста Дени Дидро.

Первым должен был высказаться Эйлер. По-человечески рассуждая, заведомо уязвимая позиция. Он молча вышел к доске – и молча начертил:

$$e^{i\pi} + 1 = 0$$

Исполнив формулу, заключил: «Следовательно, Бог есть!» – и сел на своё место.

На этом «диспут» и завершился. Дидро просто исчез – не из зала и не из дворца императрицы. Он стремительно исчез – философ бежал из России. Что на самом деле тоже означало: «Следовательно, Бог есть!»

В современном изображении гениальной формулы гениального Эйлера это будет выглядеть так:

$$e^{i\pi} + 1 = 0$$

Засим мы вполне могли бы завершить главу – к вящей славе Божией, и настоящей математики тоже... Но именно к вящей славе Божией и настоящей науки должно продолжить...

* * *

Итак: Post Scriptum, или, если угодно, – продолжение следует!

Мир стремительно ускорял своё движение к Новому порядку, главной составляющей которого призваны были быть цифры. Но люди, простые люди не очень-то вдохновлялись этой универсальной идеей, то есть Цифровизацией. Сказав «люди», мы не имели в виду ни торговцев, ни политиков, ни даже математиков, то есть речь идёт о большинстве человечества. Люди хотели просто хорошо жить, и всё. Как правило, в основном своём большинстве они не думали (и не думают) – поэтому ими, людьми (большинством человечества), так легко управлять. В одной из своих комедий Луи де Фюнес, вернее его персонаж, владелец фабрики, на вопрос управляющего, что сказать рабочим, получает универсальный ответ: «Обещайте им...» И это почти всегда работает, причём не только в фильмах – и не только во Франции. В то время как политики постоянно обещали человечеству продвижение к светлому будущему, процесс цифровизации набирал силу, и тому содействовали прежде всего и главным

образом даже не математики (хотя они и внесли в это свой весомый вклад), а войны и революции.

Революция во Франции актуализировала нужду в математиках, которые были необходимы для завоевания континента и не только – мира! Производство лучшего оружия требовало хороших инженеров, а это значит – математиков. Реформы Наполеона дали мощный толчок развитию математики. Однако в то время впереди всей математической планеты оказалась не Франция, а Германия. Речь пойдёт о Карле Фридрихе Гауссе. В свои двенадцать лет юный Гаусс раскритиковал геометрию Эвклида; в пятнадцать открыл новые системы простых чисел, которые математики не замечали две тысячи лет; в девятнадцать математически описал фигуру с семнадцатью сторонами, о которой никто раньше не знал (хотя при этом возникает вопрос: кому вообще она была нужна, кроме самого Гаусса?), и так далее, и так далее. Как уже было сказано, ещё отроком Гаусс начал задавать смелые, слишком смелые вопросы самому Эвклиду – по поводу истинности его геометрии. Однако до определённого времени геометрию Эвклида считали буквально дарованной Богом. А Гаусс был благоразумен и совсем не хотел для себя сложностей, поэтому и не афишировал свои математическо-геометрические исследования, приводившие к пониманию того, что пространство не может быть «прямолинейным». Но другой матема-

тик не побоялся сделать это. Его имя – Николай Лобачевский.

В данном случае нельзя не упомянуть о румынском гении – Яноше Бойяи. Он родился в семье учителя математики; отец заметил незаурядные математические способности, проявившиеся у его сына уже в детстве. Фаркаш Бойяи написал своему давнему другу – Гауссу с просьбой взять мальчика на обучение. Но гениальный Гаусс отказался учить гениального Яноша. Такое часто бывает по вполне понятным причинам (которые в известном смысле подтверждают теорию искривлённого пространства, но уже в области человеческой нравственности, то есть, если быть точным, в данном случае – безнравственности). И Янош пошёл в армию. Но и там Янош Бойяи не перестал думать: он размышлял о таких треугольниках, которые существуют не на плоскости, а в пространстве. Эти треугольники Янош называл «воображаемыми». Заметим по ходу дела: молодой Янош Бойяи вступил на опасную стезю; воображение может завести не только очень далеко, но даже в Зазеркалье – и не только математическое. Янош вообразил такие треугольники в таком пространстве, что сумма их углов была менее 180° . Самое удивительное, что эта воображаемая геометрия имеет математический смысл.

Новая геометрия Бойяи получила название гиперболической геометрии. Впрочем, её легко понять:

достаточно представить (увидеть) мир, отражённый на сферической поверхности, например, в капле. И если сферических выпуклых зеркал, в которых можно было бы увидеть мир, где параллельные прямые пересекаются, до сравнительно недавнего времени не было и не могло быть, то просто дождевые капли были, как говорится, почти от сотворения мира (не воображаемого, а настоящего, реального). При желании мир, который «вообразил» Бойяи в начале XIX века, можно было увидеть очень за-долго до такового математическо-геометрического открытия. О чём речь? О предельно наглядном.

Мог ли Адам увидеть мир, где параллельные прямые пересекаются, а сумма углов треугольника менее 180° ? Мог – глядя в глаза Еве, потому что глазное яблоко человека, этот орган зрения, как говорили встарь, «благороднейшего из чувств», которым мы наделены, имеет сферическую форму. Но Адам не занимался суетным, по крайней мере, совершенно ясно, что он смотрел на Еву, а не занимался разглядыванием того, что отражается на поверхности её глаз. Следуя таким путём, Адам (а вовсе не Мандельброт!) положил начало принципу фрактальности. Но если быть точным, принцип фрактальности установил Создатель: первым результатом его применения явилась сама Ева, а потом уже, с обоюдной помощью Господу Богу Адама и Евы, и всё остальное человечество.

Экзерсисы «воображаемого» начались позже, с момента грехопадения, что многое объясняет – в том числе и в математике (в том числе и сумасшествие, постигшее гениального Яноша Бойяи). Бойяи пришёл к идее воображаемой геометрии и заявил о ней в 1831 году, о чём отец Яноша незамедлительно уведомил Гаусса. Нетрудно догадаться, что тот, вопреки надеждам учителя математики из Трансильвании, отказал в поддержке. Причина очень проста: Гаусс был убеждён, что лично он может авторитетно свидетельствовать о гениальности только одного человека – самого себя. Классический пример «искривлённого» ментального пространства. Тем более что эту идею давным-давно (как оказалось) – но это знал только Гаусс – за десять лет до Бойяи открыл (для себя) самый гениальный математик, то есть сам Карл Фридрих Гаусс. Однако вскоре выяснилось, что русский математик Николай Лобачевский опубликовал эту самую идею за два года до Бойяи и, естественно, гораздо раньше Гаусса, абсолютно уверенного в своей гениальности. Вопрос был окончательно закрыт, а Янош Бойяи окончил свои дни в безвестности и, что печальнее всего, потеряв рассудок. Но не надо отчаиваться: на этом история математики не окончилась.

На авансцене точных наук появился новый гений – Бернхард Риман, математик из Гёттингена. Это был человек, которому лишь математика давала чувство уверенности, свидетельствуя неоспоримыми

формулами и изящными уравнениями, что порядок и смысл всё-таки есть (несмотря ни на что!) в этом суетном, искажённом, несовершенном мире. Риман поведал учёным мужам о том, чём может быть геометрия, а именно: математикой разных видов пространства. Это стало началом очередной научной революции, которая привела к теории относительности за авторством (на самом деле псевдоавторством) «гениального» Эйнштейна. Благодаря Риману возникла геометрия внешних измерений. Основу заложил ещё Декарт, но именно Риман довёл дело до конца, хотя правильней будет сказать – до бесконечности. Бойия думал о новой двухмерной геометрии, но Риман совершил прорыв: он вообще вывел измерения за рамки, он упразднил эти самые рамки ограничений.

В эпоху Возрождения Пьеро делла Франческа рисовал квадрат внутри квадрата, пытаясь изобразить куб на двухмерном полотне. Современные французы построили в деловом районе Дефанс, к западу от исторического Парижа, гигантский куб внутри куба («Большая арка братства», или просто «Большая арка»), уверяя простаков, что якобы сделали это единственно, дабы изобразить (получить – так сказать будет правильней) тень четырёхмерного гиперкуба, – просто из любви к математике и пространственной геометрии. Сейчас результаты трудов Римана видны повсюду: гиперпространства уже не научная фантастика, а факт. В столице Франции

цифровизаторы попытались архитектурно визуализировать нечто как воплощение фигур в высших измерениях. Но только посвящённые понимают, что́ перед нами – и перед всем человечеством. Это гигантская декларация из стали, бетона и стекла: модель неизбежного, чудного, нового, цифрового мира.

Вообще-то, подобных знаков довольно много и они очевидны, но мы очень часто «смотрим и не видим» (Мф. 13, 13). На рубеже XIX–XX веков наука подошла к пониманию корпускулярно-континуального бытия материи. И что же? Появилась *sinema*, кино: корпускулярно-континуальное искусство... Тогда же учёные заговорили о множественности измерений, Пикассо & Со начали «рисовать» (в духе времени – бесталанно, коряво и пошло) именно в такой концепции...

Со времени Римана – и в какой-то степени благодаря ему – мы сейчас имеем «математические очки», которые позволяют нам исследовать и понимать, что́ представляет собой уготованный человечеству цифровой мир. И вовремя остановиться... Потому что, как доказал гениальный швейцарский студент, ставший гениальным российским математиком:

«Бог – есть!»

На каждого мудреца довольно простоты

В некотором смысле мы подобны пассажирам стремительно несущегося поезда, за окном которого мелькают названия станций: «Декарт», «Уравнения», «Квантовая физика», «Теория относительности», «Цифровые технологии»... Вопрос только один, но он самый главный: куда нас мчит экспресс? И ведь мы способны это понять! Мы просто обязаны, должны это сделать!

В августе 1900 года в парижской Сорбонне проходил международный математический конгресс. Само по себе это было довольно скучное мероприятие, отягощённое летней душной жарой, смысл которому сумел придать Давид Гильберт. На своей лекции он сформулировал перед математикой важнейшие задачи, потому что математика – это решение задач. Список, составленный Гильбертом, состоял из двадцати трёх задач. Он хотел задать повестку для математиков XX века – и это ему удалось сполна. Задачи Гильберта определили суть

современной математики. Первая задача из списка Гильберта была сформулирована в немецком Галле, где провёл свою жизнь великий математик Георг Кантор. Он был первым, кто понял значение бесконечности и придал ей математическую точность. Галле после 1945 года и до объединения Германии находился в восточном, социалистическом секторе бывшего III Рейха, после того как эта часть страны превратилась (на время) в ГДР. Естественно, в Галле есть памятник Георгу Кантору, но он установлен не на главной площади города – там стоит памятник другому Георгу, Генделю, – полноценное изваяние, ростовая фигура гениального музыканта. Наверное, немцы таким образом хотели уверить прежде всего самих себя, что жить нужно с удовольствием, то есть наслаждаться прекрасной музыкой, а не в бесконечных математических мучениях – блужданиях недугующего «вечными вопросами» рацию.

С Кантором коммунистические власти поступили по-иному. Памятник математику – на окраине города, и это куб, чёрный куб, на одной из сторон которого портрет Кантора: горельефный бюст математика, выступающий из аспидно-чёрного камня. Занятно, что за плечом Кантора странная символика: пентаграмма в полукружии, очень напоминающем подкову; под ней ещё одна пентаграмма. Что-то очень похожее на мемориальную доску дважды

Героя Советского Союза. Но Георг Кантор жил за-долго до социализма в Восточной Германии. Хотя совершенно очевидно, что и общая композиция, и изображения, и даже цвет – всё свидетельствует, что скульптор трудился со знанием дела – и математики, и философии, и даже «сокровенного гнозиса».

Кантор показал, что бесконечность может быть вполне понятной, – естественно, математику. И более того: Кантор рассматривал множество бесконечностей. Как показала его последующая жизнь, это довольно опасное занятие, – если слишком погрузиться, так сказать, в бесконечность: есть риск не вернуться. Похоже, именно это и произошло с Георгом Кантором. Бремя настоящей, реальной бесконечности не способен вынести даже гениальный математик. Итог? Маниакальная депрессия. Кантор очень страдал. Один из первых приступов душевного недуга случился в 1884 году. Болезнь прогрессировала. Бесконечность, овладевая рассудком и душой гениального математика, приближалась – неотвратно...

Увы, большую часть своей жизни гениальный Кантор провёл в университетской лечебнице. Приступы депрессии усугубили приступы паранойи. Но и в клинике Кантор продолжал размышлять над бесконечностью и бесконечностями: он был рабом идеи, математической идеи. Эти изыскания привели его к следующей мысли, вполне, кстати, здоровой:

«Есть некоторые вещи, которые я смог продемонстрировать с полной математической точностью. Но абсолютная бесконечность подвластна только Богу». И он понимает это вплоть до окончательного, если угодно, парадокса: «Нам это не дано, а Богу дано». Хотя это звучит парадоксально только для математиков, – вернее, законченных математиков.

Странное дело: очень часто взрослые, образованные, умные люди не могут понять очевидных вещей, которые сразу и без труда понимает ребёнок. Если родитель скажет своему малолетнему дитяти: «Нам это не дано, а Богу дано», – тот сразу уразумеет, уразумеет суть. Для законченного математика эта бесспорная максима, аксиома, истина почему-то предстаёт неразрешимой антиномией, онтологическим противоречием. И Георг Кантор не стал исключением в когорте математиков, пошедших до конца. Одну задачу, но самую главную он не смог поручить Господу Богу. Над этой задачей Кантор думал, бился всю свою жизнь. Это так называемая «континуум гипотеза».

Работы Кантора не вызывали энтузиазма у его коллег; многие математики были просто поставлены в тупик парадоксами, проистекавшими из канторовских размышлений о бесконечности и бесконечностях. Однако один из математиков так оценил труд Георга Кантора: «Математика бесконечности прекрасна, даже если это патология!» И этим че-

ловеком был самый авторитетный математик того времени – Анри Пуанкаре, тот самый Пуанкаре, который создал теорию хаоса. Заметим попутно, что теория хаоса появилась, так сказать, хаотично, а именно: вследствие математической ошибки, которую Пуанкаре допустил и заметил оплошность в самый последний момент – и то благодаря внимательности редактора, делавшего сверку предстоящей публикации математической статьи.

Анри Пуанкаре был человеком широких взглядов; он писал на университетской доске и на бумаге не только математические формулы. Ему принадлежат и книги, рассказывающие о математике, её истории и её перспективах. В одной из них («Будущее математики») он начертал: «Чтобы предсказать будущее математики, нам следует изучить Историю и текущее содержание этой науки». Во всех смыслах замечательное высказывание!

Один из важнейших аспектов «будущего математики» опять же связан с представлениями о пространстве. Речь пойдёт о геометрии положений, то есть о топологии. Поясним на современном примере. Все схемы метро в мире построены на принципах топологии: расстояния между станциями не имеют значения важно их расположение. В трудах Пуанкаре это обрело достоинство качественно нового осмысления формы. На минуту оставим математическую нить рассказа; упомянем о замечательном

историко-лингвистическом исследовании, документальном фильме, представляющем собой изящную попытку географически, по сути же дела методом сакральной топологии, определить то место на Земле, где реально был рай, – *In search of Eden* («В поисках рая». BBC. 2001). Это в значительной степени пояснит нравственный, даже духовный аспект топологии как строгой науки.

В этой связи заметим: открытие топологии, геометрии положений, если говорить сухим языком терминов, – лишь понимание того, что было достаточно отчётливо и определённо высказано задолго до Анри Пуанкаре, и вовсе не только в топологической задаче – известном ребусе XVIII века о мостах Кёнигсберга. На самом деле всё было сказано задолго даже до основания Кёнигсберга и строительства его мостов. Зерно этой идеи – в словах Христа о том, что Царствие Божие недалеко от нас (Мк. 12, 34). Более того: слова Христа – это ясное изъяснение тех топологических уроков, которыми Господь учил жестокосердных и непокорных Ему, водительствовав по пустыне, отправляя отца верующих в Землю Обетованную... Эти уроки бесчисленны; они продолжают и поныне, и то, что эти уроки до сих пор не усвоены, – только наша вина...

Но мы отвлеклись.

В топологии (некоторые называют её «научной геометрией») две формы считаются одинаковыми,

если одну из них можно трансформировать в другую, не нарушив её цельности, попросту говоря, не разрезая. Топологически мяч для футбола и мяч для регби тождественны. Но это самый простой случай. Чуть сложнее, но только на первый взгляд, трансформация бублика в кружку*: это тоже, как ни странно, топологически тождественные формы. Более того: вся наша жизнь в известном смысле – уроки нравственной топологии. Проблема, как всегда, заключается в том, что мы ничему, увы, ничему не учимся.

Пуанкаре знал все двухмерные топологические поверхности. Но в 1904 году он решил превзойти самого себя. Он поставил перед собой задачу. Заранее скажем: он не смог её решить. Задача заключалась в следующем: Пуанкаре понимал принцип построения всех возможных двухмерных топологических форм, и он разработал (представил, вообразил) все возможные формы, которые могла бы образовать

---

* Сейчас, по прошествии многих лет, вспоминая опорные точки на пути: Моховая (журфак Университета), Столешников (легендарная пивная и ещё более легендарный букинистический), Петровка («Лавка художника»), мне почему-то кажется, что завсегдагаи упомянутой пивной в какой-то момент процесса, удивлённо смотря то на солёную баранку в руке, то на пенящуюся хмельным янтарём кружку 0,5, интуитивно приближались к пониманию онтологической связи баранки и кружки; что они (баранка и кружка) топологически тождественны!..

Вселенная – если бы была двухмерной. Что сказать на это? Полагаю – и уверен, что, если бы мама Анри Пуанкаре услышала такое от своего сына, она произнесла бы приговор – краткий и верный. И этот приговор-суждение (то есть банальное – и в данном случае абсолютно верное – «дурачок!») был бы вполне объективен: и с точки зрения мамы, и с точки зрения математики, и, в конце концов, самого Анри Пуанкаре – как честного математика, имеющего мужество признавать собственные ошибки.

Но вернёмся к рассказу, то есть к невразумившемуся Пуанкаре. Он, математически рассуждая, полагал, что эта двухмерная Вселенная могла быть шаром, или бубликом с дыркой в центре, или с двумя и более дырками (но в центре – это было важно, по крайней мере, для А. Пуанкаре). Но мы-то живём по крайней мере в трёхмерной (упростим ситуацию) Вселенной, которая, слава Богу, без дырок... Что можно сказать (или помыслить) о таком Универсуме, о котором напряжённо размышлял наш математик? Это не что иное, как известная всем математикам «гипотеза Пуанкаре». К счастью для всех клеветников царицы точных наук, ответ был дан – в 2002 году российским математиком Григорием Перельманом. Доказательство, представленное этим гением, трудно понять даже математикам. Но... что сделано, то сделано. Перельману математический мир не смог отказать в славе первооткры-

вателя. Он сам отказался от почестей (наверное, не только потому, что живёт в России, но и потому, что является в гораздо большей степени российским математиком, чем генетически – «перельманом», то бишь «продавцом жемчуга»).

Перельман решил задачу, связав её с другой областью математики. Чтобы разобраться в проблеме, он рассмотрел динамику потока, обтекающего форму, – и сумел описать все способы, какими можно сложить трёхмерное пространство в более высоких измерениях*.

Кто уж точно аплодировал бы Григорию Перельману, так это Давид Гильберт, который в своё время убедительно продемонстрировал на языке формул, что, хотя уравнений бесконечное множество,

---

* Между прочим, это имеет очень важный – богословский смысл. Полезно вспомнить строки из последней книги Библии – Третьей книги пророка Ездры. Ангел вопрошает пророка, может ли Ездра «измерить дуновение ветра» (3 Езд. 4, 5), тем самым побуждая того к смиренномудрию. В известном смысле и в известной степени российскому математику Григорию Перельману это («измерить дуновение») удалось, по крайней мере, в математических формулах. Но с окончательными выводами торопиться не стоит. Ангел оказался прав. Почему-то гениальный математик ушёл в затвор: перестал открывать дверь своей советской двушки... Хотя понять произошедшее с Перельманом не так уж и сложно: он, совершив «невозможное»... отчаялся. В чём причина? Она банальна и очень проста: не человеческое это дело – «измерять дуновение ветра»...

их можно разделить (сгруппировать) так, что они будут строиться из бесконечного множества, как из конструктора. (Опять подтверждение древней, очень древней библейской истины: «Премудрость проста...») Самое удивительное в этом математическом сюжете, что Гильберт не смог создать, то есть описать, это конечное множество. Он лишь доказал, что оно есть. Кое-кто говорил, и не безосновательно, что здесь уже теология, а не математика. Но, с точки зрения Гильберта, они просто не понимали, в чём суть.

Ситуация в чём-то похожа на то, как если бы кто-то утверждал и доказал, что из родного города Гильберта Гёттингена есть дорога в Санкт-Петербург, но показать её – километр за километром – не мог. По правде говоря, в теологии действительно та же самая дилемма: многие, очень многие доказывали (в том числе и применяя математику), что Бог есть. Но реальное решение (доказательство) этой не столько теоремы, сколько аксиомы – всегда актуальная и новая задача, которую выполнить может (и должен!) только каждый человек сам – реально в своей собственной жизни! И уж в этом доказательстве только математикой никак не обойдёшься. Так что всё правильно. По крайней мере, в математическом аспекте доказательства Гильберт нисколько не ошибался. Он ошибался в другом: любил вечеринки, пил пиво со студентами и самозабвенно (не мог

удержаться...) флиртовал – в отличие от большинства своих современников-математиков.

8 сентября 1930 года он дал очень интересное радиоинтервью. Во-первых, Гильберт высказал абсолютную уверенность, что провозглашённые им некогда в Париже двадцать три задачи будут решены в ближайшем будущем и математика наконец встанет на непоколебимую логическую основу (о, как он ошибался!). Но самое главное, Гильберт заявил во всеуслышание: «Нерешаемых задач нет!» Своё интервью он завершил громкой, очень громкой фразой: «Мы должны знать! – И мы будем знать!» Этот рефрен-лозунг гностиков всех времён оказался в буквальном смысле приговором самому Гильберту.

По иронии судьбы, как раз накануне исторической радиоречи Давида Гильберта другой математик, Курт Гёдель, сокрушил недосягаемую мечту, казавшуюся Гильберту пределом математического вожделения. Гёдель изучал математику в Венском университете, но большую часть времени проводил в венских кафе, где за нардами и бильярдом совершенствовал свои гениальные математические способности. Может быть, именно поэтому ему и удалось совершить «невозможное» (по крайней мере, для него самого). Гёдель хотел ни много ни мало решить вторую задачу Гильберта, то есть даровать математике как таковой логическое обоснование. Но Гёдель воистину превзошёл самого себя:

он доказал обратное!.. – теорему о неполноте. Он доказал теорему о том, что в любом уравнении будут утверждения о числах, но их, эти утверждения, невозможно доказать.

Открытие-прозрение привело к настоящему кризису в математической науке. Ясно, что и для самого Гёделя это означало кризис, – и он наступил. В 1934 году первопроходец науки оказался в больнице. Мозг не выдержал столь отчаянных математических экзерсисов. Удивительно, как часто очень умные люди совершают очень глупые поступки. Но, наверное, Господь Бог за что-то пожалел Гёделя – и его спасла... любовь, то есть сила, абсолютно противоположная математике и вообще научно непостижимая. Её звали Адель Боровски, танцовщица... в ночном клубе. Удивительно, но именно она спасла Гёделя... по крайней мере, от сумасшествия. Воистину прав был наш драматург, избравший для своей пьесы русскую поговорку: «На всякого мудреца довольно простоты!» И слава Богу! Или, как скажет заурядное большинство, «повезло»...

В 1930 году в американском Принстоне открылся Институт перспективных исследований. Всё происходило по плану, как и должно было происходить, ведь именно Америке принадлежало будущее. А это означало, что американские математики должны быть лучшими. И Америка собрала богатую

жатву: Герман Вейль, Джон фон Нейман, Гёдель, Эйнштейн... – всё это знаменитые обитатели Принстона. Удивительно, но страна изобилия – мороженого и пончиков, так подтверждавшая своё глубоко символичное именование – «Америка» (помните древнегреческие «амеры»?), дала миру математика, который не мог удовлетвориться, в отличие от большинства своих сверстников, мороженым и пончиками – а потому и решил вторую задачу Гильберта. Это был Пол Коэн. Кстати, именно так часто и бывает: человек не может (потому что и не должен) удовлетворяться мороженым и пончиками и занимается делом. Если уж совсем повезёт, то человек не удовлетворится и решением задач из золотого фонда Гильберта. Но здесь мы рискуем быть обвинёнными в том, в чём в своё время обвиняли Давида Кантора. Поэтому теологический (или, если кому-то угодно, квазитеологический) аспект здесь лучше оставить за скобками.

Коэн прочитал о континуум гипотезе Кантора. Давид Кантор так и не смог её решить, хотя дело было только лишь в том, чтобы понять, как может существовать бесконечное множество чисел, которое больше множества целых чисел, но меньше множества десятичных дробей. Всего-то. Но все попытки решить эту задачу, которой Гильберт отвлёл почётное первое место в своём списке, были безуспешны... До того, как за дело взялся паренёк

из Нью-Джерси Пол Коэн. И через год он дал парадоксальное решение: оба ответа – и «да» и «нет» – могут быть верны, то есть точно верны! По одной математике континуум гипотеза была правильной: между целыми числами и десятичными дробями не существует бесконечное множество – и не может существовать! Но по другой математике, столь же последовательной, континуум гипотеза была ложной, то есть: между целыми числами и десятичными дробями есть бесконечное множество.

Метод был столь кардинально нов – даже для Америки и даже для Эйнштейна, что до какого-то времени никто не знал, что сказать по поводу не столько решения, сколько безумной смелости Пола Коэна. Пауза затянулась, и тогда Коэн просто приехал в Принстон к самому Гёделю; в пятницу они встретились в университетской библиотеке. Студент смиренно вручил профессору скромную папку: писчие листы с начертаниями формул. Тот взял распечатку доказательства, сказал, что посмотрит, в понедельник ответит. В понедельник Гёдель передал листы бумаги, статью, с которой ознакомился на выходных, Коэну – но уже с начертанием кратчайшей аттестации-резюме: «Всё правильно. Согласен».

Гёдель, как явствует из этой истории, всё прекрасно понял, а именно: мы создали два математических мира, в одном из них ответ «нет», в дру-

гом – «да»*. И сами эти концепции, если предельно сконцентрировать их содержание, сводятся к таким кратким, но всеобъемлющим словам: «да» и «нет». Ещё раз напомним самим себе: где-то мы это уже слышали... Вы правы, читатель, это слова Христа, непреложная и непреходящая истина (Мф. 5, 37). Оказывается... она непреложна и для математики? Невероятно... Но – факт!

Коэн получил славу, богатство и множество наград. Самое интересное в этой истории: после грандиозного успеха он очень мало публиковался, то есть ему нечего было сказать... Очень характерно и даже многозначимо... Всю оставшуюся жизнь Пола Коэна можно вместить в краткое: «пожинал лавры...». То есть он учил тому, что знает, – и тому, чего не знает. Забавно.

В истории математики XX века Пол Коэн – классическая иллюстрация американской мечты в исполнении еврея-эмигранта во втором поколении, ставшего знаменитым профессором.

Эта занимательная сага математических свершений, составленная из портретов математиков, будет неполной, если не упомянуть о Джулии Робинсон

---

* Если вдуматься, ситуация типична и очень жизненна. Её отчётливо проясняет сам математик – своей фамилией. Так часто бывает: когда надо, применяется одна математика – чтобы получить нужный результат. Когда надо (в другом случае), применяется другая математика...

(урождённая Боуман) – первой женщине, ставшей президентом Американского математического общества. Она родилась в бедной семье; мать умерла, когда девочке было всего два года. Ребёнка забрала к себе бабушка – в маленькое поселение возле Феникса, штат Аризона. В семь лет Джулия переболела скарлатиной, болезнь почти на год приковала её к постели. Так прошло всё её детство... Она любила играть камешками в скупой тени аризонских кактусов. Играя в камешки, Джулия любила их считать. Это осталось с ней навсегда. Несмотря на явные математические способности, развившиеся вследствие болезни и одиночества в детстве, ей всегда – и в школе, и в колледже – приходилось отстаивать право заниматься математикой. Подростком она была единственной девочкой в математическом классе.

Джулия любила радиопередачу «Университетские исследователи» и однажды слушала её 53-й выпуск, который был посвящён математике. Ведущий рассказывал, что, несмотря на их эзотерический язык и отшельнический образ жизни, математики – интересные люди. Так Джулия впервые узнала, что на свете существуют математики – помимо школьных учителей, и даже более того: есть целый мир математики. И она захотела в него войти. Дверь в этот мир открывалась поступлением в университет на математический факультет. Если мы чего-либо

сильно захотим, это становится возможным. Джулия поступила в Беркли, чтобы заниматься математикой. Всё, даже встреча с числовым теоретиком Рафаэлем Робертсоном, вскоре ставшим её мужем, способствовало осуществлению мечты. Джулия получила докторскую степень и приступила к делу своей жизни – решению десятой задачи из списка Гильберта.

Она говорила, что не хочет умереть, не узнав ответа. Она была одержима этой мыслью. Задача заключалась в следующем: есть ли универсальный метод, чтобы узнать, имеет ли уравнение целое решение? Никто не мог ответить, в том числе и Джулия Робинсон. Но российский математик Юрий Матиясевич смог... В январе 1970-го он нашёл недостающее звено головоломки. Опираясь на результаты, достигнутые Джулией Робинсон, Матиясевич решил десятую задачу из списка Гильберта. Ему исполнилось всего лишь 22 года.

В то время большинство советских студентов были благородными людьми, и Юрий написал Джулии Робинсон, движимый чувством благодарности к математику, проделавшей кропотливый труд и преодолевшей начальный, самый сложный этап пути. Естественно, письмо из лагеря Социализма не дошло до американского Беркли. То было горячее время холодной войны. Но земля слухом полнится. Робинсон, узнав о достижении молодого советского

математика, сама написала ему, сопроводив письмо по-человечески трогательным предисловием: «Пришлось подождать, пока ты вырастешь и найдёшь ответ». Когда в 1948-м Робинсон приступила к штурму этой математической твердыни, Юрий был двухлетним младенцем. Действительно, трогательная история... и почему-то немного печальная. И весьма символичная. Это понимаешь, смотря на чёрно-белую фотографию Джулии Робинсон последних лет её, в общем-то, недолгой жизни, на её измождённое лицо и глядя в её печальные глаза...

Почему-то вспоминается писатель-маринист Виктор Конецкий, строчка горькой самоиронии одного из его рассказов*: «И я подумал, что, быть может, путь к искренности лежит через науку?» – В мир науки приходит много простаков, которые наивно думают (их так научили), что нравственность, как и вообще всё доброе, может доставить человеку, его душе именно Наука, точные науки, Математика (для которой категория нравственности, как это уяснил для себя академик Раушенбах, не существует)...

В чём-то история Робинсон похожа на историю французского математика Гротендика, достигшего очень больших высот в математике, потом совер-

---

* Новый год у набережной Лейтенанта Шмидта // В. Конецкий. Собр. соч. в 7 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 317.

шенно оставившего науку и остаток дней проведенного в глухом уединении, фактически отшельничестве пиренейского захолустья. Гротендик порвал все связи с прежними друзьями-математиками. И мне кажется, я знаю почему. Дело, конечно же, не в пацифизме, а в разочаровании тем, чем человек занимался всю свою в высшей степени успешную математическо-цифровую жизнь. Но это так, к слову... Гротендик хотя бы не был опасен. История математики знает и другие примеры.

О ком речь? О гениальном математике, эко-лудите Теде Качински, известном как Унабомбер, – одном из самых неуловимых американских террористов конца 1970-х, объявившем войну технократической цивилизации США и всего мира. На протяжении долгого времени (десятилетий) он взрывал технократов – от инженеров до владельцев компьютерных магазинов, рассылая им по почте самодельные бомбы. По вечерам Качински-Унабомбер, этот разочаровавшийся математик, при тусклом свете настольной лампы шифровал свои дневники, в которых рассуждал о неизбежном конце человечества, которое неминуемо будет поработщено искусственным интеллектом. Он записывал бесконечные колонки цифр (круг замкнулся: борьбу с Цифровизацией печаттели... цифры) в свой гротсбух – цифровую летопись, то бишь план по остановке глобальной Цифровизации.

В 1995 году, после консультаций с ФБР, газеты The New York Times и Washington Post опубликовали манифест Унабомбера, который он рассылал по всему миру, призывая жителей планеты Земля бросить всё и жить в лесу. Благодаря лингвистическому анализу и, главное, помощи родственников Качински, обративших внимание на характерные особенности речевых оборотов и построения фраз, Унабомбер был идентифицирован. Как выяснилось, превращение Теда Качински из талантливого математика в убеждённого врага технократической цивилизации началось ещё в 60-х годах, в ходе его учения в Гарварде. Идейная связь этого очень перспективного математика с Руссо, Марксом и даже отцом американской государственности Томасом Пейном очевидна. Разница – в методах.

* * *

Большинство задач из списка Гильберта на сегодняшний день решены. Но это нельзя сказать о восьмой гипотезе Римана. Математика выросла из стремления знать всё обо всём и познать будущее. Именно это является средоточием гипотезы Римана. Ужасно, но в XX веке математика действительно обрела значимость языка Вселенной; люди понимают её (так им кажется, они так считают) – и пользуются ею как универсальным ключом, открывающим дверь постижения мира – и миров, человеческого

сознания. Для них это инструмент, которым можно изменить самоё человеческую природу; поникнуть в неизведанную и бесконечную, необозримую область запретного знания. Остаётся один вопрос, но он чрезвычайно важен: а если это обман? Или ещё ужасней: что, если это самообман?.. Ведь мы же помним, что́ на пике своего земного научного и жизненного пути уразумел академик Раушенбах, равно как и то, к чему пришёл Качински, славившийся в Гарварде как невероятно талантливый математик...

Математиками движут не деньги, не слава и не возможность практического применения результатов их трудов. Главное для них – разрешать великие задачи жизни, ставившие в тупик их предшественников. Так они говорят – и при этом совершенно искренни. Самое прискорбное во всём этом, что большинством математиков движит отчаянно яростное в своём пафосе исповедание Давида Гильберта: «Мы должны знать! – И мы будем знать!» Но это не приносит – и не может принести – счастья, для которого создан человек... Мákсима-девиз Гильберта отсылает к тому, кто почти в изначальной древности внушил, нашептал человеку (*Whisper of the Wisdom...*) гибельную мечту (Быт. 3, 1). С помощью математики эта сила не перестаёт дерзать сделать реальностью придуманное «бытие» (людей, материи, мира...) – вне власти, вне благодати, вне любви Творца, заклиная на языке формул: *Let it be!*

Это и есть цель тотальной Цифровизации – жизни, человека, человечества, нас с вами, Вселенной...

Математика, цифры, теология, музыка... Похоже, очень похоже, Beatles знали, о чём поют и зачем поют...*

«Мы должны знать! – И мы будем знать!»

Как здесь не вспомнить слова библейских пророков (VII век до Рождества Христова), прозвучавшие грозным приговором богоборцам глубокой древности, звучащие и сейчас обличением поклоняющимся числам:

Исайи: «Господь знания их делает глупостью» (Ис. 44, 25)

и Иеремии: «Они умны на зло» (Иер. 4, 22).

---

* В настоящее время существует довольно много исследований на эту тему. Пионером в данной области является канадский католический священник Жан-Поль Рожембаль, в своё время написавший книгу-исследование «Рок-н-ролл: насилие над сознанием подсознательными сообщениями».

Немного занимательной истории театра

Как ни странно, довольно трудно найти среди множества работ по этой теме отчётливое, ясное и объективное изложение сущности Театра и его истории как одного из важнейших феноменов культуры. Общедоступные источники бесконечной чередой дают лишь самую поверхностную картину исторической концепции возникновения театра и театрального искусства. Конечно же, здесь, на страницах эссе «Цифровизация и Театр», необходимо хотя бы в предельно краткой форме, с необходимой полнотой и отчётливой конкретикой дать описание основополагающих для Театра идей, дабы стало понятно, о чём речь, и чтобы удовлетворить читателя материалами и сведениями, могущими помочь составить объективное суждение.

Что нам говорят большинство исследователей данной темы, искусствоведы и историки Театра? То, что театр и театральное искусство Древней Гре-

ции берёт начало в Дионисиях, празднествах, посвящённых языческому богу Дионису. Все авторы без исключения, упоминая о первоначальной связи Театра с «народными обрядовыми играми в честь Диониса», почему-то (хотя причины понятны) не уделяют этому обстоятельству должного внимания, вероятно, расценивая такой генезис театрального искусства как «просто исторический факт», который, конечно же, необходимо упомянуть ради всё той же исторической справедливости – и не более того. Это характерно для очень многих источников по истории Театра – как отечественных, для которых наследие советской эпохи остаётся, по сути, определяющим, так и зарубежных, следующих давно установившейся традиции. Это значит, что религиозное начало в театральном искусстве расценивается чисто номинально.

В западной (читай: свободной) литературе по истории Театра, каким это ни покажется парадоксальным, ситуация та же самая. Впрочем, это тоже очень понятно: Запад задолго до эпохальных свершений Великого Октября на территории России стал в значительной степени безрелигиозным, если, конечно, не считать настоящей религиозностью рождественскую ёлку и песенки из детства, которые в провинциальных городках уже канувшей в Лету «добропорядочной Европы» звучали в «добропорядочных» семьях. Но поскольку и там, и здесь о теа-

тре писали, читали лекции и пестовали вступивших на стезю, ведущую к подмосткам, сцене, театралы, то есть люди, в своё время избравшие Театр делом жизни и, так сказать, присягнувшие богам театра, безусловно, излагали и излагают вполне определённую точку зрения. Эта точка зрения заключается в том, что Театр есть чистое искусство, возвышенное, прекрасное, всеобъемлющее, открывающее смысл человеческой жизни.

Нужно понимать, что Театр – это каста, замкнутая, сплочённая и, вопреки телевизионным шоу и «культурным» программам, не раскрывающая своих главных секретов непосвящённым. Чуть позже станет ясно, в чём заключается тайна Театра, который правильнее определить как мистерию.

Но всё по порядку.

Общим местом в концепции театрального искусства, а значит, и в истории Театра является упомянутая константа: «Древнегреческий театр берёт своё начало от природных гуляний в честь бога Диониса». Диониса древние греки почитали божеством производительных сил природы. Потом Дионис стал божеством виноделия, потом божеством поэзии – и, соответственно, Театра. Торжественные песнопения-гимны Дионису послужили основой для древнегреческой трагедии. Простонародная часть Дионисий, проходившая под знаком безудержного веселья, превратилась в комедию.

Теперь об элементарном, первопричинах театра. Слово «трагедия» – сложное, двусоставное: «трагос» – козёл и «одэ» – песнь. Буквальный, дословный перевод: «песнь козлов». Всё это не случайность: неизменные спутники бога Диониса – сатиры, полулюди-полукозлы. Именно они выполняли ответственную миссию в Дионисиевой мистерии – в песнях прославляли подвиги и страдания божества, которому преданно служили. Надо ли говорить, что «служение» сатиров своему богу заключалось в том, что лучше определить одним – и при этом терминологически точным во всех отношениях – словом: вакханалия.

Ознакомившись с обширным числом пособий, учебников, популярных и специальных изложений истории Театра, приходится констатировать: зёрна подлинного осмысления этого феномена находятся в толще самых общих рассуждений, представляющих очень малую ценность и только затемняющих дело, только затрудняющих поиск. В этом ряду безусловную ценность представляет брошюра А. И. Пиотровского «Античный театр (Театр Древней Греции и Рима)», вышедшая в советском Петрограде, Издательство Academia, 1923 год. Автор упомянутой брошюры предваряет свой труд ценным замечанием: «...Античная цивилизация своеобразным двойником сопровождает историю новой Европы. Каждая эпоха подходит к ней по-своему и, по многим обломкам

восстанавливая картину прошлого, ищет в ней разрешение собственных своих противоречий».

Абсолютно справедливо. Именно этим мы и займёмся.

Аристотель в своей «Поэтике» указывает, что трагедия – «от зачинателей дифирамба»; комедия – «от фаллических песней». Всё это теснейшим образом связано с культом Диониса. Ещё раз подчеркнём: изначально Дионис упоминается как бог производительных сил природы, позднее – как бог виноделия. Дионисийский культ носил оргиастический характер и сопровождался проявлением вакхического исступления и крайнего разгула (читай: разврата). Священными животными Диониса были козёл и бык; иногда божество изображалось в виде человека с рогами*. Плутарх рассказывает о том, как в древнейшей практике совершалось празднество в честь Диониса. Шла процессия, представлявшая собой свиту кувшина с вином; за нёсшим вино вели козла; потом шёл человек с корзиной, наполненной фигами (смоквами)**.

Неотъемлемой составляющей празднеств служили гимны – песнопения в честь Диониса. Участ-

---

* См. декорацию «Кармен-сюиты» в исполнении Плисецкой и Годунова.

** Смokвы, смokовничное дерево в библейской символике имели очень глубокий смысл. Языческая античность усваивала им значение плодородия.

ники вакханалий облачались в козлиные шкуры, надевали маски, мазали лица винной гущей. Культ Диониса был дихотомичен: в гимнах как излагалась история его страданий и смерти, так и воспевалась неуёмная сила Диониса, в представлениях древних греков дающая жизнь всему существу. И люди, и вино, и животные символизировали собой Диониса-Вакха. Кульминация мистерии начиналась заклинанием козла; все «причащались» Дионису, упиваясь вином допьяна, так соединяясь с божеством. Начиналась дикая вакханалия... Спутниками Диониса – свитой божества были сатиры, составлявшие «козлиный» хор. Это «трагедия», ещё раз повторим: в переводе с греческого буквально «песнь козлов».

Комедия – вторая составляющая дионисийской мистерии. «Комедия» – от «комос» (шествие на празднестве Дионису) и «одэ» (песнь). Причём «комос» означало шествие крепко подвыпившей толпы почитателей Диониса, осыпавшей встречных колкими шутками и обидными насмешками. Эта деталь тоже очень важна. Вряд ли можно согласиться с А. И. Пиотровским, что суть комедии – это «спор, песенная перебранка». Смысл комедии гораздо глубже, и в истоках, в своём основании, он общий с трагедией. Конечно же, здесь должно прежде всего иметь в виду древнегреческие Дионисии и потом древнегреческий театр, обретший смысл самостоятельного (в известной степени) явления. Комедия

Древней Греции сохраняет древние корни дионисийского ритуала: жертвоприношение (вторая половина пьесы) и комос («маскарад») в финале.

«Комос» как вторая часть театральной дихотомии – именно так, в неразрывной связи с «трагедией» (то есть «песнью козлов») – способен дать объяснение сути комедии, то есть собственно природы комического. Если с трагическим в жизни и, соответственно, в искусстве всё более-менее понятно (в конце концов, кто только не писал о смерти и её неизбежности), то с комедией, комическим всё обстоит куда сложнее. Раз речь здесь о Театре, следовательно, необходимо определиться и с этим понятием. В этом нам помогут наши доморощенные скоморохи-шуты. Что говорит этимология? Первое научное объяснение слова «скоморох» дал знаменитый чешский лингвист П. Шафарик. Его версия – чисто историческая: он писал о некогда существовавшем племени «скамаров», которые в V веке жили на придунайских равнинах. «Скамары» были известны своим зверским нравом: они занимались разбоем и грабежами.

Свою версию происхождения слова «скоморох» предложил А. Веселовский в книге «Старинный театр в Европе» (1870). Это «восточная» линия: «скоморох» – от арабского «масхара» – «шут», «смешной человек». Одновременно с Веселовским академик Я. Грот указал на готский – там это слово

с тем же значением звучит даже несколько схоже: «скамари». Для лингвистов очень понятно это обращение к готскому (как, например, и к литовскому языку), скандинавскому слову – «скемта» с общим значением «шутить». В ряду известных российских славистов, занимавшихся данной темой, находится и И. Срезневский, указавший на итальянское «скамаручча» и французское «скарамуш». Слово означает: «шут», «насмешник»*. Свою лепту в размышления по поводу комического внёс даже Е. Голубинский. По его мнению, здесь очевидна связь с греческим: «скома» – «шутка» и «архо» – «начальствую». Что-то вроде «начальник смехотворчества». Эту точку зрения разделяет и А. Кирпичников. Интересна версия Н. Кондакова, который, на наш взгляд, придерживался довольно наивного этимологического варианта: «скоморох» – от слова «мех», то есть «скоморох» – это «человек в шкуре» и «человек, ряженный зверем».

Как видим, общее начало присутствует с неоспоримой лингвистической и семантической достоверностью во всех версиях. Если сказать предельно кратко, «скоморох» – это «шут». А шут, как известно, в церковнославянском языке (общем для всех

---

* Потом, по ознакомлении со всем материалом, прочтении всей книги, читателю станет понятно, почему это слово звучит в «Богемской рапсодии».

славянских народов, исповедующих Православие) это не совсем то, о чём думаем мы, люди, живущие в России XX–XXI веков. Славянское «шут» – это в точном переводе на русский «бес», точнее, конкретно и буквально «чёрт».

Обращаясь к библейской истории, мы начинаем понимать основную причину искушения первых людей: сатана позавидовал им – и вознамерился погубить. Теперь совсем не трудно понять метод, содержание и цель шутовской (то есть буквально: дьявольской) процессии в комедиях – как части дионисийской мистерии. Цель неизменна: погубить (через насмешку, унижение того, кто носит в себе образ и подобие Бога. То есть через гибель человека осуществить бунт богоборчества). Мотив тот же – зависть (через зависть к человеку – зависть по отношению к Богу, Творцу). В этой связи суждение А. И. Пиотровского, что древнегреческая комедия – всего лишь весёлый «спор», «песенная перебранка», есть чрезвычайно поверхностный и по сути неверный взгляд на предмет. «Комос» – комедия, таким образом, не менее дьявольское действие, чем «песнь античных козлов», то есть «трагедия» дионисийского культа.

В русской классической литературе это особенно сильно прочувствовал и творчески выразил Н. Гоголь. Интуитивно он подошёл к разгадке, соединяя трагическое и комическое в пространстве одного произведения («Ревизор», «Повесть

о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» – и особенно «Нос» и «Мёртвые души»). Но великий русский писатель не смог вынести столь тяжкого бремени, которое он сам возложил на себя. Гоголь оказался в тенётах ложной духовности вследствие своей слишком большой доверчивости к священнику, которого избрал себе духовником, – протоиерею Матфею Константиновскому*.

Впрочем, сказанного здесь о «комедии», то есть о комическом, в изначальном и основном смысле этих понятий вполне достаточно, чтобы разобраться в сути затронутого явления, уже очень давно представляющего собой неотъемлемый жанр европейского театрального (и кино-) искусства.

Вернёмся в эпоху аттического театра.

Драматург Пратин (VI–V века до н. э.) сообщает, что Дионис – «прославляемый в дифирамбах». Впервые слово «дифирамб» встречаем у Архилоха, лирического древнегреческого поэта VII века до н. э.:

*И владыке Дионису дифирамб умею я
Затянуть прекраснозвучный, духом винным упоён!*

---

* Есть совершенно различные оценки роли этого священника в судьбе Н. В. Гоголя (крайне негативные: Розанов, Мережковский, Щёголев... и абсолютно положительная трактовка: К. Поселянин, А. Панкратов).

Поскольку нам предстоит определить и уяснить самое существенное в содержании Театра как такового, его основу, а значит, и неизменную суть, непреложно сохранявшуюся во всех видах театрального искусства (в том числе и в опере, и в балете, и в выросшем из Театра игровом кино), мы не будем здесь с излишней подробностью останавливаться на истории Театра, проследивать развитие театрального искусства от Эсхила. Довольно упомянуть важнейшие вехи. То, что у Эсхила было по сути своей религиозным действием, в изложении и понимании Софокла становится борьбой сильных и смелых героев. Еврипид превращает миф в сюжет мелодрамы. Историки Театра, конечно же, будут говорить о том, что ко времени Менандра «старые мифы окончательно потеряли религиозную окраску». Вряд ли можно согласиться с таким суждением. По крайней мере, оно слишком поверхностно и не содержит глубинного понимания природы театра, которую он не просто хранит, но которую неизменно воплощал во все времена и воплощает ныне как важнейшую составляющую своего содержания, своей сути. Сегодняшний день никак не является исключением.

Пиотровский, вероятно, сам не подозревая, что он высказывает в как будто общей фразе, пишет: «Организация театральных представлений и в Афинах, и в других городах Греции, им подражав-

ших, находилась в руках государства». Это правда. Но смысл совершенно в ином. Мы не найдём в истории человечества ни одного (ни одного! – sic!) государства, которое бы не имело в своём основании религиозной идеи. Кстати, современные государства нашего космического века в своих геральдических символах (и даже геральдических цветах) чётко указывают на эту важнейшую и главную особенность общественного устройства жизни. Изначально и всегда Государство – это метод и инструментарий достижения сверхцели, а она – всегда – религиозна.

Здесь уместна аналогия с человеческим естеством: мы имеем, нам дано тело, чтобы наши, долженствующие быть добрыми и благими, устремления стали делом, реальностью, то есть чтобы мы осуществили наше предназначение. Здесь, конечно же, должна быть понятна и другая дихотомия: синергия властей – Церкви и Государства. Такая параллель отнюдь не случайна, ибо Театр стремится полностью заменить собой духовные потребности человека. Чуть позже мы вернёмся к данной теме, чтобы прояснить суть дела. Пока же продолжим идти стезёй уяснения, обретения знаний, потребных для правильных и необходимых умозаключений.

Заметим, что служители Диониса, те, кого мы в современной жизни с наивной почтительностью

именуем «актёрами», «артистами», есть в самом точном смысле слова – «сатиры». Они очень хорошо понимали и понимают то, чем они занимаются и что составляет дело их жизни. Об этом наглядно свидетельствуют существовавшие с древних времён сообщества актёров, именовавшиеся синодами Диониса, представлявшие могучую и влиятельную организацию. Такие сообщества именовали себя «вселенскими», и действительно, они охватывали все сферы жизни Древней Греции. Довольно интересный сам по себе исторический факт, многозначительный в условиях всё более и более оскудевающего благочестия нашего века.

Театр уже тогда претендовал на то, что впоследствии так лапидарно не просто выскажет, а с полной убеждённостью провозгласит Шекспир как лозунг и призыв: «Весь мир – театр!» Синоды актёров, следуя за войсками Александра Македонского и Диодохов, доходили до Индии и верховьев Нила. Греческая культура завоёвывала ойкумену не только силой оружия, но и силой (не менее страшной) своего искусства.

Верным пособием для понимания того, как устроилось театральное пространство, служит археология. Как свидетельствуют данные, полученные в ходе археологических изысканий, центральным местом действия древнегреческого театра служила круглая утоптанная площадка –

«орхестра». Зрители кольцом обступали орхестру. Орхестра размещалась у подножия холма, по склону которого большим сектором полукружия, в соответствии с рельефом, располагались зрители, – это был амфитеатр. Масштабы амфитеатров были очень внушительными: они устраивались так, чтобы вмещать фактически всё правомочное население полиса-государства. Театр во всех отношениях был средоточием жизни Древней Эллады. Пришло время поговорить и о том, что конструктивно представлял собой театр.

Греческий аттический театр мыслился исключительным местом: здесь в дионисиевских мистериях «соединялись небо и земля». Ансамбль орхестры и гигантского амфитеатра располагался под открытым небом, буквально был открыт Небесам. Афинский театр имел до тридцати тысяч мест; другие театры, возведённые позднее, нередко были ещё более внушительными. Мы не будем останавливаться на этапах эволюции театральной сцены – в нашем случае всё это не так существенно. Главное – определить содержание феномена театра; все остальные обстоятельства, как увидим в дальнейшем, вплоть до публичных кинотеатров и домашних кинотеатров конца XX века – первой четверти XXI столетия, служат отчётливыми примерами реализации идеи, которая в настоящее время уже поработила бóльшую часть населения планеты Земля.

Прежде чем идти далее в изъяснении предмета нашего исследования, отметим одну особенность, поставившую в затруднение некоторых историков театрального искусства. Поздний энциклопедист Поллукс совершенно справедливо указывает: «Орхестра принадлежит хору, актёрам – просцениум (возвышенная площадка перед палаткой – сkenой). Витрувий, знаменитый римский архитектор I века до Р. Х., точно фиксирует высоту просцениума: от 10 до 12 футов для греческого театра; 5 футов – для римского. Довольно долгое время основывавшееся на этих данных представление о разделении мест для актёров и для хора не вызывало сомнений и было общепринятым.

Однако раскопки афинского театра Диониса на склонах Акрополя обнаружили следующее: сохранившиеся фундаменты возвышенной сцены и примыкающей к ней полукруглой орхестры относятся к позднеримской эпохе. Что касается археологических объектов II и IV веков, то не только не было найдено никаких следов сцены, но была обнаружена кладка, доказывающая, что в то время орхестра существовала ещё в форме круга, как в древнейшую эпоху. Несколько предваряя ход повествования, скажем здесь лишь то, что проблемы как таковой нет. Вся трудность заключается в формальном понимании в данном случае структуры театра и, естественно, его устройства. Впрочем, об этом чуть позже.

Эллада уступила на сцене мировой истории место Лациуму. И в Римской империи театр тоже играл чрезвычайную по своей значимости роль. Исследователь живописует эту сторону цивилизации Рима. Даже в пересказе картина впечатляет, что же говорить о том, какой эффект производили на римлян мистерии смерти, обставленные великолепными декорациями, которые не могут воссоздать даже якобы всемогущие продюсеры киноиндустрии XXI века. Прочитируем лишь малую толику исторических описаний из жизни государства, некогда владевшего ойкуменой. Предоставим слово историку театра, при этом памятуя, что в его устах изложение сути театра и театральных искусств является традиционным и, так сказать, классическим. Эту концепцию излагают все без исключения курсы по истории театра.

«Расходы на зрелища, остававшиеся бесплатными, возросли фантастически. Они покрывались из казны императора и из средств чиновной знати. Сильно возросло и число дней, отмечаемых зрелищами: во времена расцвета империи их число доходило до полутораста. Бывали и чрезвычайные торжества, длившиеся иногда по сто и более дней... В римском Большом цирке, вмещавшем до четырёхсот тысяч человек, устраивались состязания и целые сражения, конные и пешие... Под амфитеатром в ту эпоху понимался особый вид круглого

здания с расположенными концентрически сидениями для зрителей и круглой ареной посредине (тип современного цирка). Число таких амфитеатров в пределах Римской империи доходило до ста. Блистательнейшим и самым огромным был прославленный в истории раннего Христианства амфитеатр Флавиев, знаменитый Колизей. В нём было до девяноста тысяч мест... Представители бесчисленных народов империи, в диковеннейших нарядах и вооружённые, сражались и умирали на арене. Сюда свозили самых причудливых зверей из далёких окраин: гепардов, тигров, слонов, жирафов и носорогов. Караваны с пойманными зверями тянулись к Риму. Целые легионы снаряжались для их охраны.

Как бои гладиаторов, так и звериные травли были разнообразно театрализованы. Самая утончённая сценическая техника приходила на помощь пресыщенному воображению зрителей. Из люков арены вырастали фантастические рощи, в которых бродили львы и тигры. Воздвигались крепости, на стенах которых сражались гладиаторы... Самые казни, часто реально совершавшиеся в амфитеатре, мифологизировались и театрализовались».

Историк театра продолжает: «Приговорённый к смерти выходил на арену в одеждах Орфея, скалы и деревья кружились вокруг него, птицы порхали над

его головой, пока, наконец, прыгнувший из люка медведь не разрывал несчастного. Другого наряжали Гераклом и после сложной пантомимы сжигали на костре. Арена могла наполняться водой. В образовавшемся таким образом бассейне устаивались навмахии, примерные морские сражения. Наряду с гладиаторами, мучениками и осуждёнными на арене амфитеатра выступали всевозможные фокусники и чудодеи, трупы из сотен гладиаторов и акробатов, эквилибристы, феи-танцоры, дрессированные звери...»*

Парадоксально, что из этого Пиотровский делает совершенно наивный вывод, поражающий близорукостью, пожалуй, даже неумением постичь главное. Хотя фактически определение им же было дано ранее (в характеристике религиозно-мистической основы классического театра Древней Греции). Теперь уже искусствовед утверждает иное: «Если попытаться определить общий стиль этих зрелищ, то отвратительных, то великолепных, – это своеобразно-грандиозная фееричность и крайний натурализм. „Фееричность“ и „крайний натурализм“ – при всей их выразительности и экспрессии остаются выразительными средствами, применёнными устроителями зрелищ для до-

---

* Пиотровский А. И. Античный театр. Петербург: Academia, 1923. С. 13.

стижения цели. Необходимо видеть и понимать главное».

Вряд ли здесь можно говорить о понимании того, что даже стиль Театра сообщает театральному действию характер инициации не только актёров, но и зрителей, их вовлечённости в мистерию, что должно, в идеале, быть актом изменения сознания, а через это – и личности: не только актёров древности, носивших во время представлений маски, и лицедействующих ныне на подмостках современных театров. Актёры служили (и служат) «божеству» Дионису, чтобы изменить зрителей и через изменение человека, его сознания, преобразить мир. И это действительно происходило и происходит в душах доверившихся лицедеем: будь то лирическая любовная история или же героическая сага. Кому-то это покажется парадоксальным, но и главное постановочное действие XX века – высадка американцев на Луну* имеет ту же цель: изменить мир.

Общеизвестный факт: сцена-коробка нового европейского театра ориентирована на аудиторию, располагающуюся параллельно линии рампы. Зрители смотрят прямо на сцену, то есть зрительная ось перпендикулярна фронтальной оси сцены.

---

* Элемент международного мифа о счастье, абсолютном и вождеденном, светлом будущем – в Космосе. Человечество обретёт его, полетев к звёздам, в экспедициях на Марс, etc.

Ширина сцены – основная линия плана*. Отсюда иллюзорность глубины, перспективные (прямая перспектива) декорации и всё техническое устройство сцены. Плоскость – вот конструктивный принцип театров Европы Нового времени. Между тем конструктивное устройство античного греческого театра совершенно иное: зрители находились не напротив сцены (что было невозможно физически, в принципе), но на три четверти вокруг неё. В таком театре перспективные, то есть плоскостные, декорации просто немислимы. Ритуальные хороводные действия на плоскостной сцене бессмысленны. (Современный балет пытается совместить указанные принципы; но соединение остаётся эклектическим и условным. Синтез, подобный дионисийским мистериям, на современных сценах технически невозможен.)

Поясним суть: центром эволюции древнейшего мистериального, а потом театрального хоровода был алтарь. Перед алтарём на ступеньках стоял флейтист или сменивший жреца запевала хора. Ранние трагедии Эсхила подразумевают трёхмерную сцену, средоточие которой – большой алтарь,

---

* В современном театре есть боковые сектора зрительного зала, но это не только реминисценция конструкции античного театра; это и отчётливый признак того, что владельцы театров, помимо Дионису, служат и мамоне.

иногда – надгробный камень (памятник), иногда – скала. Последние два варианта (надгробие и скала) – реминисценция древнейшего дионисийского жертвенника. Итак, утверждение, что в дионисийской древности жертвенник находился в центре оркестры, – это историческая данность. Всё: и ритуал, и конструктивное устройство мест дионисийских мистерий – свидетельствует, что Театр – это религия. Косвенным признанием того служит ставшее популярным в наши дни определение актёрского ремесла, лицедейства как «служение». Служить можно только господину, властителю, божеству, в которого веришь, или господину, которому принадлежишь, продан или продал себя.

Странно, но конкретную ссылку на точную этимологию слова «театр» исследователи, теоретики и искусствоведы, занимающиеся собственно театром, дают чрезвычайно редко. Хотя именно этимология содержит совершенно чёткое указание на религиозную сущность Театра. В этом греческом слове главная составляющая – θεός («божество»). Люди, незнакомые с историей Театра, привыкшие думать обо всём с безрелигиозных позиций, пожалуй, едва ли могут даже предположить, что изначально театр Древней Греции – это самым очевидным образом религия.

Сейчас, в современном, секулярном мире, религиозная суть Театра гораздо менее заметна, однако

она, в принципе, неизменна. Настоящие адепты, идеологи, мастера Театра всё это хорошо знают, потому что именно эта идеология во все времена была стержнем концепции Театра. Таковой она пребывает и поныне. Откровенно о религиозной природе данного феномена говорят редко и почти исключительно «своим», как, например, это однажды сделал один из самых известных советских театральных режиссёров Л. С. Вивьен. Ему принадлежит фраза: «Актёр – это бог на сцене»; так режиссёр фактически дал весьма удачную (с позиции единомышленников) трактовку – перевод слова и понятия «театр». Причём понимать сказанное соратником Мейерхольда можно, конечно же, по-разному. Но Вивьен отлично знал, что он говорит.

В театре люди служат богу Дионису. В театральной реальности на это указывает абсолютно всё – и даже сама сцена-оркестра является окном в иной мир, сакральный мир Диониса. Оркестра аттического театра – круг. В античности, как, впрочем, и всегда и во всех мировых культурах, круг являлся очень важным символом, имеющим сакральное значение. Римские цирки (circus – «круг») – это тоже мистерияльные театры, театры смерти. Оркестра в Древней Греции – круглая площадка, на которой разыгрывались мистерии Дионисий. Circus, «церковь» – эти однокоренные слова имеют очень глубокий религиозный символизм, но Христиан-

ство данной лексеме сообщает совершенно иное религиозное значение, нежели в языческих культурах античности – в данном случае Эллады и Рима. Circus Maximus в Риме имеет арену в виде правильного вытянутого овала (600 на 150 метров). Такое устройство понятно: это не только место ристалищ гладиаторов, но и ипподром. Но почему Circus? На самом деле всё логично: Circus Maximus является единство сакральных форм, как мы это видим в картушах текстов египетских пирамид. Только имя фараона, вошедшего в сонм богов в царстве Озириса, могло быть помещено в картуше, соединяющем в себе важнейшие священные формы Древнего Египта: мастабу и круг. Рим это хорошо знал.

Церковь изначально принципиально отрицала и отрицает Театр – как проявление порока. Это запечатлено в незыблемых канонах, навсегда определивших и определяющих отношение Церкви (имеется в виду, конечно же, Православие) к Театру и его служителям*. Дело не в «конкуренции», как то́ может вполне показаться человеку несведущему. Всё гораздо серьёзней, на что указывают канонические церковные постановления, очень резко

---

*Этот аспект церковной дисциплины с необходимой полнотой рассмотрен И. Чистюхиным в статье «Каноническое право Православной Церкви о зрелищах и театре» // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2018. № 2.

очерчивая границу между двумя мирами: Церкви и Театра. Достоинно внимания и осмысления то, что в Древнем Риме не имели статуса гражданина и, соответственно, не обладали полноценными правами несколько категорий населения. Причём без них Рим просто немислим: это рабы (в число коих входили и гладиаторы), гетеры – и... *актёры*.

У аввы Дорофея, одного из самых авторитетных отцов восточного монашества, есть очень важное изречение, касающееся не только сути духовной жизни, но и настоящего предмета исследования. Слова подвижника очень хорошо иллюстрируют (причём и в математическом отношении тоже) идею Церкви, её единства и единства христиан.

«Предложу вам сравнение, переданное от отцов. Представьте себе круг, начертанный на земле, середина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами. Теперь вникните в то, что я буду говорить. Предположите, что круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог; радиусы же, то есть прямые линии, идущие от окружности к центру, суть пути жизни человеческой. Итак, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг ко другу; и сколько приближаются друг ко другу, столько приближаются и к Богу. Так разумеите и об удалении. Когда удаляются от Бога и возвращаются ко

внешнему, то очевидно, что в той мере, как они исходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково естество любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, насколько каждый удалён и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближним; и сколько соединяемся с ближним, столько соединяемся с Богом»*.

Итак, совершенно ясно, что театральная орхестра – v. s. Церковь; сцена современного театра в известном смысле не что иное, как анти-«ковчег», противоположность ковчегу православной иконы: выбранной на определённую глубину поверхности иконной доски, где на золотом фоне мы видим изображения святых. Рампа сцены – и пространственная, и световая – граница театрального «ковчеха», граница меж двух миров: обыденного и сакрального. Что всё это значит? В иконографии это бытие жизни вечной, в невечернем свете Христа воскресения. В мире Божественной Истины и Правды нет теней. Заметим, даже в этом Театр стремится создать свою антиреальность: свет рамп ставится так, чтобы на сцене у актёров не было теней. (Мы не берём здесь те постановки, где тени

---

* Прп. Авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение 6-е.

драматургически функциональны.) Ещё одно значение ковчега в иконе – это реминисценция, хотя и отдалённая, события библейского Исхода: народ Божий вынес из Египта золото, чтобы оно служило уже не «мерзостям египетским», а Истинному Богу. То же самое должно сказать и о дифирамбах античного театра: в Христианстве, в монастырях этому в каком-то смысле (технически, от τέχνη – «искусство») соответствует дихотомия канонарха и клироса, хора. В античном театре так воплощался (помимо всего прочего – и как τέχνη тоже, посредством искусства) языческий религиозный догмат дуализма.

Первоначально в классический период древнегреческого театра все актёры (в том числе и исполнявшие женские роли) были исключительно мужчины, и это тоже своеобразная антицерковность (служители алтаря Церкви – только мужчины). Кроме того, неизменным антуражем актёра на театральной сцене служила маска. Это – важнейший атрибут аттического театра. Значение маски традиционно расценивается как наглядная демонстрация того, какого героя представляет актёр. Однако маска имеет гораздо более глубокий смысл. Маска – это иное лицо, магический атрибут и печать изменения личности. Актёр, вступив в сакральное пространство сцены, действуя в совершающейся мистерии, становится другим человеком. Что про-

исходит в театральном, сценическом ритуале? Что означает приятие актёром личины?

И поныне прочную негативную коннотацию имеют слова и сочетания слов: «личина», «лицеме-рие», «лицедейство», «двуличный»; «носить личину». Почему? Почему в русском языке, в отличие от западноевропейских, принадлежность к театральному цеху означает слово «актёр», а не артист? В русском языке актёр – это не клоун, не фокусник, не дрессировщик, не конференсье. Актёр, согласно этимологии, – тот, кто совершает действие, изменяющее реальность. Актёр – это именно тот человек, которого мы видим в театральной постановке или на экране, в игровом кино. Сцена есть иное, сакральное пространство; иной, «божественный», дионисийский мир. Для особой экспрессии этой идеи актёры выступали на котурнах. Актёров возвысили таким образом совсем не для того, чтобы их было лучше видно зрителям. Смысл в другом – служители Диониса превосходили простых смертных, но заметим: при этом они были в личинах сатиров, «становились» сатирами. Здесь уместно указать на пьесу Ж. Жено (друг Ж. Кокто) «Балкон», – чтобы стали понятны котурны и «божественность» «сатиров». Не только актёры выполняли эту функцию-роль. И хор тоже – хористы носили косматые, обтягивающие ноги трико и козлиные шкуры: они тоже были «сатирами».

Важнейшим атрибутом актёрского ремесла служила маска; она являлась существенной и обязательной частью сценического ритуала. Маска наряду с оркестрой и даже в большей степени была средством превращения человека в божество. Почему? Потому, что в идеологии язычества только «божество» обладало силой перевоплощаться; иметь власть, превосходящую всё, то есть преодолеть границы вещества, изменять свою природу – и даже личность. Только «божеству» и было подвластно абсолютно всё: только для «божества» и «невозможное – возможно»!

Понять, что представляют собой «божество» Театра (языческий бог Дионис) и «боги» театральной сцены (актёры), нам поможет, как ни странно, один из самых известных и прославленных адептов Театра – Шекспир.

«Двенадцатая ночь», сцена дуэли. Действующие лица: Виола, сэра Тоби, приставы, Антонио.

Близится кульминация. Из уст Антонио, испытывающего величайшее потрясение от мнимого предательства, зритель слышит:

*Добро прекрасно, а смазливый плут –
Пустой, лощёный дьяволом сосуд!*

Шекспир не был бы Шекспиром, если бы после слов Антонио не поставил реплику 1-го пристава:

«Он спятил...» После чего стражники-приставы уводят пленённого Антонио, для которого, как и для всех, очень скоро наступит счастливая развязка. Но произнесённое Антонио (то есть Шекспиром, который очень хорошо знал, что он говорит зрителям и читателям пьесы) надо пояснить, потому что современному человеку нелегко понять сказанное благородным защитником Виолы.

«Добро прекрасно». Прямым синонимом «добр» служит «благо». Собственно Благим именовали и именуют Бога – как истинное Благо и Источник всех благ. Здесь всё ясно: всё-таки, как-никак, Англия во времена Шекспира была, хотя уже и с известной долей условности, всё ещё христианской.

«Смазливый плут» – это актёр. Так было всегда – и в античной Греции, и во времена Шекспира, и в СССР даже «счастливо-добродетельного» периода развитого Социализма (неизменный атрибут социалистического благоденствия – в киосках Союзпечати множество фотооткрыток известных артистов и актрис театра и кино в стилистике «смазливых», то бишь «красивых» плутов). Так дело обстоит и сейчас. Не верите? – Включите телевизор...

«Пустой, лощёный дьяволом сосуд» – сказано ещё более определённее. Шекспир воистину гениален в словесной передаче очень важных реалий. Пустота есть следствие обмана, а, как нам стало понятно из «занимательной истории театра», Театр

и был и есть грандиозная фабрика грёз. Но с рассветом карета неизменно превращается в тыкву... Так солнце правды, настоящий свет, обнаруживает и упраздняет мираж прелести.

«Лощёный дьяволом» – о чём это? О театральной рампе: искусственный свет наводит обманчивый лоск. А кто это – носитель и источник искусственного, не настоящего, не Божия света? Переведём словосочетание на латынь и получим – Lucifer. Всё предельно ясно.

Так и напрашивается, с поправкой на гениального английского драматурга, почти пушкинское: «Ай да Шекспир! Ай да...»

Вернёмся к истории и теории театра. Сцена, оркестра, маски, котурны... Шло развитие театрального искусства, ремесло лицедеёв усложнялось, однако на всём временном протяжении существования классического древнегреческого театра именно маска играла среди всех атрибутов важнейшую – сакральную, изменяющую роль. Через личину актёр становился не только другой личностью – зрители видели его действующим в сонме богов и принадлежащим к этому священному сонму*. В данной связи

---

* Как здесь ещё раз не вспомнить лозунг ленинградского театрального режиссёра Л. Вивьена: «Актёр – это бог на сцене!» И строку из шекспировской «Двенадцатой ночи»: «И этот бог... – какой ничтожный идол!» Так всегда и бывает: ложь непременно обнаружит и обличит свою суть.

вряд ли можно согласиться с суждением искусствоведа, что «древняя маска дионисических культов была тем палладием, который сохранил античному актёру его идеальный классический стиль» и что «отказ от маски, бывший следствием торжества театра совершенно нового типа и новой актёрской техники, более, чем что-либо другое, явился знаменем катастрофы античного мировоззрения».

На самом деле речь в этом случае должна идти об ином: Театр, несмотря на колоссальные изменения (отсутствие масок*, другой принцип сценической организации и прочая, прочая, прочая), сохраняет свою мистериальную суть. Надо понять: в наше время приходится уже говорить о близкой реализации того принципа, который сформулировал Шекспир: «Весь мир – театр!»** Для античного классического театра Древней Греции это было идеей; потом пришло время осуществить замысел. Сейчас он реализуется максимально. Как? – Через Цифровизацию. Круг зрителей расширился беспредельно. И если раньше, во времена

---

* Маска не исчезает, её заменяет грим, тоже особого рода маска.

** Сейчас «лучшая» половина цивилизованного мира в своей активной жизни, то есть на людях, действует, по сути дела, в масках: косметика на лицах современных женщин – это уже почти воплощение шекспировского заклинания-лозунга: «Весь мир – театр!» и призыва «Казаться!» (а не быть...).

Еврипида и Софокла, первые ряды амфитеатра – мраморные сиденья принадлежали исключительно знатным гражданам, властителям полиса-государства, то теперь тот же «первый ряд» существует в огромном числе домов, где человек, обладающий достатком и приобретший систему home video theater, куда с большим комфортом, чем самый знатный афинянин, так сказать, лицом к лицу и даже изнутри, как бы присутствуя среди персонажей, созерцает действие, разворачивающееся в превосходящих реальность красках на гигантских экранах, простёртых во всю стену квартир и загородных жилищ. Уже не подножие холма и не тридцать тысяч зрителей под стенами афинского Акрополя, но весь мир, жаждущий зрелищ, есть грандиозный вселенский амфитеатр – и реторта, изменяющая мир не дифирамбами корифеев и хоров, игрой актёров, символизмом театральных масок, но цифровыми эффектами кинематографа, поработившего толпу, жаждущую безмерного, безграничного наслаждения страстями.

Когда в 55 году до Р. Х. триумvir Помпеи построил сцену и театр, вмещавший более семнадцати тысяч зрителей, взяв при этом за образец театр греческий; преобладание получил линейный принцип планировки всего театра. И пространство для зрителей, и театральная сцена представляли подчёркнутую семантику единого целого. Что это

означало? Приближение к тому, чтобы идею «Весь мир – театр!» сделать реальностью. Читатель, конечно же, вправе задать вопрос: когда же будет сказано о непосредственной связи Цифровизации и Театра, что, собственно, заявлено в самом названии книги? Однако это уже было сказано, и даже не однажды. В конце концов, как – без Цифровизации – мир, весь мир может стать Театром? Об этом мечтали многие и совсем не со времён Шекспира, но, как видим, и гораздо раньше.

Однако это ещё далеко не всё. Упомянувшиеся ранее идеологи всемирной Цифровизации (Курцвейл, Диамандис, Пирсон, Эванс и им подобные – с примкнувшими к этой когорте главой российского Сбера и составителями Концепции «Москва. Умный город – 2030») грезят об окончательной фазе проекта «Весь мир – театр!», когда виртуальные действия с помощью цифровых нанотехнологий материализуются сначала в мозгу человека (пока ещё сохраняющем свою биологию); потом в суперкомпьютере, который будет распределять картинки-спектакли-ощущения подключённым к нему индивидуумам. И эта участь, по замыслу цифровизаторов, уготована всем. Потом настанет цифровое «светлое будущее»: людей как таковых уже не будет, будут их бесконечные, меняющиеся аватарки в бесконечных мирах Цифровизации – Вселенной цифровой иллюзии...

Именно Цифровизация есть последний этап пути, ведущего к явлению главного лицедея в мировой истории. Антихрист не будет Богочеловеком, он, провозгласив себя Богочеловеком, наденет личину «божества», чтобы обмануть, прельстить всех – и даже избранных. Это и есть «тайна беззакония – в действии» (2 Фес. 2, 7). Увы, примеры – многочисленные, горькие, пагубные – мы видим в судьбах тех, о ком в глубокой древности было сказано пророком: «Мудрость твоя и знание твоё – они сбили тебя с пути...»* (Ис. 47, 10)

---

* Заметим здесь, что Исайя говорит о тех «мудрости» и «знании», которые противостоят мудрости Божественной и знанию, которое от Бога. Ложное знание – уводит от Того, Кто есть Путь, Истина и Жизнь (Ин. 14, 6).

Метаморфозы

Человек, каждый человек – и всё человечество – ощущает неполноту, ущербность, несовершенство этой земной жизни: болезни, скорби, вражда, обман, неудачи, лишения, наконец, тягчайшая горечь – смерть, всё это – неизбежная реальность жизни каждого из нас. Религия (помним, что под этим словом мы условились понимать Православие, то есть Христианство как оно есть) даёт чёткое и вместе с тем простое объяснение: изначальной причиной всему упомянутому является грех. Эта порча настолько повредила человеческую природу, наше естество, что, как говорит апостол, «вся тварь (творение. – п. П.) стонает и мучается» (Рим. 8, 22). Эта повреждённость проявляется во всём: в теле, в чувствах, в воле, в уме... Эта повреждённость по телу физически оканчивается смертью телесной. Если власть греха не будет упразднена, если наше душевное и духовное естество пребудет неуврачёванным, то окончание физической жизни означает необратимость смерти души – смерть вечную. О печальной участи поработивших себя греху

многожды говорится в Писании Ветхого и Нового Заветов. Естественно для человечества и, следовательно, для каждого из нас искать выход из этой, в общем-то безвыходной, если речь о нашем физическом бытии, ситуации.

Будем откровенны: посмотрим на дело должным образом. Всё в человеческой жизни – и жизни всего человечества, – вся мировая история свидетельствует о том, что каждый из нас – и все мы – ищет путь, стезю, чтобы вырваться из круга дурной бесконечности, проклятия, греха, приносящего смерть. Делание небезопасно, и многие, предприняв поиск, уклонились, приняли блуждающие огни за указание, ведущее к Истине, и заблудились.

Один из путей заблуждения ведёт в ту область, где выстроена иная, прозрачная реальность: там (якобы!) Золотой век, царство вечного бессмертия, бесконечный импульс жизни, упоение дионисийской, вакханальной радостью, опьяняющей рассудок и окрыляющей (якобы!) душу. В сумраке театрального зала занавес медленно раздвигается – и зрители, собравшиеся не только для того, чтобы смотреть действие, но дабы на краткие два-три часа стать причастниками постановочной жизни, где всё не только можно исправить, изменить, но где даже умершие герои оживают и по завершении спектакля выходят на поклон к зрителям под гром оваций. Эта сказочная, волшебная страна называется Театр.

Зрители, как и актёры, – тоже участники мистерии, обретающие участие в (якобы) жизни на театральных подмостках. Зрители пересекают границу между обыденным и сакральным, погружаясь в игру актёров, которая совершается на сцене.

Надо ли после всего сказанного о Театре ещё раз говорить, что дионисийские мистерии – путь в царство вечной смерти... и гибели души. Это путь красивого, но обмана; может быть, субъективно «искренней», но лжи, то есть самообмана. Он ведёт человеческие души в царство Диониса, Пана, Вакха, Либера – но это царство демонической власти. На церковном языке оно называется адом.

Ученик святого Иустина Философа Татиан в своей речи «Против эллинов» определил Театр очень недвусмысленно: наименовал «школой разврата». Лицедеи-актёры им названы при этом «обольстителями зрителей» и «наставниками всех пороков и страстей». И что здесь не соответствует действительности? Во все времена это действительно так. Иоанн Златоуст в «Толковании на евангелиста Матфея» ясно сказал, что изобретатель театрального искусства – сам диавол. Святитель Кирилл Иерусалимский в своём наставлении-речи к новообращённому говорит: «Не будь страстным любителем зрелищ, где увидишь непотребства лицедеев, производимые с оскорблением и всяким бесстыдством, и неистовые пляски женоподобных

мужей. Страсть к зрелищам есть дьявольская гордыня». Всероссийский пастырь праведный Иоанн Кронштадтский прямо утверждал, что «Театр и Церковь – противоположности».

Почему церковные каноны так строги к Театру и его служителям? Безусловно, это не зависть и не страх потерять власть над людьми, хотя именно так, как правило, историки-искусствоведы, чуждые Христианства и его духовных ценностей, трактуют отношение Христианства к Театру. На самом деле дело в другом: это битва за человеческие, бессмертные человеческие души. В самом начале книги было сказано, что исследование феномена Цифровизации приведёт читателя в... театр. Но всё-таки: где цифры и математика – и где театр и всё связанное с театром? И всё же между ними есть взаимосвязь, становящаяся в наше время всё более крепкой, – это *сеть*. И об этом, об этой сети сказано почти две тысячи лет тому назад: *«чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдёт на всех живущих по лицу земному»* (Лк. 21, 34-35). Когда в истории человечества так определённо звучало это сейчас обретшее столь исключительную важность слово *«сеть?»* Только сейчас, в XXI веке, всё человечество объято сетью – цифровой. То есть именно Цифровизация создала эту сеть, уже не только сделала её неотъемлемой частью жизни современного человека – и всего человечества, но посредством

сети создаёт глобальную псевдореальность, которая так точно соответствует шекспировскому: «Весь мир – театр!» Абсолютное большинство людей – в сети, вне зависимости от того, активирован или нет ваш мобильный телефон. Впрочем, это слишком очевидные вещи, чтобы их обсуждать.

Математика – мощный инструмент, с помощью которого люди замыслили пересечь границу, вернее упразднить её, всё подчинив материальному, а значит, измеряемому, то есть подвластному им, миру, где всё можно определить, проверить, рассчитать с помощью математики; всё можно посчитать, а значит, можно и конструировать, создавать из этих элементов счёта нужную, желаемую реальность. Так человечество, поклоняющееся Математике, открывало для себя, как представляется многим, бесконечное бытие – бесконечность, бессмертие материального, которому не только нет, но и не будет окончания и предела. И вот теперь, с помощью цифр, это – так думает в наше время немало людей – становится возможным. Но это... обман, совершающийся актом самообмана.

Связь между математикой и театром есть, и она заключается совсем не в подсчёте числа проданных билетов (и, соответственно, полученных денег) и не в определении степени заполненности зрительного зала (свидетельства популярности пьесы). Связь между математикой и Театром, хотя и не

линейна, но нерасторжима и существенна. Связь такова: и Математика, когда она мыслится самым главным в жизни человека (бывает и такое), и Театр, которому служат актёры, имеют перед собой цель: изменить мир. И более того: эта цель едина, хотя математический путь и путь театра видятся как будто методологически совершенно различными (в одной области – рации, в другой – эмоции, вернее, страсти).

Что это означает? То, что люди видят этот мир несовершенным и стремятся сделать его «совершенным» – на свой, разумеется, лад. И в том и в другом случае и математика, то есть учёные, и театр, то есть актёры, и вообще в широком смысле – люди искусства имеют своей целью достичь Золотой век, обрести счастье, полное благобытие. Нам в России это довольно легко понять, потому что долгие десятилетия народу предельно масштабно демонстрировался этот идеал, чудесная модель социалистического Золотого века – «светлое будущее», которое безусловно достижимо и непременно будет достигнуто – «героическим трудом всего советского народа». Этой идее было подчинено, по крайней мере в лозунгах, в СССР всё и вся: от опытов Мичурина и полётов в космос до советского искусства, прежде всего литературы и кино, которое не просто вышло из театра – оно в самом широком смысле никогда не переставало быть те-

атром. Бесконечное расширение технических возможностей, обеспечивших переход к цифровым технологиям в искусстве, преобразило всё: от стилистики актёрского мастерства и экспрессивных возможностей до безграничного охвата десятков, сотен миллионов людей. И более того: к настоящему времени очень многие сферы социальной (и не только) жизни обретают не черты, но суть театра. Это совсем не только все зрелищные виды искусства, спорта. Сейчас это прежде всего политика и всё, что связано с политикой. Однако политика, как явствует из собственно значения самого слова, – это построение, жизнь, функции и предназначение государства.

Что такое государство? Это универсальное, комплексное средство для достижения сверхцели. В христианских, будем говорить точнее, православных государствах – принцип власти, воплощавшийся в симфонии светской и духовной ветвей, осуществлялся для достижения именно сверхцели – и это спасение, путь бессмертных человеческих душ к вечной жизни. В иных системах государственности происходило и происходит совершенно иное. Там государство есть инструмент установления абсолютной власти – в обмен на социальные гарантии: над каждым человеком – и над всеми людьми, причём власти абсолютной (физическое принуждение – лишь низшая сту-

пень к абсолютной – «божественной» власти над телесами и душами подданных). Об этом отчётливо свидетельствуют как древность, империи языческого мира: Вавилон, Персия, Египет, Рим... так и современность, облёкшаяся в декорации демократии. Примеры можно расширить упоминанием восточных деспотий и деспотий Нового Света, равно как и диктатур азиатских государств XX века.

В чём же синтез, соприкосновение, единство таких совершенно разных сторон человеческой жизни, души – и рацио, науки, в своём тщеславном надмении провозгласившей, будто «человек – это звучит гордо!»? Математика в наше время предстаёт квинтэссенцией Науки, научного знания в неизмеримо большей степени, чем даже физика. В чём единство Науки и Театра? Математика – чистая, абсолютная абстракция физического и надфизического бытия, претендующая превосходить всякую реальность, объяснить её и управлять этой реальностью (к этому обожествляемая наука стремится по определению). Математика претендует на то, чтобы не только всё объяснить, но и предвидеть – а значит, и властвовать над всем! Математика стремится создать свой собственный мир; рацио решительно намеревается занять место Творца. Но это именно роль, то есть претензия, мечта и, говоря языком религии, – ложь.

Что говорит людям этой цивилизации Библия? «Иди и взвесь тяжесть огня, или измерь мне дуновение ветра, или возврати мне день, который прошёл... Если б я спросил у тебя, сколько обиталищ в сердце морском, или сколько источников в самом основании бездны, или сколько жил над твердью, или какие пределы у рая?..» (3 Езд. 4, 5-7)

Удивительно, что определённое как не столько невозможное, сколько запретное (именно «запретное» – sic!) знание («вычислить тяжесть огня», «измерить дуновение ветра», манипуляции со временем, подсчёт числа источников бездны и «жил над твердью») составляет реальность (мнимую) достижений современной науки. В конце концов, «жилы над твердью» – не слишком ли это напоминает самую модную на настоящий момент «теорию струн»? Остальные составляющие библейского перечня (анalogии из достижений XXI века) так же очевидны, как и упомянутое – «жилы – струны – над твердью».

На что претендует, к чему стремится Театр? Тоже к созданию иной реальности: мечты, мечты в истоках своих религиозной, которую не придумал, но усвоил, принял человек. Чтобы отчётливо видеть Театр, каков он есть во все времена, и ту «реальность», которую он созидает, посмотрим на театральное творчество предметно. И мы отчётливо увидим, что это псевдореальность. Наших, российских театральных

деятелей касаться не будем: они банально могут обидеться – и, конечно же, обидятся, обидятся смертельно (как правило, это сопровождается скандалами и интригами). Именно поэтому российских деятелей театрального искусства (драматический театр, кино, балет, опера) оставим в стороне. Иметь дело с лицедеями означает всегда вызывать огонь на себя, что не только не безопасно, но и, как правило, и в наши демократическо-толерантные времена смертельно опасно. И тем не менее...

Итак, Театр. Французский современный балет: Морис Бежар.

Морис Бежар писал о себе и своём творческом credo: «На поле сражения (sic!), которое я избрал для себя, – в жизни танца – я дал танцовщикам то, на что они имели право. Я ничего не оставил от женоподобного и салонного танцовщика. Я вернул лебедям их пол – пол Зевса, соблазнившего Леду».

Здесь нужно сделать пояснение. Миф сообщает: Зевс соблазнил Леду. А потом, превратившись в орла, утащил Ганимеда – вознёс юношу на Олимп и сделал его виночерпием богов. Виночерпий. Здесь очевидна связь с Вакхом, конечно, через Зевса. А как иначе? Итак, Бежар – это и Зевс с Ледой, и Зевс с необычайной красоты Ганимедом: то есть Бежар и его балет есть балет и женщин, но главное – балет мужчин, затмивших, заменивших на сцене (и не только) балерин.

XX век – век революций, и искусство не осталось в стороне. В 1959 году Морис Бежар ставит «Весну священную» – балет Стравинского, но с изменённым либретто. Сам хореограф так формулировал стилистику своей постановки: «...животы и выгнутые спины, тела, изломанные любовью»*. Для Бежара ключом к решению постановки стал, как он сам говорил, объясняя стилистику этого балета, документальный фильм об оленях – и собственно главный сюжет кино из жизни диких животных: спаривание оленей. Акт «оленного совокупления» явился ритмом, страстью, стержнем балета за авторством Мориса Бежара – гимна плодородию и эротизму. Хореограф представил само жертвоприношение как акт священного совокупления. Что это, если не мистерия Диониса, представленная публике на сценах европейских театров в 1959 году? Надо назвать вещи своими именами: всё творчество Мориса Бежара выражает дионисийскую мистику: «Вакханалия», «Болеро», «Дом священника» и так далее, и так далее.

В СССР Морису Бежару путь долгое время был закрыт по вполне понятным причинам. Во-первых,

---

* Нечестие всегда обличает себя, само выносит себе приговор. Любовь – созидает. Но в постановках Бежара действует та сила, которая «ломает» (тела и души). Это не любовь: ломает и губит – похоть.

Бежар в своём творчестве являл человеческие страсти не просто неудержимо, но вызывающе-бесстыдно, демонстративно и откровенно. Во-вторых, он столь же откровенно отождествлял две реальности, бывшие тогда, в СССР 60–70-х, одинаково запретными для простых советских смертных. Министр культуры Екатерина Фурцева так определила проблемную (для страны победившего Социализма) суть балетного искусства Мориса Бежара: «У Бежара только секс и Бог, а нам ни того ни другого не надо!» Приговор Фурцевой вызвал у Бежара искреннее удивление. Для хореографа это, по его словам, было «одно и то же». Участники дионисийских мистерий античных времён не только так думали; они были совершенно убеждены в том, исповедали это как свой символ веры, что это действительно «одно и то же». Майя Плисецкая, будучи в «теме»*, пишет о Бежаре: «Если Мефистофель существовал, то походил он на Бежара, думаю... Или Бежар на Мефистофеля». Очень точное замечание. У Мориса Бежара действительно дьявольское лицо, дьявольски холодные, колющие взглядом и иглами острых зрачков глаза...

---

* Характерно, что в закадровом тексте фильма «Легендарные выступления. Майя Плисецкая». ГТРК «Культура», 2007 мы слышим такие эпитеты в адрес знаменитой балерины и соратницы Бежара Майи: «полюс магии», «адская искра». Очень характерно.

Здесь уместно привести несколько цитат, высказываний Мориса Бежара, которые вполне выражают его *credo*.

«Мысль человека, куда бы она ни обратилась, повсюду встречает смерть».

«Смерть – это путь к сексу, смысл секса, радость секса. Эрос и Танатос!»

«Мне кажется, что чудовищный миг смерти – это наивысшее наслаждение».

«В жизни существует лишь два важных события: открытие секса (его всякий раз открываешь для себя заново) и приближение смерти. Всё остальное суэта».

Эти мысли, ощущения, мировоззрение, вера – не что иное, как предельно краткий конспект главных жизненных принципов, составленный всемирно знаменитым балетным дионисийцем XX века.

Одним из самых «вакхических» балетных спектаклей Бежара стал «Болеро» Равеля. Бежар начал воплощать «Болеро» относительно традиционно: главным действующим лицом была балерина – на гигантском алом *круглом* (*sic!*) столе; в сакральном окружении *сорока* (*sic!*) танцовщиков. Потом ведущую партию Бежар отдаст мужчине, своему любовнику – Хорхе Донну; вокруг него будет «священнодействовать» хоровод (тоже круг) из сорока девушек: Дионис и вакханки. В Москву, на сцену Кремлевского Дворца Съездов, Бежар привёз «Бо-

лери» с пламенным Октавио Стэнли и группой, состоящей уже поровну из юношей и девушек. Это было весьма и весьма эффектным зрелищем – для кремлёвского ареопага*, не говоря уже о рядовых советских любителях балета. В очередной приезд труппы Бежара в Москву была показана и самая смелая трактовка «Болеро». Юношу, танцующего на столе, окружают только мужчины. Финал постановки: экстагическое завершение танца, импульс неудержимой сексуальной энергии солиста завершается страстным, яростным порывом участников балета-мистерии – своеобразной, но очень ясно выраженной сценой сексуального жертвоприношения.

Если знать, хотя бы в общих чертах, историю стилистики европейского театра и эстрады, становится понятно, что «находка» Бежара есть не что иное, как банальный повтор, заимствование одного из сценических номеров (успешного у немецкой публики) едва ли не самой знаменитой актрисы III Рейха Ольги Чеховой. Одно из самых известных выступлений, неизменно вызывавшее восторг зрителей (в том числе и Гитлера, Геринга и Геббель-

---

* Немалую часть сего сообщества представляли «гладиаторы» (это понятие стало нарицательным для довольно большого слоя советской партийной и хозяйственной номенклатуры после известного дела 1965 года, главными фигурантами которого стал тогдашний министр культуры СССР – Г. Ф. Александров со товарищи).

са), – это эротический танец артистки, сценический костюм которой представляли только скромные лепестки блестящей мишурной ткани на «интересных» местах извивавшейся в экстатических па и кружениях артистки. Чехова исполняла танец на круглой стеклянной (наборной – из зеркальных секторов) площадке-сцене. Этот своеобразный подиум окружал кордебалет: колышущаяся свита полуголых одалисок, изображавших вожделение и простиравших руки к богине...

Надо честно сказать: по прошествии без малого ста лет эта «живая картинка» смотрится заурядной европейской пошлостью трудов и дней берлинских и парижских кабаре. Вряд ли «Болеро» в постановке Бежара будет иметь иную судьбу. Вернее, уже сейчас хламида некогда новизны бежаровской версии вакханалии вне зависимости от того, кто в ней солирует, расплзлась по швам, обнаруживая только страсть – и мастерство обольщения.

Но здесь обнаруживается лишь *libido* – и страсть обольщения. Сценическая «находка» Бежара на самом деле не что иное, как «переосмысленное» заимствование из эстрадного танцевального «номера» Ольги Чеховой, отплясывавшей на главных театральных площадках III Рейха. Тот же круглый подиум, только для Чеховой он был наборным – из стеклянных зеркальных панелей. Тот же «кордебалет» простирающих руки в «восторге-во-

ждедении» к солистке, извивающейся и потряхивающей своими телесами в экстатическом кружении. Бежар просто дал другую стилистику, сделав балетное решение сюжета за изначальным авторством русско-немецкой артистки по-настоящему зловещим и мистериальным.

Своим творчеством Бежар олицетворяет суть театра отнюдь не только XX века. Он предельно обнажил вакхическую, дионисийскую природу театрального искусства. XX век позволил ему сделать это откровенно, безудержно, бесстыдно. XXI столетие отбросило человечество в те времена, когда культ Диониса, погружение в безумие страстей мистически (и магически в религиозном ритуале-мистерии) переносит человека в иную реальность, границы которой некогда очерчивала сцена аттического театра, а ныне – во исполнение мечты Шекспира – весь мир устремился в апостасийный омут вакханалии плоти и содомических страстей.

Было бы наивно думать, что в балете как таковом Бежар явил какую-то особую, демоническую, дионисийскую философию этого сценического искусства танца. Ничего подобного. И в Мариинском до 1917-го (Кшесинская), и в Русских сезонах (Дягилев, Нижинский...), и в парижской Гранд-опера, и в Большом (эпохи нашего «кремлёвского сатира – дедушки Калинина»), и при Фурцевой (в конце концов, Нуриев приобрёл бежаровские

страсти в СССР, где «секса не было») – все театры во все времена и эпохи наполняли маленькие и большие «сатиры». Сакральная идеология сцены была неизменна в принципе: что в «Щелкунчике», что в «Красном маке», что в «Знамени Парижа», что в «Кармен»... Поскольку всё это Театр.

Для большей отчётливости укажем на советскую «Кармен-сюиту» в исполнении Плисецкой и Годунова. Особый магизм балетному действу сообщала сценическая декорация – огромная, до театральных небес, жуткая аспидно-чёрная «железная маска» с пустыми кровавыми провалами глазниц; маску венчали гигантские рога. И всё это на тревожном алом фоне жертвоприношения. Придумать бóльшую и более экспрессивную дьявольщину оказалось не под силу самому Бежару – при всей его безудержной страстности, демонизме характера и «свободе» Запада. Алый, пурпурно-алый фон, красные беззрачковые зияния глазниц дьявольской гигантской маски. И перед этим жутким «образом» – балетная мистерия «пятого элемента» в исполнении Майи Плисецкой и Александра Годунова. Конечно, Бежар летел в СССР на всех парусах...

«Весь мир – театр!» Что означают эти слова, этот призыв, этот клич? Есть тайна, которая очень понятна служителям театра. Она предельно проста – и ужасна. Людей делают причастными к этой тайне, погружая в мир страстей. Но, прежде чем по-

яснить, о чём речь, определимся в понятиях, иначе рассуждение на эту тему почти сразу станет напоминать «блуждание в трёх соснах».

Нас с детства, с юности приучали думать, что страсти, страстность – это хорошо, даже очень хорошо. Социалистический реализм где-то очень глубоко в своих недрах таит стержень романтизма, – естественно, социалистического романтизма. Романтизм – это путь в мир, где главенствуют, владычествуют страсти. Страсти, страстность человека – это, вопреки тому, чему нас учили из детства, очень плохо. Почему? – Потому что страсть есть искажённое, подвергшееся порче чувство. Через укоренение в душе человека какой-либо страсти (зависть, гордость, сребролюбие, похоть и так далее) в его сердце получает доступ зло, осуществляемое посредством греха. Великий светоч древнего монашества преподобный Иоанн Лествичник прямо, без обиняков говорит: «страсти – те же бесы». То есть: человек был создан чистым, безгрешным – и чувства его были чисты. Но грехопадение отразилось во всём; грех поразил и ум, и волю, и тело, и, конечно же, чувства. Так, любовь грех превратил в похоть, и страстная любовь приводит к тому, что человек, поработившийся страстью и порабощённый ею, преступает внутренний закон, совесть, простирается на недолжное, совершает преступления, губит и близких, и себя самого. Каждое чувство может обре-

сти порочность страсти. Обломов был очень страстным человеком: страсть к всеобъемлющей лени отняла у него силы, любовь, волю и в конце концов жизнь, потому что дни и ночи в полной праздности сделали её бесцельной, пустой – и бессмысленной. Искажённое чувство потребности в пище и питии превратило иных в чревоугодников и винопийц.

Смысл и суть Театра – лицедейство. Со временем, хотя и довольно скоро, это, то есть лицедейство, становится страстью. Люди предстают (и хотят, страстно хотят) быть не теми, кто они есть. Нечто совершенно противоположное максиме «Не казаться, а быть!». Театр – это осуществление принципа «Не быть, а казаться!»; это реторта, возгонка страстей. Принцип «Казаться, а не быть!» неизменно торжествует даже в отношении примеров или уроков советских театральных добродетелей (потому что иного по определению не дано). Данный принцип, применительно к театральным мизансценам о добродетелях, слишком напоминает предостережения апостола о том, как сатана стремится соблазнить и погубить человека. Для чего тёмная сила ухищряется предстать «ангелом света» (2 Кор. 11, 4)? Казаться пред теми, на кого он направляет свои чары обмана, в личине ангела света? Приведём здесь цитату в необходимой полноте, чтобы стало более понятным, как действуют тёмная сила и её клеветы (имеются в виду, конечно же,

лицедеи, то есть нравственные – читай: «безнравственные» – сатиры). В своём Втором послании к коринфянам апостол Павел пишет: *«...сам сатана принимает вид ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды»* (2 Кор. 21, 14-15). Иоанн Златоуст поясняет: *«И многих дьявол обольстил таким образом, то есть преобразуясь в ангела света, а не делаясь таковым»*.

И всё-таки: может быть, всё это было в прошлом? Может быть, советское театральное искусство – совсем, совсем другое? В одном из своих телевизионных интервью, данном российскому каналу НТВ, Леонид Куравлёв так определил основу актёрского ремесла: «Актёр – это между Богом и чёртом. Потому нас Церковь не хоронила до определённого времени на общем кладбище: мы немножко дьяволы». Что ж, очень правильное определение. Знаменитая Фаина Раневская под конец своей жизни сообщила на камеру (съёмки вошли в цикл «Острова» – выпуск, посвящённый Ф. Раневской): «Всё мешает работе... Господи, помоги не сойти с ума в этом клозете! Стыдно публики... Кончаю своё существование на помойке, то есть в театре...» При этом миловидная телеведущая советских культурных программ Анна Шилова тактично улыбалась, изображая пиетет и умиление молодой артистки перед гениальной актрисой...

Когда человек участвует в театральном действе в качестве актёра, происходит следующее: он, так сказать, перевоплощается. Мы хорошо знаем, что это означает с точки зрения духовной: одержимость – в самом точном смысле этого слова, вселение в человека, его душу, иной сущности. Сама идея по своему содержанию вполне демонична – и в смысле ментальном, и в смысле духовной реальности. Совсем не случайно эта идея в чисто религиозно-догматическом виде присутствует как один из основных постулатов веры в индуизме. И дело здесь не столько в установлении принципа дурной (с точки зрения Христианства) бесконечности, так как бесконечный круг реинкарнаций бесконечно отдаляет праведное воздаяние и упраздняет чрезвычайную степень личной ответственности за прожитую земную жизнь, которая человеку даруется Творцом однажды. Наша жизнь есть путь к вечному бытию, открывающемуся нам прохождением вратами смерти тела, становящейся настоящим порогом к той участи в вечности, которую мы сами исходатайствуем себе своими делами.

Учение о реинкарнации восходит к языческой религиозно-философской концепции атомизма, в свою очередь коренящейся в обожествлении материи. Если объективно и беспристрастно проанализировать марксизм, его идеологию, гнозис, идеологические корни, мы совершенно чётко увидим то, на чём

построена эта материалистическая вера в неизбежность абсолютного материального благополучия и довольства (хотя, по правде говоря, это слово здесь неуместно, так как человек по самой природе своей не может удовлетвориться собственно и исключительно материальным). Зловещий скелет марксизма, который убеждённые марксисты прятали и продолжают прятать в своём диалектически пыльном шкафу, – это не что иное, как религия, древняя религия обожествления материи. Неотъемлемая часть системы, появившаяся якобы за авторством Маркса – Энгельса – Ленина, – это Атомизм, то есть, говоря современным языком, Цифровизация.

Итак, мы наконец подошли к главному. Атомизм, религия материализма, Цифровизация не видят, не признают, отвергают в человеке душу. Что делает Театр? Почти то же самое, только иным путём, более страшным. Театр знает, что в человеке главное – душа. Театр заставляет отдать это самое главное – душу. В действительности это чаще всего происходит, увы, в формате продажи... Когда смотришь репетиции спектакля или съёмки игрового фильма, становится очень жаль, трагически жаль артистов – особенно когда ты их лично и хорошо знаешь и они талантливы, то есть жертвуют душевными силами, – нет! – гораздо страшнее: отдают свои души... Это поистине ужасно. Особенно в отношении наших, русских актёров.

И всё-таки надо называть вещи своими именами. Актёр «перевоплощается», становится другим человеком. Как? Адепты этого искусства будут говорить нам – увлечённо, с абсолютной убеждённостью, пафосно, иногда даже яростно, – что это «мастерство», что это «высочайшее искусство»; что Театр есть мастерская, лаборатория, где познаются глубины человеческой природы в её высшей, духовной, нравственной составляющей. Иными словами, что это «наше всё» – «нас возвышающий обман», без которого и жить нельзя, и человеческая цивилизация, её развитие невозможны. Они, в конце концов, будут даже говорить, что и Церковь – это тоже Театр...

В религиозной терминологии индуизма атомистский принцип реинкарнации распространяется на всю человеческую жизнь (пусть и в статусе «очередной»), подводит итог, обуславливает характер реинкарнации. В анимистических культах происходит именно то, о чём с восторгом говорят сотоварищи «гениальному» актёру, что мы и видим: перевоплощение, демоническое преобразование человека. Высшая похвала актёру из уст соратников по цеху такова: «На сцене он перевоплощался, становился другим человеком». Кстати, особенно отчётлив феномен «перевоплощения» (то есть одержимости) в шаманизме. Шаман в совершении ритуала, призывая духов, «перевоплощается». Духи – демоны

входят в его тело, овладевают его душой, призрачно делают его якобы другой сущностью... Настоящий, стопроцентный Театр. С декорациями, масками, костюмами, отлаженной постановочной частью, даже с либретто, песнями и плясками под бубен...

Кстати, современные рок-музыканты откровенно признают и культивируют шаманизм как настоящую суть самого феномена рок-музыки.

Мы уже упоминали о том, что, по Аристотелю, даже музыка – это не что иное, как цифры. Идея кажется странной для здравомыслящего человека: звучит странно, хотя, безусловно, если всё материальное можно, строго говоря, посчитать, то «счёту» подвластно и действие (волновое) материальной среды. Но всё материальное (тварное) восходит ко Творцу, свидетельствует о Нём. Это всегда непостижимая тайна, хотя мы все созерцаем откровение сей тайны на иконе Христа Спасителя, читая в крестчатом нимбе греческое – *ὁ ὄν*. Это слово означает «Сущий», то есть буквально: «имеющий бытие в самом Себе». Так именовали древние почитатели Единого Истинного Бога, Творца, Создателя, Промыслителя всего существующего, тварного.

По очевидной причине приходится делать некоторые отступления. Речь пойдёт о тех абсолютно необходимых и основополагающих истинах и реалиях подлинно духовной жизни человека (совершенно непреложных по своей сути), о которых,

как это ни странно, часто не имеют никакого представления ни большинство людей науки, ни, как это ни прискорбно, даже люди Церкви. Сейчас как раз время и место одному из таких отступлений, естественно, в связи с раскрытием темы, означенной в самом названии эссе.

Как известно, – по крайней мере, должно быть известно тем, кто занимается изучением религии, – для ветхозаветных иудеев сакральным именованнием Божества являлась священная тетраграмма; в огласовке она звучала (с поправкой на русский) «Иегова», в переводе с иврита – «Сущий», то есть «Имеющий бытие в самом Себе». На греческом это $\acute{\omicron} \acute{\omega} \nu$. Поскольку Христианство, Православие мы приняли от греков, и на древнерусских, русских, современных иконах Христа и Богородицы сакральные надписания ($\acute{\omicron} \acute{\omega} \nu$ – соответственно Сущий и $\mu\upsilon\tau\eta\rho \Theta\epsilon\upsilon$ – Матерь Божия) – всегда на греческом. На иконах святых надписания, как правило, на церковнославянском: вероятно и даже наверное, вследствие того, что диптих русских святых уже в древности был довольно многочислен.

В библейской древности Закон Моисеев повелевал всем правоверным иудеям, мужчинам, трижды в год (это служило прикровенным пророчеством о временах, когда каждый обретёт во Христе ведение Единого Божества, в Троице славимого) притекать к стенам Соломонова Храма, дабы приять Божие

благословение. Благословение сонму верующих в Сущего преподавал иудейский первосвященник, возглашая имя Бога, – и так благословение почивало на Его достоянии, народе Божиим. Но прозвучавшее слово оставалось сокровенным: его покрывал звук священных труб, в которые в это время громогласно трубили левиты. Кроме того, до Христа собственно звучание сакрального имени пребывало тайной: тетраграмма, как и все слова на иврите, письменно передавалась буквами, означавшими только согласные звуки. Священство в иудаизме было наследственным; тайну звучания имени Божия первосвященник передавал своему сыну – преемнику служения.

Что всё это означает? Предвечное Слово, Божественный Логос, Сын Божий должен был придти, воплотиться – дабы Благая весть зазвучала явственно. Но и до этого Оно исполняло силой и благодатью уста пророков; пророки – это и есть священные серебряные трубы левитов, и приточно, в символах, и в очень ясных пророчествах возвещавшие, но и сохранявшие тайну пришествия в мир Христа.

Слово – это смысл, значение. Трубы древнего иудейского ритуала благословения – это «музыка»; скажем так, чтобы было более понятно современному человеку, привыкшему жить в материальном. Пойдём дальше. Что для нас музыка? Ноты. Прав-

да, не все с этим согласны: например, ленинградский композитор Леонид Ковальчук, несомненно, талантливый композитор и исполнитель; настолько талантливый, что большинство современников воспринимали его как полусумасшедшего-полуюродивого – и ничтоже сумняшеся пользовались талантом, получали произведения буквально за гроши или вообще, как говорится, туне. Первоначальный вариант произведения, сложившегося в душе, воображении композитора, всегда звучал как экспромт, что, как правило, ввергало заказчика в шок. По крайней мере, нот при этом не было и в помине. Было чистое творчество – музыка, музицирование Леонида Ковальчука. В конце концов экспромты Ковальчука превращались в музыкальные произведения, пусть и прозвучавшие изначально чистым импульсом творческого замысла, и лишь потом становились записанными в нотах, в музыкальных символах-цифрах, накрепко притороченных к негнущимся жердям нотных станов на бумаге, в записи, а потом и воспроизводимые, осмысливаемые дирижёром и оркестрантами.

Итак, что же такое ноты? Ясно, что ноты похожи, очень похожи на цифры. Современная общепринятая концепция записи музыки придумана, как известно, монахом-бенедиктинцем Гвидо Аретино в начале XI века. Процессы, шедшие в Западной Церкви, отразились и в храмовой музыке, то есть

в церковном пении. Обусловившая их возникновение идея вмещалась всего лишь в два слова, да и то одно из них было служебным, соединительным союзом: это *Filio + que = Filioque*. Надо сказать, гениальный ход и осуществление диверсии вселенского масштаба, по сравнению с которой даже троянский конь греков – просто детский лепет. До Гвидо церковное пение (музыка) существовало в невматической системе. *Nevma* (lat.) – «звук», «намёк»; *νευμα* (греч.) – «движение головы», «движение глаз». Эта система – основа нашего русского (древнерусским назвать его будет всё-таки не совсем правильно) крюкового пения.

В основе нёвменного, знаменного (крюковая нотация) пения, в отличие от системы Гвидо Аретино, которой пользуются сейчас повсеместно, лежит не точная расстановка звуков по высоте, длительности, силе звучания (что есть фактически математическая схема), а нечто принципиально иное: движение голоса. Пение по своей природе – тайна, но её можно понять, хотя это и не лёгкое дело. В одном из богословских трактатов я прочёл определение, которое меня полностью удовлетворило: «Почему люди поют и что есть песнь? Песнь есть гармонически выраженное устремление словесной души... Сила такового устремления именно та, что позволяет говорить: человек ценит вожделируемое более себя, более собственного покоя, превыше достоя-

ния, чести, наконец, превыше собственной жизни – и тогда он поёт...

Когда человек «поёт», когда сильным, искренним движением сердца побуждаем он к такой словесной жертве – тогда вода человеческого благодарения обретается благоволением Божиим, вином подлинной и богоугодной жертвы»*.

Знаменное (храмовое) пение как продолжение византийской традиции пения невмического – это пение, которое в принципе невозможно перевести в «цифру». У этой певческой системы другая природа: знамена («крюки») означают совсем не то, что содержится, вложено в ноты за авторством Гвидо Аретино. Знаменное церковное пение на Руси возникло как песнь, именно как песнь: из голосовых попевок, каждая из которых имела чёткую смысловую, духовную коннотацию, отражая прежде всего и главным образом молитвенное движение молящейся души. Вот почему это пение невозможно математически описать: это реальная духовная жизнь. То есть пение – это движение человеческой души, голоса, устремлённое к непреходящему, к Богу. Движение есть признак жизни. Зерно идеи, которую воплотил в своей нотной системе Гвидо Аретинский, в определённом смыс-

---

* О Песни песней // О началах Премудрости. Монах Иаков. М., 2000. С. 269–270.

ле кардинально отлично от невменного пения. Он «умертвил» пение, чтобы облегчить жизнь себе и – певцам. Но это лишь внешняя сторона такого музыкального «прогресса». Настоящий смысл той революции в музыке поистине страшен, он заключается даже не столько в том, что пение превращалось в музыкальный конструктор, а в том, что отныне одни и те же музыкальные символы (ноты) в равной степени можно было слагать не только во славу Бога, Отечества, предков, красоты этого мира, но совсем, совсем с иной целью... Иными словами, говоря образно, но при этом предельно точно: нотная система Гвидо Аретино – это «прямая перспектива» в музыке.

Жизнь – даже как чисто биологический процесс – тоже описывается учёными лишь косвенно. Каждая попытка неизменно будет лишь фиксацией следов жизни, даже в случае выстраивания схем, которые якобы могут сами по себе созидать. Бесконечная научная гонка вослед... Она продолжается даже не века, её летопись «свершений» куда больше. И эти попытки всё опасней – уже не от века к веку и не от десятилетия к десятилетию, – сейчас это глобальный процесс, стремительно приближающий вселенскую катастрофу. Все мы воочию видим движение стран и народов по дороге, построенной цивилизацией, отвергающей Творца, и усилиями многих превращённой в

скоростное шоссе, по которому стремительно и со всё большим ускорением уже не катится, а летит мир (как нас всё время уверяют, к Прогрессу – на самом деле, похоже, к Апокалипсису). И это скоростное шоссе – Цифровизация.

Вернёмся к феномену пения по нотам и по «знаменам», чтобы закрепить, надеюсь, усвоенное. Вся суть музыкальной революции, которую замыслил, а затем и совершил Гвидо Аретино (XI век), заключалась в том, что отныне, во-первых, пение чрезвычайно упрощалось, петь в храме становилось легко. При известном профессионализме можно было даже петь, думая совсем об ином, мирском, даже о чуждом вере и Бога. В это трудно поверить, но это, благодаря Гвидо Аретино и его последователям – в том числе и у нас, на русской почве, – самая обыденная реальность. Если читатель хотя бы в какой-то степени причастен к пению, профессиональному пению, певческому искусству, ему будет достаточно побывать на спевке хора, в принципе, любой церкви, где на клиросе поют профессиональные, но неверующие певцы. Всё сразу станет понятно.

Сделаем некоторое отступление. Прочитруем Сергея Нилуса, оставившего путевые заметки о посещении им Сарова и Дивеева – впечатления от строгого, монашеского, непривычного для уха мирянина знаменного пения. «Поначалу, пока

прислушаешься, слух, привыкший к италианизированному пению в городских церквах, даже как будто оскорбляется непривычной суровой монотонностью гармонии, странностью ритма. Но это только сначала, а затем так проникаешься этим истинно монашеским бесстрастным пением, что слова молитвы и напев соединяются в стройное гармоническое пение, не рассеивая, а, напротив, сосредотачивая молитвенное внимание на самом духе слов молитвы»^{*}.

Есть некоторое обстоятельство, на которое никак не обращают внимание. Это обстоятельство заключается в следующем: все светские музыкальные произведения предполагают в качестве неотъемлемого, обязательного и необходимого условия новизну. Мелодия, ритм, стилистика должны если не поражать, то безусловно приковывать внимание. И при этом нет ничего более стабильного (и во временной перспективе успешного), чем народные песни. Не правда ли, странно, что именно народные песни, в которых всё неизменно на протяжении столетий, где каждая попевка не просто известна и привычна, но даже гораздо более, – именно народные песни так дороги нашему сердцу?

---

^{*} С. Нилус. Поездка в Саровский пустынь // От Соловков до Святой Земли. Паломнические очерки русских писателей. М.: Артос-Медиа, 2012. С. 358.

Есть ещё более выразительные примеры – они из жизни сакральной, из области веры. Самое неизменное – это богослужение и, в частности, богослужебное пение. И вот что удивительно: при всей неизменности этой стороны жизни правильное церковное пение почему-то не только не надоедает, но это и невозможно – так же, как мы не тяготимся неизменно повторяющимся процессом дыхания. Почему? И почему в театрах, на эстраде, в опере такая ситуация в принципе невозможна? Ответ очень, предельно прост. Дело в том, что настоящая жизнь наскучить не может. Скучная жизнь – у Курцвейла & Со. Скучной жизнь становится, когда она «ненастоящая», а это означает только одно: греховная. Всё очень просто и по определению неизменно – вне зависимости от взглядов и привычек курцвейлов и прочих экстрим-цифровизаторов. То есть мы опять, в очередной раз приходим к выводу, и он объективен: Театр – это «ненастоящая» жизнь. А если жизнь ненастоящая, то это, собственно, и не жизнь... Следы, подтверждающие и иллюстрирующие намерения окончательно установить именно такую направленность цивилизационного движения, неоспоримы. И в намерениях, и в целях адепты Цифровизации и Театра едины, хотя большинству это покажется парадоксальным.

Система нотного пения – это самая настоящая цифровая система, а цифры с одинаковым результатом служат и добру, и злу.

В наше время чрезвычайную известность и успех в музыкальной карьере приобрёл китайский композитор и дирижёр Тан Дун. Этот человек в своём творчестве (и в своей жизненной философии) воплощает известный принцип синтоизма. Для Тан Дуна музыка есть инструмент магии, сама магия. Здесь нелишним будет напомнить, что в китайском языке понятия «музыка» и «магия» – это одно слово, один иероглиф. Характерно, что Тан Дун, начав свою сознательную жизнь в родном селении в качестве музыканта-шамана, таковым остаётся и за дирижёрским пультом лучших оркестров мира. Когда юный Тан Дун сказал своей матери о намерении стать профессиональным музыкантом, то в ответ услышал: «Ты с ума сошёл! Будь шаманом! Шаманы больше зарабатывают, чем всякие бетховены!»

Как музыкант, получивший отличное образование, Тан Дун глубоко изучил европейскую систему музыки (для ясности и краткости так означим огромное наследие и плоды музыкальной революции Гвидо Аретино). Суждение китайского композитора имеет самое непосредственное отношение к нашей теме и позволяет глубже понять предмет. «Это древняя шаманская традиция: у каждого звука есть душа. У западной музыки есть своя традиция, давно и тщательно разработанная: полная запись. Отлаженные за много веков алгоритмы звучания. Это гигантская система. Одно из величайших до-

стижений западной цивилизации. Я называю эту систему хроматической. Хроматическая структура гармонии, мелодии, ритма, метра... – на этом всё строится. Восточная музыка живёт по древним заветам Лао Цзы. Когда мне исполнилось сорок, я стал размышлять: как бы их объединить в одну*. Для меня любая музыка сверхэмоциональна и одновременно имеет магическую силу древних ритуалов. Бах стал звуком, Бах стал нотами, Бах стал партитурой, Бах перестал быть Бахом... Мир есть моё зеркало – то, о чём говорил Будда (и, как понимаем, А. Скрябин. – п. П.). Музыка (то есть магия. – п. П.) может заставить Будду и Иисуса пожать друг другу руки»**.

Ранее был процитирован академик Раушенбах. Замечательна по своей глубине мысль, высказанная отечественным физиком и математиком как своего рода итог его научных трудов и размышлений. Ещё раз напомним это научное и жизненное наблюдение учёного: «В науке, я имею в виду точные науки, нет понятия совести. В гуманитарных есть; у математики – нет. Она „нейтральна“ абсолютно. Ма-

---

*Заметим: краеугольная идея Древнего Китая – осуществить единение (привести мир к единству). Однако эта же идея краеугольна и для Запада. Именно она воплощена в главном и трансцендентальном в Католичестве религиозном принципе – догмате Filioque.

** «Энигма», ТК «Культура», эфир от 05.12.2019.

тематикой с равным успехом может пользоваться и разбойник, и хороший человек. В общественных науках – там не всё равно, кто действует: святой человек или дьявол. А математике – всё равно: всё равно дважды два – четыре. Нравственность – это понятие, которого нет в точных науках: ни в математике, ни в физике... Наука находится в ужасном положении. Во главе стоят доллары... А идеологическое прикрытие, журналистскую болтовню за те же доллары „прекрасно“ журналисты исполняют.

Страну жалко до полусмерти...»*

Мы привели слова Бориса Раушенбаха в должной полноте, а именно: с репликой о главенстве денег. Это крайне важно. Но о том – в другой главе.

Знаменное пение удивительно, оно необъяснимо свободно: так же, как свободна молитва, потому что это пение и есть молитва. Молитву невозможно оцифровать, разложить на атомы, рассчитать вдоль и поперёк, лишить жизни. Хотя, надо заметить, в далёкой земле счастливых (так они думают) «амеров», которая лежит «за тридевять земель, за морем-окияном», по историческим меркам совсем недавно, в 2015 году, была создана протестантская «электронная Церковь». Создана эта, так сказать, «Церковь» в американском Эдеме электроники – Кремниевой долине. Основатель «электронной

---

* Док. фильм «Я выбрал жизнь». 2001.

веры», которую он назвал «Путь Будущего» (Way of the Future), – Энтони Левандовски, инженер-электроник сначала Google, потом Uber. В «Церкви», именуемой «Путём Будущего», – «оцифрованные» «молитва», «служба», «служитель», даже оцифрованное «Божество». Гигантский шаг к мечте руководителя российского Сбера и авторов Концепции «Москва. Умный город – 2030».

«Хроматическая система» – «полная запись» (не только музыки, – всего) является осуществлением принципа математики и вообще «точных наук», который отметил академик Раушенбах, – отсутствие доминанты нравственности, то есть категории добра как такового. Цифровизаторы намерены проецировать и воплотить этот принцип абсолютно на всё и во всём. Промежуточным и важнейшим пунктом осуществления такого замысла тотальной Цифровизации должен стать человек-животное, человек-машина.

Здесь невозможно не упомянуть о другом цифровизаторе почти наших дней – о российском, крайнем революционере в искусстве, прежде всего, конечно же, музыкальном. Это композитор Александр Скрябин. Он превзошёл даже Бежара...

Но прежде, чем мы пойдём дальше, должно заметить, что процесс Цифровизации имеет, помимо объективной мотивации, и мотивацию личностную. Есть люди, которые страстно, неудержимо – и при

этом с холодным расчётом – стремятся сделать мир цифровым. И именно их субъективная мотивация является главным фактором в осуществлении Цифровизации – тотальной, абсолютной и всеобъемлющей. Стремление разложить всё и вся (и даже, как видим в мечтах идейных цифровизаторов, всех, то есть самоё природу человека) на понятные элементы, научиться манипулировать (то есть «считать») ими – и наконец-то построить «этот чудный, дивный мир Светлого Будущего» есть их решительное намерение упразднить то, что академик Борис Раушенбах, рассуждая об упомянутой специфике точных наук и, в частности, математики, назвал нравственностью, – то есть упразднить совесть, а это означает не что иное, как упразднение Бога, о чём пророчески писал в своих романах и статьях «Дневника писателя» Достоевский.

Если посмотреть с этой стороны на адептов Цифровизации, мы увидим, что все они прошли стадию освобождения от совести, которая всегда изнутри, сокровенно, с неумолимой беспристрастностью осуждает творящего беззаконие. В своё время об этом довольно пространно вещал своим единомышленникам Гитлер, призывая их встать на путь «освобождения от химеры совести» – и указать тем самым путь человечеству, и повести по нему. Формально, по факту, мы видим, что процесс «освобождения от химеры совести» заключается в

совершении тех поступков, которые в Христианстве называются грехом, смертными грехами. Иначе человек не может быть принят в правленческую когорту Цифровизации, как бы талантлив он ни был.

На Западе всё это узаконено, процесс Цифровизации-расчеловечения идёт полным ходом.

У нас в России, слава Богу, есть те, кто вполне понимает суть происходящего.

Слава Богу...

Пожалуй, эту главу будет уместно завершить стихотворением на заданную тему — его сложил мой друг, весьма изрядный в мире российского кино человек.

*Мне неуютно в цифромире,
Ведь всё в нём как-то по-другому,
И словно я в чужой квартире,
Забыв пути к родному дому.
В общении душ — сплошные пробки,
Нам шлют без запаха цветы,
А вместо струн стрекочут кнопки;
По мозгу долбят «гад-же-ты»!
Какое ж будет тут здоровье
Без ясных мыслей в голове;
И цифровое поголовье
Пойдёт по умершей траве...*

Цифры – Деньги – Власть

В обозрении путей Цифровизации как явления мировой истории было сказано о вавилонском этапе – важнейшем и во многом на самом деле главном этапе бытия той части человечества, которая и пошла этой стезёй, дорóгой Цифровизации. Именно тогда был избран вектор, характеризующий направление движения, доставившего нас к банковским кредитным картам, мобильной цифровой связи, телевидению, навигационным спутниковым системам и прочая, прочая, прочая. Именно в Вавилоне была установлена незыблемая связь цифр, денег и власти. Всё последующее время и все последующие времена эта власть всё крепла и крепла беспримерными усилиями обладателей земель, племён, государств, стремившихся к обладанию миром.

Что такое деньги? Об этом исписаны многие тома, однако при том тщательно соблюдался и соблюдается баланс дозволенной и специальной

информации, дабы люди, абсолютное большинство людей, оставались вне той системы знаний (в данном случае речь о финансовой системе, установленной в мире отнюдь не стихийно), которая доставляет возможность понять, что вообще происходит с нами, с человечеством, то есть: куда мы движемся или, точнее, куда нас ведут. Деньги – это абстракция, универсальный метод и инструмент управления всеми аспектами жизни и частной, и общественной. Деньги – это обратная (но при всей условности признанная важнейшей) сторона всего вещественного, всего того, что можно посчитать и, соответственно, чем можно владеть. А это уже особая сфера – область власти... и цифр.

Самым наглядным примером сути денег служат ещё сохранившиеся в некоторых примитивных культурах системы соотношений объёма имущественных владений и собственно денег (как бы экстравагантно эти «деньги» ни выглядели: например, особого вида ракушки у некоторых племён Океании). Однако со всем этим надо разобраться, так как общепринятая концепция финансов за авторством Карла Маркса, мягко говоря, не является истинной. И то, что она принята правительствами, исповедующими якобы совершенно различные идеологии (и даже как будто принципиально противоположные, противоборствующие идеологии),

работает повсеместно (потому что к этому население и экономики стран банально принуждены), ничуть не делает её верной.

Смысл тотальной Цифровизации – тотальная, единая в масштабах всей планеты власть. То, что такая работа ведётся системно, планомерно, этап за этапом, по всем направлениям, на сегодняшний день есть констатация очевидного факта. До недавнего времени власть прочно ассоциировалась с деньгами. Многие считают такую модель власти вообще единственно возможной и в принципе неизменной. Они ошибаются: во-первых, вследствие того, что так их учили и научили, – и они усвоили это как непререкаемую истину; во-вторых, вследствие незнания сути, природы власти, то есть по причине своего маловерия или вообще неверия (речь идёт о том, какое место в жизни человека занимает религия – и есть ли ей вообще место в жизни). Напомним: говоря о религии, мы имеем в виду Христианство как оно есть – Православие. Когда будет необходимо что-либо уточнить или пояснить из области других верований, информационные экскурсии внесут должную конкретику в предмет настоящих изысканий.

Что по этому поводу говорит Церковь? То, что власть, собственно власть – от Бога (Рим. 13, 1-2). Предельно кратко об истинном смысле апостоль-

ских слов было сказано ранее. Нет ничего глупее, чем ассоциировать деньги и Бога. Хотя справедливости ради следует заметить, что довольно многие именно это и делают, то есть живут ради денег. Так было всегда, по крайней мере, известное апостольское речение именно на это и указывает (Фил. 3, 19-20). В конце концов, не о той ли печальной реальности повествует Священное Писание, повествуя о народе, между прочем, «божием», который, стоило пророку Моисею оставить единоплеменников на краткое время, чтобы взойти, к духовному благу того же самого народа, на вершину Синая, говорит, что тут же ветхозаветные люди отлили золотого тельца и поклонились идолу. И теперь эта вера запечатлена в банкнотах зелёного цвета: In God We Trust.

Некогда Карл Маркс в сообществе с Фридрихом Энгельсом придумал историю о «прибавочной стоимости» – основе финансовой системы и денег как таковых. В то время известный и заслуженно авторитетный австрийский эконом Ойген фон Бём-Баверк не оставил камня на камне от концепции-изобретения, так сказать, гениев социальной справедливости. Но кто об этом знает? И почему экономистов во всём мире учат «делать деньги» по системе марксизма? Ответ прост, он опять же в евангельской непреложной парадигме: «...по делам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Так мы

безошибочно узнаём, что абсолютное большинство тех, кто правит в наши дни племенами и народами, кто стоит во главе государств, — марксисты. Иногда этих людей именуют троцкистами — и справедливо (судя по их делам, а не словам обещаний и лозунгам деклараций...). Что же пояснил Бём-Баверк? То именно, что реальная ценность чего-либо материального (а это выражается в денежном эквиваленте) субъективна, то есть ценность предмета, данности, отношений, знаний полностью зависит от нашего к тому отношения: ценность такова, каковой мы, каждый из нас, её оцениваем. Как видим, ничего нового: мера (и цена) всех вещей — всегда человек.

Кстати, и мера власти, единица власти — тоже человек. И он бесценен. Но как тогда получить над ним власть? Есть два пути. Один — путь Истины, которая «сильнее всего» (2 Ездр. 4, 35). Правда, об этом очень многие не хотят и слышать, но это ничего не меняет — и не может изменить по сути. В своё время именно это: «Истина — сильнее всего!» — услышал от пророка Даниила персидский царь Дарий, захотевший узнать: что сильнее всего? Сильнее даже власти самодержца древней мировой империи, которого подданные чтили в достоинстве живого божества.

Другая тропа, стезя блужданий — ложь. Ложь даже не заслуживает именованья пути, так как

представляет собой многие виды заблуждений. Впрочем, незачем долго рассуждать и о первом, и о втором: всё каждый из нас прекрасно знает по собственному опыту и многожды подтверждал и подтверждает это знание собственными делами. Каждому из нас предлежит таковое делание до конца дней: различать добро и зло, избирать правую стезю – и идти по ней. После чего непременно последует воздаяние: то, что мы искали – и совершали в жизни, и составит наше бытие в вечности. Ибо «Истина сильнее всего».

Цифровизация и деньги. Где точка пересечения? В известном смысле современная цивилизация отождествила эти понятия: деньги и цифры. Ну и что? Такой вопрос напрашивается сам собой. Но разве наши дни не дают ответ? Как часто сегодня мы слышим термины с определением «цифровой»? «Цифровые деньги», «цифровой рубль», «цифровая валюта», «цифровой счёт»... Является ли только возможностью введение тотальной условно денежной цифровизации? Или всё это действительно будет, произойдёт – усилиями и диктатурой цифровизаторов? Представим такую ситуацию: с цифровой карточки или цифрового счёта гражданина без его ведома по какой-то причине сняты цифровые деньги или вообще вся сумма. Возможно ли такое? Вполне. Сейчас это либо криминальная история, либо банковская

ошибка*. Так пока обстоит дело у нас в России и в большинстве прочих стран. Но в Поднебесной дело обстоит по-иному. Там государство сделало большой шаг в направлении осуществления тотальной власти над населением, и Цифровизации отведена в продвижении проекта построения китайского «светлого будущего» ключевая роль.

Однако и этот путь не является какой-то сокровенной тайной: он в должной для нас полноте очерчен в последней книге Евангелия – Откровении Иоанна Богослова (13, 16-17). Представим себе: с цифрового счёта человека государство стирает – в цифровую эпоху, и это время, судя по всему, уже не за горами – все «деньги». Вообще-то уже сейчас их, собственно денег – банкнот, монет – почти нет: в большинстве случаев работают только цифры, которые обозначают монеты и банкноты, лучше сказать: символизируют возможности обмена. И что? Понятное дело, что просто так эти операции не могут проводиться. Они будут осуществляться в случае неподчинения государству. Всё банально просто: один и тот же принцип во всех исторических формациях,

---

* Правды ради следует признать, что «иная реальность» достигает уже в наши дни тех, кого по старинке всё ещё почитают неприкасаемыми. В отношении кого-то из сильных мира сего введены санкции: были – и вот в мгновение ока нет яхты, особняка, завода...

кроме... – кроме формации, которая неизменна на всём протяжении человеческой истории. И это людям, не принадлежащим к данной формации, видится неотъемлемым парадоксом.

Что это за формация? Её наименование чудно! Потому что она, её суть, определяется не материальным, не договором, не экономикой, а верой, точнее Тем, с Кем эта вера нас, людей, соединяет. Эта вневременная, вненациональная, внеконкурентная формация – Церковь. Экономисты полагают, так их научили, что в бытии человеческих сообществ есть всего лишь несколько форм приобретения материальных благ, эквивалентом которых *de facto* являются (признаются) деньги: это самообеспечение, обмен*, отъём и попрошайничество. Классическая схема. Но она ущербна. То есть при всей кажущейся неоспоримости неверна. Дело в том, что так, в перечисленных пунктах экономики, описывается бытие порочного мира. Подобно тому, как если бы нормой признавались патология и болезнь по той только причине, что бóльшая часть населения земли, увы, подпадает в разряд этих категорий: патологии и болезни. Заметим по ходу дела: преобразователи

---

* Всё это известно с очень давних времён. Иоанн Златоуст в своих «Беседах на псалмы» замечает: «Продажа есть обмен». «Беседа 12 на псалом 43», п. 7. Там же Златоуст изъясняет и теорию субъективной стоимости товаров (заметим, очень задолго до Бём-Баверка).

России, утилизовавшие СССР, провозгласили как величайшее благо для населения сокрушённой страны введение принципа многоукладной экономики. Значит, в России, ставшей демократической, стал узаконен и отъём? И разве это не происходило в «святых» (по Наине Ельциной) 90-х и не происходит поныне?

Основа человеческих сообществ – семья. И в какой нормальной семье мы видим обмен, или отъём, или попрошайничество? Ответ очень простой, и он предельно очевиден: ни в какой. Сама действительность служит объективным подтверждением истинности данного нам порядка жизни. Семьи, где составляются брачные контракты с изначальным определением долей в процентах имущественного владения между супругами, – это nonsense. Однако таковой nonsense возведён в непререкаемый закон... Печально, но факт. Так чисто экономическим способом легко реализуется идея Маркса, троцкистов в СССР 20–30-х годов XX века – и современных цифровизаторов. Становится понятна довольно простая механика властительства (она всегда была «простой»), тотальной и абсолютной власти, которую в наше время стремятся осуществить посредством Цифровизации.

Людей всегда, во все времена заботил очень важный аспект жизни: собственность. Право частной собственности до сих пор кажется боль-

шинству определяющим едва ли не все на свете – и в их жизни, жизни общества, жизни государства. И в этой сакральной области существует ещё более сакральная реальность: деньги, а это в наш век прогресса и грядущей тотальной Цифровизации – цифры и числа фактически в чистом виде. Вопрос, поставленный в самом названии главы, которой в эти минуты занят читатель, очень и очень важен. Цифры – Деньги – Власть. В чём заключается связь между данными понятиями? Какова она? И для чего существует, сконструирована эта цепочка мыслящихся нерасторжимыми звеньев?

К настоящему времени мы достигли следующих результатов: собственность, частная собственность, сейчас, в 2022 году, это вывеска для простаков. Сейчас никакой частной собственности в мире нет – ни в США, ни в РФ, ни в Китае. Даже если на кого-либо записан какой-либо актив, и не важно, квартира ли это, завод, дом, фирма, очень просто сделать так, что в течение дня ваша собственность будет уже не ваша. Для этого и создана финансовая система. Не может быть? Да неужто? Просто посмотрите, как сейчас лишают священной собственности российских олигархов за рубежом. Нажатие кнопки – и нет у тебя «Челси»; нет яхты; нет виллы... Как номинально назначаются персоны быть обладателями

собственности, так же номинально происходят и обратные процессы. Но это техника, технология.

Если почитать умные книжки про финансы, мы узнаем, что существуют (установлены) шесть основных функций финансов, то есть денег. Но всё это «обёртки», тоже установленные и узаконенные. Власть над финансами – это власть перераспределять всё (всё без исключения!), все активы субъектов (людей). Этот механизм власти и управления не зависит от должности и знаков на погонах. Есть очень точный критерий определения: является ли человек представителем, членом номенклатуры власти финансовой. Это способность (допуск) менять правила финансовой игры в том числе и в реальном времени, по вводным. Именно по такой технологии (вводные и исполнители) идёт захват всё новых и новых территорий – и народов, то есть государств.

Итак: главная (и единственная) функция финансов – перераспределение материальных благ. А это, в свою очередь, инструмент управления людьми, то есть власти. Цифровизация придала этому механизму способность действовать очень быстро, фактически мгновенно – притом, что доступ к механизму финансовой цифровизации принадлежит даже не государству, не говоря уже об абстрактно частных, якобы независимых богатых лицах, как это было в XIX веке, – в довольно об-

ширном (но не определявшем собственно финансовую систему) слое промышленников, купцов и предпринимателей.

В Новом Завете есть очень точное определение: «сребролюбие – корень всех зол» (1 Тим. 6, 20). Это имеет самое непосредственное отношение к нашему предмету: Деньги – Власть – Цифры, звенья одной цепи. Согласно Евангелию, это зловещая цепь рабства, которая, если человек будет скован ею и не освободится от уз, сделает его рабом греха и вечной смерти. Воспользуемся здесь церковными словами, дабы назвать вещи своими именами. Сказанное без малого два тысячелетия тому назад апостолом Павлом отнюдь не потеряло своей силы и истинности. Умные люди говорят, что человек проверяется деньгами и (или) властью. Эта известная житейская истина поможет нам в уяснении очень важных реалий.

Заметим: с точки зрения грамматики существительное «деньги» относится к категории неисчисляемых. Лингвистическая семантика упомянутого слова очень хорошо иллюстрирует противоестественность денег по самой их, так сказать, природе. Неисчисляемое существительное оказалось самым исчисляемым из всех исчисляемых. Как так? Сейчас поясним. Вернее, пояснит случай, происшедший, как передаёт народная молва, в декабре 2019 года в Москве.

* * *

Самый главный строитель храма Христа Спасителя... преставился. Не пугайтесь, читатель: во-первых, это история со счастливым концом – для приступающего к ознакомлению с сей краткой повестью-притчей (раз читаете, значит, живы!); а во-вторых, мы все в своё – одному Богу известное – время это переживём. Именно переживём: данный глагол как нельзя лучше и точнее определяет подлежащее всем нам, человекам, – переход из области жизни временной, земной, где так много (так только кажется) значат цифры и числа (скажем уж совсем откровенно: деньги), к жизни вечной, где цифры (то бишь деньги) вообще ничего не значат, – там их просто нет.

Итак, преставился во время оно (как помним, совсем недавно: в конце 2019 года) очень большой для всех нас не скажу – человек, скажу – чиновник. Богатый гроб с телом, утопая в цветах, стоит там, где ему и положено стоять: то ли в Колонном зале Дома Союзов, то ли в траурном зале Троекуровского кладбища, то ли в Зале прощаний на Новодевичьем. Но это, впрочем, и не важно, потому что случай, как мы понимаем, вовсе не единичный. И, без всякого сомнения, очень похожие ситуации происходили, да и будут происходить, не однажды; надо полагать, с неизбежной регулярностью – пока стоит этот грешный, очень грешный мир, то

есть покуда есть, существуют... деньги. Специфику заметили ещё древние обитатели Вечного города и сложили соответствующее присловие: *Sic transit gloria mundi!*.. Это житейско-философское наблюдение и сейчас, в наше время чрезмерно цифрового прогресса, действительно везде; в Москве оно действительно тоже.

Итак, продолжим рассказ. Преставился важный чиновник. Здесь, на земле, всё идёт своим чередом: гроб, цветы – много, очень много цветов; скорбные родственники, прощальные речи сослуживцев, ответственных товарищей, со товарищей... А между тем душа преставившегося идёт тоже своим путём, а именно: в направлении рая. Подходит, значит, душа к райским вратам – высоким, до неба. Вот они, врата! Сияющие отблеском удивительного света, так что каждому сразу понятно: именно за этими вратами и есть настоящее Светлое будущее, и каждому без всяких пояснений как-то сразу становится ясно, что слышанные им когда-то рассказы в школе и лекции в вузе о «светлом будущем Социализма», непременно во временной и якобы непреложно логической проекциях перетекающем в «светлое будущее Коммунизма», равно как и картинки «светлого будущего рыночной экономики» и все прочие – разнообразные в теории, но однотипные по сути – картинки и чертежи на тему «светлого будущего абсолют-

ного материального благополучия-довольства», суть банальная агитация, попросту обман. Это понимают здесь (теперь даже знают – наверное!) все стоящие в огромной, без конца и края очереди, тянущейся от грешных юдолей земных ко святым вратам рая.

И что же? Идёт душа новопреставленного, идёт уверенно и смело, с решительностью, выработанной за многие годы нахождения сначала на важных, потом на очень важных земных должностях. Идёт – невзирая на очередь, хотя родом она, эта душа, из СССР, а в той самой справедливой земной формации (так нас учили), где очередь – это святое, так как ведёт (вела – sic!) ко святому святых, то бишь к очередному материальному благу. В конце концов та конечная очередь Социализма должна была привести (каждого и всех – sic!) к бесконечному материальному благополучию (нас тоже этому учили).

Но сейчас эта человеческая, чиновничья душа идёт (о, ужас!) вне очереди, так сказать, демократически попирая все приличия, и начинает громко и даже властно (ещё раз «о ужас!») стучать в райские врата, требуя, чтобы их ей отворили – немедленно! Очередь, смиренно и благоговейно предстоявшая вратам рая, замерла...

Вдруг с непостижимой высоты Небес, куда уходили величественные врата Эдема, – с Небес,

в один миг ставших такими близкими, раздался глас:

– Вы что здесь безобразничаете? Почему шумите?! Вы кто такой?

Это Архангел, со времени утери людьми рая охраняющий вожделенные врата, остановил неразумную дерзость (ставшую привычной по последней земной должности) самоуверенной души новопреставленного.

Состоялся, как говорится, диалог.

– Я... (прозвучало фио)! Мне здесь зарезервировано место!

– Как-как?

ФИО прозвучало вновь.

– Подождите. Сейчас уточним.

Водворилась напряжённая тишина, потому что все в очереди ждали. Все – кроме только что стучавшей и требовавшей души. Она просто была уверена... в светлом будущем – для себя. И вот что удивительно: там, в высоте, откуда прозвучал голос Архангела, тишина была совсем не напряжённая, а благоговейно-торжественная – и в то же время исполненная спокойствия, мира. Напряжённой тишина была у подножия врат, на земле...

Через какое-то время (время ещё существовало и существует по эту сторону ограды рая) послышался звук, очень похожий и на пение, и на торжественный, невыразимо торжественный аккорд

священных ангельских труб, видимо, предваривший миг, когда оконце светёлки – удивительно красивой какой-то неземной красотой башенки, венчавшей врата рая, открылось и послышался глас Архангела, прозвучавший как гром с ясного неба (впрочем, это можно было и не уточнять: в раю и, соответственно, над райскими вратами всегда – ясное небо):

– Вас в списках нет!

Очередь буквально замерла. Послышался вздох – мало сказать сочувствующий, как будто отзвук, как далёкое, но явственное эхо, тихого смирения, смиренного сострадания. Какая-то маленькая, невзрачная, даже тщедушная старушка пожалела душу, услышавшую приговор (себе!).

«Господи Милостивый!..» – всего-то и прошептали почти неслышно (но услышали все) старческие уста.

Из другого края очереди донеслось: «Не повезло!» – это уж точно пробормотал (но тоже все слышали) вполголоса, грубым баритоном, так диссонантно заметным после вдоха-молитвы старушки, какой-то маловерующий.

Надо заметить, что духовный закон о том, что рано или поздно всё тайное становится явным, здесь, у врат рая действует очень быстро и явственно, не так, как на земле. Впрочем, и на земле этот закон исполняется столь же неотвратно, только

суетность земных попечений, наше собственное неразумие и, чего уж греха таить, наше маловерие мешают осознавать: всё, что от Бога, совершается в своё время – не раньше и не позже. Здесь же, у врат рая, понимать это нам уже ничто не мешает, всё су-етное и преходящее – позади...

Вполне возможно, и сердобольная старушка, и тот маловерный со своим «не повезло» – так лишь подумали: каждый о своём – но и о той дерзкой и совсем не благоразумной (надо ведь понимать, где находишься!) душе. Просто здесь всё тайное (и сокровенное) мгновенно становится явным. И это тоже – по благодати Судии: здесь, на подходе, в очереди, ещё можно (ещё есть время) покаяться...

Вдруг в высоты башен врат и Небес раздалось повелительное:

– Гражданин! Пропустите старушку!

«Гражданин», без всякого сомнения, относилось к дерзкой душе, на которую и так очередь, кажется, до единого человека, то есть до единой души, смотрела во все глаза. «Гражданин» было произнесено строго, но без гнева и с каким-то достоинством истинности, говоря по-земному, очень справедливо – со властью, которой нельзя, невозможно не подчиниться.

«Пропустите старушку!» прозвучало тоже строго (однако всё-таки как-то по-иному, нежели

«гражданин»), с какой-то странной, неуловимо сердечной интонацией, можно даже сказать, с нотками сыновьей, что ли, теплоты. Это, понятное дело, превосходит всякую логику и даже всякую реальность (где старушка – и где Архангел...). Но сказать именно таким словом о прозвучавшем тогда с высоты райских врат будет самым правильным, каким это ни покажется странным тем, кто в такой очереди не бывал и, может быть, пока ещё не представляет себе, что очередь эта реально есть и что ему непременно, как и всем нам, придётся в ней очутиться.

Вдруг та невзрачная, худенькая старушка оказалась впереди всей очереди, впереди и той дерзкой чиновничьей души, только что требовавшей себе «зарезервированного» места в раю Божиим, – оказалась прямо пред воротами... которых сейчас и не было, был струящийся безграничный всеобъемлющий свет, как будто приявший ту маленькую сердобольную старушку... В этот свет она, словно поддерживаемая под руки кем-то невидимым, и вошла.

Сколько это продолжалось, сказать было невозможно, но всё произошло на глазах бесчисленного сонма душ, ставших на мгновения свершившегося чуда милосердия Божия, из «очереди», пусть даже пред воротами рая, свидетелями Его благодати – приятия в кровы Эдема смиренной

и доброй (не о себе и не для себя...) человеческой души. Врата затворились... И всё множество душ, чающих хотя бы самого последнего, самого дальнего уголка рая, опять видели перед собой только неодолимую крепость райских врат, возвышающихся до Небес...

Передаю, что слышал, как говорится: хотите верьте, хотите нет. Но на том языке, на котором души просили, надеялись и молились пред райскими вратами, это звучало бы совершенно по-иному: «Вольному – воля, спасённому – рай!»

«А что же дерзкая чиновничья душа?» – спросит читатель.

Признаюсь, чуть не забыл про неё; мне как-то ближе та старушка. Но что было, то было. Расскажу, чем для новопреставленного большого человека, прошу прощения, чиновника, окончилось дело. Предваряя, замечу: урок получился для всех в очереди, да и не только для тех душ, что были тогда в очереди, весьма и весьма поучительный.

Что было дальше? А вот что. Душа чиновничья – увы! – так ничего и не поняла. Она и после старушки не смирилась, стала доказывать, что «это ошибка», что «этого не может быть», что «заявка на её вселение в рай и бронь „зарезервированного“ номера в Эдеме (она так и говорила Архангелу: „зарезервированного на моё имя номера“), вероятно, затерялась».

Диалог случился презанимательный.

– Вы лучше посмотрите! Этого не может быть! Я знаю, что заявка на моё вселение была отправлена вовремя и бронь точно оформлялась! Да вы знаете, что я – Я построил храм Христа Спасителя! Вы понимаете, что Я напрямую звоню Патриарху?! Я главный благотворитель! (Говоря это, он не понимал, был не способен осознать, что для него возможность напрямую – или даже не напрямую – позвонить Патриарху или кому-либо уже в безвозвратном прошлом.)

– Мы уточним. – И окошко надвратной светёлки затворилось где-то в вышине Небес.

– Уточните! Перепроверьте! – Только и успела вдогонку, по направлению к уже закрывшемуся оконцу, крикнуть чиновничья душа.

Архангела не было долго, очень долго. Наконец небесный вестник возвестил, назвав по имени-отчеству искателя резервного vip-места в раю:

– Юрий Михайлович! Ваш вопрос очень сложный, потому рассмотрен на самом высоком уровне. Принято решение: вернуть вам деньги...

Post scriptum: А зачем теперь они ей, этой неразумной душе?

Справедливости ради должен сказать, что историю эту я слышал потом не однажды, – и каждый раз в её финале звучали разные имена-отчества. Сначала я не придавал этому обстоятельству

особого значения. Мало ли какие бывают случаи на белом свете. Но потом, однажды, в очередной раз услышав новое имя-отчество главного героя, вдруг понял, в чём дело. Это вовсе не ошибка; это просто означает, что таких случаев много. Мне не только представляется возможным, но сейчас я даже уверен в том, что и тогда, когда произошло событие, переданное в истории попытки обретения душой преставившегося большого чиновника «зарезервированного» места в раю, — даже тогда! — очередь слышала разные имена-отчества. Почему? Потому что там — уже другое бытие и многомерные пространства (о которых так любят размышлять и рассуждать здесь, на земле, иные математики) уже просто реальность. Так что один, тот, что рассказал историю, услышал, что Архангел произнёс: «Юрий Михайлович». Другому явственно донеслось: «Борис Абрамович»; третьему — «Владимир Иосифович»... Я почему-то уверен, что именно так, и никак иначе, и было — и даже иного и не могло быть.

Более того: кто-то из стоявших (и, слава Богу, ещё не у самых врат) в той потусторонней очереди услышал из уст Архангела... своё имя-отчество. И ещё скажу: надо постараться, очень, чтобы ни читающий (сейчас) эту страницу, ни пишущий эти строки в таковой ситуации, а она будет (рано или поздно), не услышал своё имя-отчество...

* * *

Сейчас мы понимаем, что речь, по сути, о двух сторонах одной медали. Власть — существование, относится к категории «неисчисляемых». И это очень важная характеристика, потому что настоящая власть, власть как таковая — всегда и непременно «от Бога». А деньги — самое «исчисляемое» из всех исчисляемых существительных; деньги, вообще-то, изначально и по природе своей — это цифры. Не более, но и не менее. Вот мы и добрались до самого главного, образно говоря, вступили на мостик, соединяющий природно несоединяемое: деньги (Христос был продан за деньги — тридцать сребреников) и власть (её невозможно приобрести неправдой и уж тем более купить, хотя многие пытаются и даже совершают, — как им кажется, с выгодой для себя — сделку).

Мы привыкли осознавать власть как категорию принуждения — это кардинальная ошибка, проистекающая из неверного представления о природе власти. Константа сакральна: «Вся власть — от Бога». Бог есть Источник всякого блага и Раздаятель всех благ. Мы так и именуем Его: Благий. Неужели современному человеку так трудно понять, что мы, люди, вверяем себя, передаём себя во власть только тому, кого любим? Чувство любви может быть направлено исключительно на личность, а этим достоинством лич-

ностного бытия обладают лишь Творец – в полноте и человек – как созданный по образу и подобию Божества. Власть – оборотная сторона любви, которая связует силой непреложного закона и властвующего, и подчиняющегося. В противном случае будет уже не власть, а насилие – во внешней форме властительства.

Что мы имеем в нашем случае: внедрение тотальной Цифровизации? Попытку всеми современными средствами и технологиями сделать человека машиной (мечта Ламетри и не только), а потом, в идеале, цифровой матрицей. Зачем? Потому что только так, и никак иначе, можно установить тотальную власть над миром. Цифровой человек будет полностью подчинён математике, он будет даже не жить – только «функционировать» по математическим законам, и, как помним, математика не знает иных законов (имеется в виду нравственных), кроме математических. Для математики нравственность, совесть и даже власть как таковая (настоящая власть – власть, которая «от Бога»), иными словами, всё то, что отличает и характеризует нас как людей, просто не существует, не может существовать. Всё будет заменено Математикой (об этом и грезят цифровизаторы), её формулами и уравнениями – как высшей, абсолютной и неизменной законностью, которую отныне невозможно будет нарушить в принципе, пото-

му что мир станет цифровым. Как может нарушить математический закон математическая матрица, по старинке всё ещё именуемая «человеком»?

Сформулируем это предельно кратко. Власть над личностью – по определению только во власти Бога: она, личность, создана по Его образу и подобию. Значит? Значит, надо «отменить» в человеке личность, сделать его машиной, а ещё лучше – цифровым, цифровым аватаром...

С математическим, тотально математическим будущим, кажется, всё должно быть понятно и самым непонятливым. Хотя... Хотя вся наша так называемая Новейшая история есть непрерывная череда воспроизведений эпизода из жития одного из подвижников Египетской Фиваиды. Этот взвешивающий урок содержит наследие патристики – собрание мудрых изречений, назидательных примеров из жизни святых отцов Древней Церкви IV–V веков. На одно из христианских селений напали разбойники пустыни: грабёж и убийства начались на окраине, там неистовствовали бедуины. Старец спросил обитателей, почему они не спасаются, хотя вести о грабежах, пожарах, насилии уже достигли тех, кто пребывал в относительном отдалении, на другом краю селения. И что же он услышал? «До нас ещё далеко...» Люди продолжали веселиться и праздновать, как будто находились в абсолютной безопасности, как будто не ря-

дом, только в некотором отдалении, происходили и убийства, и грабежи...

Что же Театр? По сути, та же самая цель, что прописана в математической модели футурологов, однако для достижения избран другой метод. В математическом мире всё заменят цифры; в театральном – всё наполнится неистовством страстей. Хаос, но упорядоченный хаос... Математическая модель упорядоченного хаоса как основа нового миропорядка – «гениальное» открытие Анри Пуанкаре... И как вовремя оно произошло! Не правда ли? А перед этим такую модель выстраивал Карл Маркс. И разве не о том концепция рыночного саморегулирования экономики? Вам это ни о чём не говорит? Математика и Театр объединяются? Вы всё ещё не усматриваете в увлекательных, ужасающих, невообразимо эффектных кинофантазиях ведущих режиссёров Голливуда (игровое кино) и поддерживающих серьёзность темы работах документалистов об «эффекте крыльев бабочки» конструирование театрально-цифровой модели такого «светлого будущего», по сравнению с которым концлагеря III Рейха, Социализм как явление мировой истории и даже человеческий «скотный двор», описанный Оруэллом, покажутся прелюдией и наивными страшилками? Или «до нас ещё далеко»?

Вообще-то, не далеко, совсем не далеко...

В Цифровизации и в деньгах нет души. Это совершенно понятно во всех смыслах такового утверждения. История математики, структура управления людьми в развитии важнейшего института власти – имеется в виду государство – всё это о том, как осуществить кардинальную идею: установить, наконец, в мире порядок. Но Театр? Разве возможно говорить так о Театре, возвышенном и возвышающем искусстве? Возможно и даже необходимо, потому что Театр – это якобы «возвышающий (якобы – sic!) нас обман». Осталось понять простую вещь: обман не может возвысить, он даёт мимолётное впечатление прикосновения к чему-то возвышенному, чудесному, иному... Но это обман, как бы ни было горько потом признаваться в том самому себе. Вот почему церковные каноны так принципиально строги к тотальной системе лицедейства – Театру.

Притчевая форма усвоения непреложных истин людям необходима – как метод усвоения, обучения и повторения главной парадигмы бытия человеческой души, сердца, ума. Она очень проста – и существует с сотворения мира, вернее, с тех пор, как люди утратили рай; она заключается в том, что добро всегда побеждает зло. Даже в Библии есть Книга притчей.

Когда мы выходим из возраста детства, а потом и юности, нам становятся не нужны подпорки

из сказок-притчей-спектаклей; начинается настоящая жизнь, к которой мы должны быть уже подготовлены в том числе и уроками, усвоенными ранее: через сказки, потом сказания, потом мудрость праотеческую. Если же этого наследия нет, если мы – как поколение пионерии и комсомола – были лишены этого богатства, а значит, и не усвоили его, потому что и не могли усвоить, тогда нам надо проделать этот путь – как бы вдогонку, потому что по летам мы должны быть совершенны разумом, но увы!.. Однако такая картина ещё благостна. А если многие, очень многие в своём детстве были лишены этого правильного, сказочно-притчевого, подтверждаемого примером родителей, воспитания? Что тогда? Тогда и возникает необходимость в годах изрядных проходить азы благочестия в той форме, которую они способны воспринять. Принимать «твёрдую пищу» могут только духовно усовершенствовавшиеся (1 Кор. 3, 2).

А если мы по возрасту телесному изрядны – и весьма, но в духовном отношении сущие младенцы? Тогда хотя бы на ходулях и подпорках (эти «ходули» и «подпорки» – всё что угодно: повести и романы – и, конечно, «театр») мы хоть как-то будем способны идти вперёд, подкрепляя себя млеком (даже в каком-то смысле псевдодуховным), – потому что по-иному воспринять должное просто неспособны.

Но это общая канва, так сказать, правило. Однако сколько в жизни – и с нами, и вообще

со всеми – случается «исключений». И всё случающееся (по правилам и в кажущемся опровержении правил) свидетельствует прежде всего о милости и мудрости Божией, безусловно превышающих, превосходящих Закон. Исключения, конечно же, подтверждают общее правило – но потом, в своей очерёдности, действия Промысла Творца. И вот о чём здесь непременно должно сказать: всё самое доброе Бог творит с нами через людей, через человека. Скольких спасло, исторгло из глубины отчаяния простое, но ставшее действенным слово: сочувствия, сострадания, просто доброты...

Бог всем хочет спастись. Он не пресёк жизнь блудницы, разбойника; не затворил дверь покаяния отрешемуся трижды... Иногда обращение происходит в один миг – и совершенно неожиданно. Так это произошло с Ардалионом, Геласием, Порфирием – актёрами, многожды кощунствовавшими на сцене, осмеивавшими Христа, но неизреченной милостью Христовой ставшими однажды, ценой своей жизни, исповедниками Божественной Истины.

Что мы видим сейчас? Человечество, оскудевшее благодатью и ведением, впавшее в детство... Это у нас в России. За её пределами всё гораздо, гораздо хуже. Именно поэтому потребно и возможно для таковых – очень и очень многих снисхождение, но деятельное. Часто видим людей, кото-

рые по своему телесному возрасту должны быть выше, гораздо выше театрально-приточных уроков о благочестии; но им приходится давать «мягкую пищу», ибо в духовном смысле они существе «младенцы», да к тому же уже приобретшие греховные навыки и представления... Вот здесь и уместны, образно говоря, «пещные действия» и подобные приточные назидательные уроки «веры и благочестия».

Высшая и важнейшая добродетель – это благоразумие. Благоразумие доставляет нам верное суждение о нужных средствах и мере пособий. Именно благоразумие помогает человеку достичь правильной цели своей жизни. Без благоразумия это невозможно. Без благоразумия невозможно безбедно пройти меж Сциллой воюющих на душу страстей и Харибдой смертельных опасностей и злоумышлений врагов – явных и тайных.

Меж Сциллой и Харибдой

Из всего сказанного может создаться впечатление, что выхода нет. Что процесс не остановить, что он будет продолжаться и продолжаться, пока наконец не наступит – «как тать в нощи» час воздаяния каждому по делам его. Ситуация напоминает классический цугцванг, то есть дальше будет только хуже. И самое затруднительное: нет альтернативы, то есть абсолютное большинство плывёт по течению, или, что ещё хуже, – «в тренде».

Мы пришли к этому не сегодня и не вчера.

В эпистолярном наследии епископа Игнатия (Брянчанинова) есть строки, касающиеся нашего предмета – и нашего времени.

«Мой сборщик, умный монах, лет 50-ти, возвратился с Кавказа и с приволжских губерний. На Кавказе принят был очень радушно, но насобирал мало по причине оскудения страны от неурожаев, а паче по причине общего и быстрого охлаждения народа к Церкви. Ему говорили мои знакомые: „Только три

года Владыка от нас, а ему не узнать бы теперь народа, так он переменялся“. В Саратове Преосвященный подписал книгу для сбора на месяц. После этого сборщик был принят только в два дома, в каждом дали ему по 15 копеек серебром. Между тем в городе строился огромный театр, как бы некий кафедральный собор. Приезжающие сюда богомольцы из других губерний сказывают, что монастыри, содержащиеся подаяниями, приходят в крайний упадок по причине изменения, последовавшего в направлении всего народа. Живём в век быстрейшего прогресса...»

16 декабря 1864 г.

Через год с небольшим он напишет: «Религия вообще в народе падает. Нигилизм проникает в мещанское общество, откуда недалеко и до крестьян. Во множестве крестьян явилось решительное равнодушие к Церкви, явилось страшное нравственное расстройство. Подрядчики, соседи здешнего монастыря, единогласно жалуются на утрату совести в мастеровых. Преуспеяние во всём этом идёт с необыкновенною быстротою...»

18 февраля 1866 г.

Несколькими годами ранее тот же архиерей общал своему собрату епископу Дмитровскому Леониду: «В настоящее время совершаю путешествие по западной половине моей Епархии – по Черно-

морию, не так растленному, как другие места. Но и сюда проникло европейское просвещение с блудом своим, а о казённых крестьянах и говорить нечего. Чиновники у них голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет? По всей вероятности, такие кончившие курс в университетах вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа...»*

«...Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит Христианству и вступает в отношения к нему самые враждебные...»**

В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова (Библия), сказано: «Кто прикасается к смоле, тот очернится» (Сир. 13, 1). Предметный материал, из которого строит свою жизнь Театр, – это человеческие страсти (грехи). И как можно в таком случае не «очерниться»? Никак. Абсолютно. Что и происходит в реальной жизни. Рано или поздно, если солома и огонь будут рядом, случится пожар.

Когда я подъезжаю по 2-й Брестской улице к Садовому кольцу, как правило, приходится чуть постоять на последнем светофоре. Взгляд всегда

---

* Собрание писем Святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского. М. – СПб., 1995. С. 65.

** Там же. С. 57.

упирается в огромную серую стену известного московского театра с очень выразительным названием, слагающимся из двух слов: «ТЕАТР» и «САТИРЫ». Слова выполнены люминесцентными трубками, вечером они ярко (и для кого-то призывно) светятся. Но поскольку слова разных размеров и шрифтов и расположены на разных уровнях высоты, прочитываются они раздельно. Есть «театр», и, понятное дело, есть в этом театре «сатиры». Почему-то возникает ощущение, что одно слово пропущено и что оно обязательно должно быть здесь по смыслу, то есть: «театр», далее пропущенное слово «осторожно!» и пояснение – «САТИРЫ!». Когда с Садового нужно попасть на 1-ю Брестскую, проезжаешь вдоль этой театральной стены плача (жуткие маски дополняют эффект, создаваемый грязно-серой фактурой камня). Стену-простыню предваряет галерея огромных фотографий этих самых «сатиров». Фото чёрно-белые («ч/б»), в стилистике Голливуда продолжающейся эпохи Хичкока. Жуткое зрелище...

В Москве есть ещё одна выразительная иллюстрация на ту же тему. Это оформление театра на Трубной площади, Московского театра – «Школы современной пьесы». На фронтоне – лицо так называемой «Школы»: аспидно-чёрная композиция аспидно-чёрных «аггелов», серпасто-молоткастых падших ангелов. У «ангелов» из «Школы современной пьесы» звериные лица «эффиопов»; в руках «аг-

гелов» скрещённые серп и молот... Вывеска очень ясно, без слов, демонстрирует, чему в этой «Школе» учат актёров – и зрителей.

О мистериальной сущности Театра было сказано довольно, и тем не менее: есть ли что-то в нашей современности, что ярко, недвусмысленно, самым очевидным образом служило бы иллюстрацией этого утверждения? Был упомянут Морис Бежар. Но есть другой пример, который по силе выразительности и откровенности, пожалуй, почти беспрецедентен. Это творчество и, говоря конкретно, особое произведение российского композитора Александра Скрябина – его «Мистерия», по сравнению с которой даже «Дьявольские трели» Тартини представляются всего лишь экзерсисом итальянского скрипача-композитора, который отнюдь не в сонном забытии продал свою душу дьяволу – в обмен на обладание произведением, получившим столь нетривиальное название.

Музыковеды регулярно обращаются к творчеству Скрябина – незаурядного, даже слишком незаурядного композитора. Дело не в том, что 2022 год является юбилейным: Александр Скрябин родился в 1872 году, сто пятьдесят лет тому назад. Интерес к музыкальному наследию Скрябина определяется, конечно же, не значимостью дат.

Скрябин замыслил не просто стать вершителем судеб мира; он страстно возжелал завершить

историю этого мира, перевести его в иное, по его представлениям, «идеальное» состояние. Методом и инструментом такого деяния должна была стать его «Мистерия» – грандиозное произведение, которое просто не с чем сравнить. Свою «Мистерию» Скрябин мыслил как синтез всех искусств: музыки, театра, поэзии, танца, архитектуры – вообще всего, даже света и даже всего человеческого – и даже всего человечества! По замыслу композитора, «Мистерия» должна была не просто открыть новую эпоху в истории, а кардинально преобразить мир: раз и навсегда! Это безмерно превосходило даже мечту Шекспира: «Весь мир – театр!»

В своё время о Скрябине, его музыке, его замысле, его «вере» очень точное и объективное суждение дал А. Ф. Лосев. Философ увидел в Скрябине выразителя духа богоборческого времени, приближавшихся колоссальных потрясений. Размышления известнейшего русского философа послужат для нас надёжным пособием в оценке «Мистерии» с точки зрения как театрального искусства, так и Цифровизации. «Только самостоятельность и божественность «Я», о котором мечтает новая Европа, уничтожившая религию и Церковь, только все эти переливы метафизического и гносеологического индивидуализма делают понятным Скрябина и его невероятную философию», – так писал об этом композиторе Лосев.

По Скрябину, «Мистерия» должна была стать актом дематериализации мира как творения – через кульминацию синтеза «всего», «священную последнюю пляску», «всемирное радение», вспышку «эротического и оргиастического» действия, которое магически и всецело упразднит этот мир, даст ему совершенно иное метафизическое бытие. Скрябин придавал исключительное значение ритму; для него ритм был важнейшим содержанием музыки – как выражение её магического начала. Он так считал, это было его глубочайшим убеждением: «Магия – это ритм... Вся магия основана на ритмах, основные магические приёмы, например, гипноз – это не что иное, как специальное воздействие разнообразных ритмов. Музыка, хранящая в себе неисчерпаемые возможности ритмики, она есть тем самым – самая сильная, самая действенная магия, только магия утончённая, изменённая, которая ведёт не к таким грубым результатам, как сон или гипноз, а к конструированию определённых утончённых состояний психики, которые могут быть самыми разнообразными».

Благодаря биографическим запискам Сабанеева, довольно тесно общавшегося с Александром Скрябиным, всякий интересующийся личностью и творчеством этого композитора имеет в своём распоряжении основательный пласт наблюдений, позволяющий получить отчётливое представле-

ние, каковы были убеждения и личность человека, занимающего в плеяде европейских музыкальных деятелей особое место. Сам Скрябин считал, что вся его жизнь, всё его сочинительство были только прелюдией, лишь подготовкой к Мистерии, его «Мистерии». Дело в том, что Скрябин создавал посредством музыки новую религию. Хотя правильнее будет сказать: музыка служила для него объединяющим началом всех прочих искусств и вообще «всего», главенствующей стихией того синкретического вселенского театрального действия – «Мистерии», которое и должно было реализовать мечту.

Христа Скрябин ненавидел. По его глубокому убеждению, Христианство – это «вырождение, дегенеративный потомок того, что было раньше, когда в культе была настоящая магия». Если расшифровать эту несколько невнятную фразу композитора, то станет ясно, к чему были направлены его устремления: он страстно желал возвращения дионисийской культуры и экстаза мистериальных празднеств в честь языческого божества плодородия и стихийных сил природы. Скрябин вознамерился совершить – раз и навсегда! – то, что символизировал ритуал, многожды повторявшийся ежегодно в языческой древности. Его мечтой было сделать цель радений – наконец-то – непреходящей, вечной реальностью.

«Музыкой можно вызвать гипноз, и транс, и экстаз. А чем, собственно, действует, например, заклин-

вание? Только магией ритмов... Музыка есть звуковое заклинание...» Пройдёт время, и эта цитата из скрябиновских рассуждений буквально воплотится в Imagine с припевом-заклинанием «Let it be» – в программной песне Beatles, рок-группы «всех времён и народов». Этот рефрен, формула созидания в библейском описании дней творения, используется оккультистами с очень древних времён именно как заклинание. Так что Скрябин отнюдь не новатор на поприще магии, ритмов и заклинаний, хотя он и мыслил себя абсолютным первооткрывателем – первооткрывателем не только музыкальных сфер и надмирных чудес.

В соответствии со своей концепцией музыки Скрябин создавал и новую гармонию; сам композитор называл её «астральной», в отличие от классической, которую он несколько презрительно именовал «земной». Астральной гармонии Скрябин уготовал особую роль: именно астральная гармония должна была активировать процесс дематериализации – уничтожить и преобразовать мир, Вселенную, человека.

* * *

Как известно, древние и средневековые мистики утверждали, что звуковая гармония выражает идею (и даже природу) пространства. Здесь уместно напомнить о продолжателях таковой идеи натурфи-

лософии, труждавшихся на поприще рок-музыки. Сделаем некое отступление, дадим пояснение, которое поможет более отчётливо понять, какому явлению вознамерился положить основание Скрябин. Речь пойдёт про обложку знаменитого среди поклонников рока 70-х диска Pink Floyd с символическим и многозначительным названием *Dark side of the Moon* («Тёмная сторона Луны»). Между прочим, дизайн обложки для альбома разрабатывала группа *Hypnosis* («Гипноз»). На внешней, лицевой стороне обложки изобразительно воспроизведён эксперимент Ньютона: разложение светового луча в спектральный ряд. Но есть один нюанс: в спектре поляризованного света отсутствует фиолетовый цвет, он заменён мутной светло-серой полосой. Казалось бы, незаметная, малозначительная деталь. Но не всё так просто. На внутренней стороне раскрывающейся в книжку обложки – синусоида биения человеческого сердца, наложенная на своеобразный нотный стан: ленту полос цветов радуги, в спектре которой тоже отсутствует (изъята) полоса фиолетового цвета. Почему так? По какой причине и зачем это сделано?

В раннехристианском искусстве (речь идёт прежде всего об иконографии, религиозной символике цветов) этот цвет означал покаяние. Мы говорим о цвете, который в английском языке имеет значение почти термина: *magenta*. Как прилагательное это

слово переводится на русский несинонимичными лексемами, а именно: «пурпурный», «малиновый», «фиолетовый», «сиреневый». И это тоже необычно. Диапазон цветовых оттенков перевода даже может показаться странным: он слишком широк. Но вот что интересно: цвет magenta находится в совершенно определённом пространстве диапазона: между голубым и красным. Другими словами, между самой короткой и самой длинной световыми волнами, что весьма символично и по логике представляется даже невозможным, то есть соединением физически несоединимых констант. Однако это так. И именно этот цвет Pink Floyd и «Гипнозис» убирают – не с обложки, из своего мира, не только музыки.

Чтобы разобраться во всём этом, надо прежде всего определиться в понятиях. И сделать это, как оказывается, не так легко – и вовсе не потому, что для этого нужны знания определённых реалий. Однажды в разговоре о церковном искусстве с человеком в должности speech-writer одного весьма и весьма значимого в настоящей российской действительности лица мной было произнесено слово «пурпурный». Я никак не мог объяснить собеседнику суть предмета, о котором шла речь. В какой-то момент я вдруг понял, что причина затруднения в том, что для моего визави «пурпурный» означает «фиолетовый». Вообще-то, в классической русской литературе и в правильном русском языке

«пурпурный» – это густой, плотный, насыщенный и яркий красный цвет, но никак не «фиолетовый». Но почему кто-то вообще может думать, что «пурпурный» – это якобы однозначно «фиолетовый»? Nonsense? Не совсем... То есть совсем не nonsense, не бессмыслица.

Преодолеть смысловой, свето-музыкальный лабиринт поможет Pink Floyd – своим альбомом «Тёмная сторона Луны» (Dark side of the Moon). Как помним, из изображений цветового спектра на обложке диска исключён один цвет – и это фиолетовый. На английском можно сказать по-разному: purple, violet, purplish. И всё это будет «фиолетовый». В качестве синонима английскому «фиолетовому» выступает «пурпурный»: это тоже purple, но в то же время и magenta. Заметим это. Было бы неплохо проследить этимологию английских «фиолетовых»: purple, violet, magenta. Уверяю читателя: это было бы очень и очень существенным средством глубже осознать предмет настоящих размышлений, но – увы! – потребуется время для изъяснений, потому полагаю правильным здесь только означить перспективу и сосредоточиться всё-таки на главном.

Англосаксонская цивилизация на настоящий момент – это Англиканская конфессия Христианства, что, в свою очередь, означает следующее: в лексике современного англичанина просто отсутствуют слова (и их довольно много), которые в ан-

глийском языке когда-то несомненно были, а потом их не стало. Почему? Потому что «бытие определяет сознание». То есть речь о том, что Британия сначала перестала быть православной, а потом перестала быть и католической. В настоящее время она стремительно, как и вся Европа, вообще перестаёт быть религиозной в христианском смысле слова. Все эти перипетии сопровождались подвижками и изменениями тезауруса, то есть словарного запаса английского языка.

Не следует думать, что мы в России свободны от подобных лингвистических подвижек и потрясений. В конце концов, тому, что Кромвель проделывал в отношении христианской Англии, очень соответствовало то, что происходило в Советской России после 1917 года, – у нас процесс шёл даже куда с большим размахом. Но в России Православие сохранилось. Наверное, вопреки всему плохому. Тем не менее приходится констатировать: в сегодняшней России абсолютное большинство граждан имеют очень смутные представления о вполне определённых, конкретных, основополагающих реалиях христианского вероучения, литургической жизни, аскезы. То есть о том, без чего русский православный (по-настоящему православный) человек просто не может мыслить свою жизнь. Это, не будем утешать себя иллюзиями, реальность наших дней, нашего Смутного времени.

Чтобы сказанное стало понятным, ещё раз упомянем о magenta.

Красная стрелка компаса – это Юг; синяя – это Север. Заметим по ходу дела, что стрелка всё-таки представляет собой некое единство: прямая, две оконечности (они-то и окрашены в два цвета) и некий единый центр, точка поворота. Придётся разбираться и с тем, как и где (и для чего тоже) разнонаправленные векторы металлической пластины, заострённой на концах, соединяются. Читатель, конечно же, догадался, о чём речь. О magenta, цвете, который существует (парадоксально, но факт!) между самой короткой и самой длинной световыми волнами. Речь здесь о нетварной природе – Божества (что символизировал издревле синий цвет) и природе тварной – человек как микрокосмос (цвет красный, в древности очень часто это передавала охра). Но декларирование не есть самый убедительный путь передачи знаний. Каждый должен сам разобраться и сделать вывод, правильный вывод; только тогда результат будет верен и урок усвоен. Именно по этой причине в изложении даже очевидных фактов должно придерживаться постепенности и меры.

Даже самые древние цивилизации придавали красному и синему (голубому) цветам сакральный смысл. Врата Иштар, ведущие к Вавилонской башне, были синего цвета, этот цвет символизировал бо-

гиню Иштар – потусторонний божественный мир. Потом эта символика будет воспроизведена в погребальных камерах египетских фараонов: своды их последних покоев, куда водворялись мумии владык Египта, были выкрашены в синий цвет – цвет Изиды. Та же самая символика.

Красный цвет в этих религиях и культурах означал тварную, человеческую природу, которая так или иначе (здесь уже различие мифологем) должна была получить, принять, завоевать, стяжать обожествление.

Кажется, всё уже сказано предельно ясно.

Когда-то, очень давно, в Англии слово magenta было понятно и означало совершенно определённый цвет – цвет омофора Богоматери. Сейчас эта сакральная реальность остаётся всё той же, но только для очень узкого круга людей: профессиональных искусствоведов, специализирующихся на изучении византийской и древнерусской иконографии. Magenta – цвет священный, сакральный; он означал и означает в христианской культуре нечто очень важное, что привнесено в жизнь человечества Христом, верой во Христа, Христианством. В богослужении мы видим этот цвет в облачении епископа: мантия. Её цвет – magenta, что символизирует покаяние. Но покаяние (то слово, что переведено с греческого именно как «покаяние», μετανία) – это совсем не откровение грехов на исповеди,

не покаянная дисциплина. Покаяние – это буквально «изменение», то есть преобразование, исцеление, просветление, восстановление прежде очернённого грехом образа и подобия Божия – человека, его природы. Именно этот цвет отсутствует, он исключён, его нет в оформлении альбома, принёсшего Pink Floyd мировую славу. Случайность? Но мы отлично видим, что во всех изображениях обложки диска *Dark side of the Moon* из спектра исключён луч цвета magenta, занимающий в волновом диапазоне место между самой короткой световой волной (красный цвет) и самой длинной (голубой цвет). Вам это ничего не говорит? Правда?

Тогда придётся несколько прояснить суть дела.

Но сначала о том, что, помимо Pink Floyd, есть столь же авторитетная в определённых кругах и столь же психоделическая в своём творчестве рок-группа Deep Purple. Всё ещё неясно? Pink – это «розовый», то есть в перспективе «красный». Purple – «фиолетовый», то есть в спектральной перспективе «голубой». Кто из нас задавался вопросом, почему так сложилось, так принято, что стрелки компаса (заметим: они принципиально, в 180° , разнонаправлены) окрашены именно в эти два цвета: красный и синий? Единицы. Но сказанного уже должно быть достаточно для уяснения предмета исследования. Речь, конечно, не о компасе и стрелках. Речь о Боге и человеке.

* * *

Теперь вернёмся к пророку «нечеловеческой» музыки, предопределившему Цифровизацию звуковых волн – «астральной гармонии», – Александру Скрябину. О своей 9-й сонате композитор говорил так: «В Девятой сонате (он откровенно называл её „Чёрной мессой“) я глубже всего прежнего соприкоснулся с сатанинским. Это тут настоящее зло. В „Сатанической поэме“ было другое... „Сатаническая поэма“ гораздо мельче Девятой сонаты. Там у меня не сатана собственно, один из мелких бесов. А тут дело серьёзное...»

А. Ф. Лосев так оценивал творчество Александра Скрябина, служившего своей музыкой персонифицированному злу – сатане: «Слушая Скрябина, хочется броситься куда-то в бездну, хочется вскочить с места и сделать что-то небывалое и ужасное, хочется ломать и бить, убивать и самому быть растерзанным. Нет уже никаких норм и законов, забываются всякие правила и установки. Всё тонет в эротическом безумии и восторге... Христианину грешно слушать Скрябина, и у него одно отношение к Скрябину – отвернуться от него, ибо молиться за него тоже грешно. За сатанистов не молятся. Их анафематствуют»*.

---

* Лосев А. Ф. Страсть к диалектике. М.: Советский писатель, 1990. С. 292, 301.

Может быть, философ слишком строг к сочинителю «особой» музыки?

Но как тогда относиться к скрябинскому откровению, которое служило ему вдохновением? Мы приведём здесь лишь начальные строки его inferнального, преступного, исполненного отвратительной ненависти ко всему существующему гимна патологической оргии, своего рода либретто скрябинской «Мистерии».

**...Нам отрадны только трупы,
Только брызги чёрной крови
Нашей мерзостной любви....**

Преобразование мира, Вселенной, человека и человечества, по Скрябину, должно произойти так:

**Тогда я ринусь на тебя
Толпой чудовищ страшных,
С диким ужасом терзаний
Я наползу кишачим стадом змей
И буду жалить и душить!..***

Отношение философа А. Ф. Лосева к музыке Скрябина известно и, как видим, очень опре-

---

* Записи А. Н. Скрябина // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. М., 1919. Т. 6. С. 200.

делённо и объективно по своей сути. Но, может быть, Скрябин и всё, что вокруг Скрябина, его музыка, его идеи, его чудовищно ненавистническая злая вера в абсолютное зло, которое он страстно желал осуществить через своё, личное зло и ненависть, – всё это лишь своеобразные «пропилеи» нового направления в музыке, очерки из истории культуры России начала XX века?

«16 апреля (по старому стилю) 1915 года в храме Святителя Николая на Песках* отпевали покойника. Из-за обилия народу в церковь пускали по особым билетам: оттуда, из глубины, вытекал густо-медовый звук синодального хора. „Постарался Данилин, знал, какие люди соберутся!“ – шептались в толпе. ...В тот день хоронили величайшего грешника... Протоиерей Василий Петрович Некрасов призывал скорбящих помолиться – „Да воспарит его светлый дух к Богу, Которому он служил своими художественными взлётами в надземную высь, и, как на крыльях серафимских, да вознесётся его душа в царство вечной красоты!..“

Усопшего звали Александр Николаевич Скрябин, сорока трёх лет от роду, дворянского звания,

---

* Решением Президиума Мособлсовета от 4 марта 1932 года церковный участок (храм и кладбище) были переданы под жилую застройку кооперативу «Энергетик». Церковь снесли.

композитор и музыкант». Гроб с телом после отпевания несли на руках от храма до кладбища – с пением пасхальных гимнов в исполнении того же синодального хора. Чудовищно, но это было... Тот факт лишь подтверждает неизбежность потрясений, имевших придти на Русскую землю в 1917-м. Не следует думать, будто Скрябин представляет собой некий исключительный, в определённом смысле паталогический образчик «творческой» одержимости – в совершенно осознанном следовании путём богоборчества, сатанизма. Он лишь являлся, пожалуй, самым ярким персонажем в той многочисленной плеяде богоборцев конца XIX – начала XX века на Русской земле.

Скрябин был изъят с поприща служения злу весьма символично: в дни православной Пасхи; и, наверное, попал, увы, туда, куда так стремился при своей композиторской жизни. Но дело его, подобно тому, как это говорилось совсем недавно о другом, политическом злодее того же периода российской и мировой истории, обретшем временное пристанище в зиккурате из красного лабрадора на Красной площади Москвы, – «живёт»...

«Когда мне было лет двенадцать, я услышал Скрябина впервые – дядя мой играл. Причём играл 72-й опус. Это самое последнее его сочинение. Я стоял за дверью и боялся шелохнуться. Скрябин дал мне сильный толчок. Это было первое такое серьёз-

ное потрясение...»^{*} – вспоминает композитор Эдуард Артемьев о своём первом соприкосновении с музыкой Скрябина. Слова Артемьева, пожалуй, свидетельствуют о нечто таком, чему правильное дать определение: инициация. Впечатление от музыкальной встречи со Скрябиным определило слишком многое в жизни и творчестве советско-российского композитора, четырежды лауреата Государственной премии, семь раз удостаивавшегося высших наград российских музыкальных академий.

Эдуард Артемьев – ученик и соработник Е. Мурзина, создавшего первый в мире электронный синтезатор звуков. Мурзин был пионером и адептом Цифровизации в музыке. Кстати, своё знаменитое изобретение – фотоэлектронный синтезатор звуков он назвал «АНС». Что означает эта аббревиатура? «Александр Николаевич Скрябин». И это, в свою очередь, означает: дело Скрябина было продолжено в Советском Союзе. Музыка Артемьева означает, что дело это продолжается и сейчас – в РФ.

Вклад Мурзина в Цифровизацию музыки настолько велик, что о нём и о его гениальном приборе нужно рассказать. Когда миру стало известно, что фотоэлектронный звуковой синтезатор изобретён, собран и функционирует, Хренников и Шостако-

---

^{*} Обыкновенный гений. Док. фильм к 80-летию композитора Э. Артемьева.

вич, прослушав прибор в действии, в совершенном восторге отбили телеграмму тогдашнему министру культуры Екатерине Фурцевой, торжественно сообщив, что новый инструмент безгранично расширяет пространство музыкального творчества. Но суть, как всегда, в деталях, а на них, как всегда, менее всего обращают внимание. О чём речь? О деталях, о первом, так сказать, представлении возможностей и принципа работы уникального цифрового прибора «АНС» перед многомиллионной киноаудиторией советских граждан. Впервые синтезатор Мурзина всенародно прозвучал в фонограмме «страшного сна Геши» (А. Миронов): «Бриллиантовая рука» – «шедевр» Гайдая. Многие действительно до сих пор считают этот фильм шедевром комедийного жанра советского кинематографа.

В том эпизоде («страшном сне») гипсовая рука преследует Гешу-Миронова. Действующие лица: Геша (Миронов), летающая живая гипсовая рука (точнее, локоть – «мера всего» в Египте эпохи фараонов), чёрный кот («нечистая сила» – в Древнем Египте это животное почиталось священным), проявляющийся из ничего куратор Геши (это актёр Папанов); абсолютная темнота (пространство сна); и «музыка» Зацепина, рождённая на «АНС» – звуковом синтезаторе «Александр Николаевич Скрябин»... Как видим, деталей много; их вполне достаточно, чтобы сложилась вполне определённая

(с сюжетом, стилистикой, идейной частью) картина. При этом не стоит недооценивать изобразительный ряд киноэпизода, то есть «египетские мерзости» (библейский термин). Гайдай принадлежал к той прослойке советского народа, чьи предки во время оно вышли из Египта. Детали эпизода «сна» очень хорошо «монтируются» – и это не случайность.

Увы, большинством зрителей, осаждавших в далёком, очень далёком и очень советском 1969 году кинотеатры, в которых шёл показ «Бриллиантовой руки», картина эта была воспринята как талантливая и добрая комедия. Таковой она остаётся для очень многих и поныне. Люди просто смеялись... как некогда зрители комоса на дионисийских празднествах. То есть советский народ просто (и с наслаждением) потреблял культурный продукт – и смеялся. (О природе смеха было уже упомянуто в главе, посвящённой основам Театра.) И сейчас зрители «Бриллиантовой руки», ностальгируя о благословенной «советской эпохе застоя», тоже «просто смеются»...

Но мы несколько отвлеклись.

Итак, фотоэлектронный музыкальный синтезатор. Придумал и построил этот фантастический, феноменальный прибор Евгений Александрович Мурзин. В послевоенное время в военном городке на окраине столицы офицер закрытого военного научно-исследовательского института Евгений Мурзин проходил действительную военную и очень важную

для страны службу. До войны наш герой учился в Институте коммунального хозяйства, учился вполне успешно: защитил кандидатскую диссертацию. Но грянула война. Мурзин на фронте, он командир артиллерийской батареи. Молодой офицер в боевых условиях разрабатывает принцип электромеханического устройства прицельного управления огнём. Москва отреагировала мгновенно: Мурзин отозван с фронта, он назначается на должность военного изобретателя и получает направление в один из секретных военных НИИ, где конструирует уникальный зенитный прицел, военную ценность которого печатлеет закрытый указ о присвоении Е. А. Мурзину Сталинской премии и назначение главным конструктором Главного командного пункта наведения.

Закончилась война, и синтезатор воскресает в мечтах Мурзина. Почему-то всё свободное время он уделял изучению творчества композитора Александра Скрябина. Почему офицер ходил на концерты, где исполнялись произведения Скрябина, собирал пластинки с записями его произведений? Мурзин понимает, что скрябинская музыка не может быть адекватно раскрыта с помощью обычных музыкальных инструментов. Для этой музыки уготован иной метод звучания: Цифровизация посредством электроники – вот путь гениальной музыки, пленившей советского инженера военного НИИ, путь «астральной гармонии». Если помните содержание

третьей главы настоящей книжицы, то станет ясно: это путь... просто атомный!

То, что не давало возможности полного воплощения музыки «Дьявольских трелей», услышанных Тартини в исполнении посланника из преисподней и переданных демоном музыканту в обмен на его душу, теперь с помощью и посредством синтезатора «АНС» упразднено. Дело оставалось за малым: нужно создать электронно-цифровой прибор. И теперь это технически возможно. Мурзин приступил к работе, ставшей делом всей его жизни. Так в середине XX века богоборческий музыкально-театральный бунт Скрябина, дотоле бушевавший в его душе, мятущейся, всецело подчинившей себя сатане, – теперь инженерным гением Мурзина, усилителями, генераторами, электромоторами «АНС», силами военного НИИ (п/я 2377), занимавшегося не только противоракетной обороной, но и оружием волнового воздействия, цифрами и числами волновых колебаний, наконец-то будет звучать – и преобразит мир! Похоже, очень похоже, Мурзин был одержим этой идеей... И эта идея не могла быть только инженерной, конструкторской головоломкой*.

---

* В конце концов синтезатор соединил в себе разработку принципа волнового воздействия на человеческое сознание, на душу, на массы и увлечённость идеей (это было не хобби, но дело всей жизни) советского учёного.

Воистину нет ничего нового под солнцем. Берём в руки Библию и читаем: «...покажи нам образ голоса» (3 Езд. 5, 37). И вот пророчество исполнилось. Дело за немногим: его понять. Этим, друзья, мы и занимаемся... с Божией помощью.

В конце 1958 года работа по созданию прибора завершилась. Демонстрация возможностей фотоэлектронного звукового синтезатора «АНС» проходила осенью 1959 года в доме-музее Скрябина. В обычной октаве 12 звуков; синтезатор Мурзина выдавал 730 чистых тонов. Если воспользоваться цитатой из В. И. Ленина, начавшего свою «Мистерию» в отдельно взятой для этого стране – России 1917-го, то все присутствующие на демонстрации-премьере вдруг поняли, что слышат поистине «нечеловеческую» (то есть цифровую!) музыку. И если в бетховенском наследии вождь мирового пролетариата слышал «нечеловеческую музыку» только в Sonata Pathetic, то рождаемое синтезатором «АНС» было всё и полностью «нечеловеческим». Похоже, что в полном соответствии с ленинской терминологией и по замыслу человека-оркестра АНС – Александра Николаевича Скрябина это была по-настоящему сатанинская музыка.

Отныне любой звук становится элементом наборного конструктора, атомом, цифрой, амерой, посредством коих создается новое творение. Врата в цифровую вселенную отверсты; мечта Скряби-

на становится реальностью! Наверное, Пифагор в своём потустороннем цифрово-музыкальном мире и Скрябин, чей дух, по уверениям священника, отпевавшего скончавшегося сатаниста, «воспарил», возликовали бы. Но ликования в тех антиэмпиреях невозможны. Никак...

Присутствовавшие в тот день в доме-музее Скрябина и услышавшие звуки астральной гармонии были советскими людьми, а потому и воскликнули в один голос: «Это триумф!» Мурзина ждала заслуженная награда: он получил в своё распоряжение лабораторию и приступил к сборке следующего синтезатора. Нужно было собирать команду. Среди немногих избранных оказался и недавний выпускник консерватории Эдуард Артемьев. Специально под него утвердили необычную штатную должность: инженер-композитор.

В то время тема Космоса становилась всё более модной в литературе и кинематографе, и «АНС» оказался очень востребованным: именно на нём Артемьев «делал музыку» для космических киноопусов Тарковского и прочих прогрессивных кинорежиссёров. Но электронная (цифровая) музыка – это не только Космос. У Артемьева были не только «Звёздный ноктюрн», «В космосе», треки к «Солярису»; электронная музыка Эдуарда Артемьева – это и «За мёртвыми душами», и оратория на «Я убит подо Ржевом» Твардовского, да и

многое другое, столь же характерное по тематике и цифровой сути.

Более всего о человеке говорят его дела; у людей искусства это их творчество. Не случайно ключевые, программные произведения Артемьева – «Человек у огня», «Семь врат в мир сатори*», «Ритуал», альбом «Тепло Земли» и его «Три взгляда на революцию» – произведение, прозвучавшее в Бурже (1989) и произведшее полный фурор среди зарубежных собратьев. Для понимания природы цифровой (электронной) музыки в интерпретации живого классика возьмём самое характерное – альбом «Тепло Земли». У нас в России принято встречать по одежке (проводить – по уму). Одежка, то есть обложка диска «Тепло Земли», так же многозначна, как и полифонично его содержание – вплоть до шаманской оратории по мотивам шаманских стихов Юрия Рытхэу (в то время весьма модный, а теперь совершенно забытый писатель).

Чего только нет на лицевой стороне (да и на разворотах тоже) чудесной обложки чудесного альбома! Это и Космос в его абсолютной, «божественной», апофатической черноте; и чёрный квадрат, отсылающий то ли к «гениальному» Малевичу, то ли к мировоззренческой константе Древнего Вавилона,

---

* Сатори – блаженство, инобытие как высшая цель религии буддизма.

то ли к паутине божества преисподней Миктлантекутли, которое из сумрака пещер Мезоамерики правит Космосом и судьбами людей; линии паутины почему-то сплетены в правильные квадраты – символ мироздания Древнего Вавилона. Ко всему прочему, паутина квадратуры Космоса – явная отсылка к сверхмодной теории струн... Тут и молния, она же шприц, без которого, надо понимать музыкальных гениев XX–XXI веков, вообще никуда: молния-шприц, понятное дело, сделана по идеологическим лекалам *Dark side of the Moon* – в особом цвете, в том, которым мастера из *Pink Floyd* заменили фрагмент magenta светового спектра. Здесь же и яблоко познания (отсылающее и к Библии, и к Ньютону); и белые (не будем забывать о вратах в сатори) ступеньки, которые и возводят (*Stairway to Heaven*), и низводят (для непонятливых нарисована мастаба в потустороннем цвете Иштар-Изиды); и магический треугольник – вулкан, рождающий пылающую пентаграмму; тут и скромный намёк на ключи познания (скромный по сравнению с прочими картинками обложки) – треугольник Пифагора; здесь и священная геометрия, и оккультизм нумерологии (10 букв – название альбома на русском; 13 – на английском); и Левиафан – сатана: как же без него? Музыка-то для тех, кто попадает на «обратную» (всегда тёмную) сторону Луны, – «нечеловеческая», цифровая!

Открываем обложку альбома, то есть одёжка распахивается: батюшки святы! Никак витрувианский человек Леонардо? Да неужто? Точно! Он самый! Превосходное продолжение магической жути, квинтэссенция «всего» – единство макрокосма и микрокосма в координатах перевёрнутого мира... Начинаем слушать. Всё ясно; всё как на обложке, только уже в тонах астральной гармонии, психоделически влекущей вступить в цифровую Вселенную инобытия, облачённого в цифровой звук.

Сейчас дело Цифровизации по заветам Скрябина, как говорится, живёт и побеждает на всех континентах, а не только в московском доме-музее А. Н. Скрябина (Большой Николопесковский переулок, 11, Арбат) и студиях цифровой музыки упомянутых и неупомянутых композиторов новой, цифровой формации и музыки, посредством которой делают новых, цифровых людей – и Новый, Дивный, Цифровой мир, окно в который приоткрыл в своё время Оруэлл.

Блеск и нищета цифровых музыкантов

Мы затронули тему Космоса. Она всегда, во все времена была актуальна; актуальна она и сейчас, в век грядущей Цифровизации.

Есть такой композитор – Владимир Мартынов. Его называют (потому, что он сам так себя называет) композитором и философом. Он прославился (хотя об этом никто не знает, вернее, знают только те, кому положено знать, ибо информация предусматривает особую форму допуска) тем, что однажды, а может быть даже дважды, уже спасал – и спас! – планету Земля от неминуемой гибели. Дело было так...

Стоп! Сначала нужно представить героя, рассказать, что предшествовало подвигу двукратного спасения мира от космического (ведь мы обещали, что речь пойдёт о Космосе) апокалипсиса. Первый раз апокалипсис мог случиться в уже далеком 1974 году, – конечно, если бы не советский композитор В. Мартынов. Именно он мистически стал на

пути кометы, летевшей из непостижимых глубин космоса, чтобы сокрушить нашу многострадальную планету. Второй раз апокалипсис должен был произойти в 2013 году в нашем российском Челябинске. Ситуация была до боли похожа — к Земле, к уральскому городу Челябинску летела комета. И опять, как читатель уже догадался, вся надежда была на человека, который мог помочь челябинцам — и всем землянам. И композитор В. Мартынов не подкачал...

Чтобы история в нашем изложении событий не показалась субъективным рассказом, полагаем целесообразным дать выдержку из статьи Виктора Клёнова «Посткомпозитор конца эпохи? Владимир Мартынов». Так сделать будет правильнее всего: дать слово человеку, кое-что понимающему в музыке.

«Случайно увиденной на стене вырезки (заметим: газетные и журнальные вырезки и фотографии только настоящих героев люди помещают на стенах своих жилищ. — п. П.) было достаточно, чтобы проснулся старый интерес к композитору и философу В. Мартынову, упорно утверждающему, что время композиторов прошло...

Мартынов — музыкальный евразиец? Кто его знает. Не чужд он геополитики. Слушал его „геополитическую“ симфонию „Сингапур“. Да-а... Кантата какого-то музыкального советского бонзы „Призрак бродит по Европе“ (на слова из „Комму-

нистического манифеста“) – это мелочь по сравнению с распеванием данных о Сингапуре из справочника. Минимализм опять же. А может, Мартынов над всеми издевается? Извлекает случайные звуки, цитирует огромный музыкальный материал, который неплохо знает? Но как музыкант, кажется, демонстрирует творческую немоту.

Не он такой, время такое. Время эклектики, стёба и постмодернизма. Такова и его опера *Vita Nova*, которую обругали критики, но которая была исполнена и записана за рубежом, дирижировал Юровский – представитель влиятельного клана. После провала сего произведения Мартынов разразился очередным опусом. Его „Ораторию по Данте“ скачал из Интернета и слушал... Кошмар! Какая-то эклектика мусорного контейнера, куда бросили остатки цветов и яств, некогда прекрасного пиршества...

Автор призывает к самопознанию. А со стороны посмотреть можно? Вот детство-юность музыкального барчука. В стране нищета и перенапряжение, а у обитателей советского музОлимпа почти коммунизм... Плюс сказочные для совка культурные возможности – папа же председатель СК*... Казус

---

* И. И. Мартынов в 1960 году избран секретарём правления Союза композиторов РСФСР. Бессменный музыкальный обозреватель газет «Правда», «Известия», «Советская культура», «Вечерняя Москва».

Володи Мартынова уникальный – колоссальные возможности для развития. Кем стать? Композитором, кем же ещё!..

На мой музыкально-примитивный взгляд, быть композитором – это не писать, а «записывать», когда звуки, темы, гармонии переполняют мозг и душу. А когда этого нет, остаётся комбинировать чужое, используя свою бешеную эрудицию, добытую с уникального жизненного старта. Скрестил минимализм и церковное пение – вот вам „Плач Иеремии“. Странно, однако. Коммунистическая власть дала таким, как Мартынов, очень многое, а они от неё отвернулись. Большинство „детей Арбата“ кинулись искать свет на Западе. У ВМ тоже есть элементы „низкопоклонничества перед Западом“ – превозносит битлов, роллингов, Кейджа, но сам он убежал к попам... Поколенческие метания...

Однажды попробовал послушать записи современных молодых композиторов на „Классик-онлайн“. Бедные! Как они мучаются в стремлении к оригинальному звукоизвлечению, замороженные примерами ложных кумиров типа Губайдулиной или Шнитке. Поймали бы котов и таскали за хвост.

– А коты-то зачем?

– На польгты (сонаты) пойдут.

Выпускники консерваторий демонстрируют „конец композиторства“ явно и наглядно своими опусами. Но почему? Почему?.. Жуткий кризис во

всём, и в музыке тоже. Но это не окончательный конец. Космос (мир!) будем слышать теперь по-другому. Учиться иначе улавливать музыку сфер... Умаление личностного начала – это знак беды, но для пифагорейства (Цифровизации музыки. – п. П.) – ничего страшного...»

* * *

Одним из композиторов – цифровизаторов-философов был и остаётся небезызвестный нам В. Мартынов. Напомним: именно ему и его «бумерангам» (группу «Бумеранг» создал Мартынов) главный музыкальный скрябинист – цифровой композитор Эдуард Артемьев поручил извлекать звуки для альбома своих творений «Тепло Земли».

В 1974 году к планете Земля приближалась комета Когоутека. Ясно, что наша цивилизация была не в силах (по крайней мере, на тот момент своего технического развития) предотвратить беду. Оставалось обречённо ждать – или взять белые простыни и строем пойти на кладбище, чтобы без суеты ждать встречи с кометой уже там, на месте. Но, слава Богу, в то время на Земле жил и творил композитор В. Мартынов, очень увлечённый восточными эзотерическими учениями, а потому и знающий, в чём заключается Истина. То есть Мартынов твёрдо знал, что для него, знающего и обладающего Истиной, спасти Землю от кометы Когоутека –

плёвое дело. Всего-то и нужно: написать нужную для этого случая музыку – и послать её навстречу мчащейся (тоже навстречу) Когоутеке. И поскольку Скрябин, «его светлый» дух уже шестьдесят лет как «воспарил» (по мнению и вере протоиерея, пасхальным чином радостно отпевавшего Скрябина), пришлось засучить рукава советскому композитору В. Мартынову. Надо было торопиться: по расчётам астрономов, оставалось всего полгода до Катастрофы...

Мартынов быстро, очень быстро сочинил удивительное музыкальное произведение, именно такое, какое и требовалось на тот исключительный в судьбе Земли случай: «Охранную от кометы Когоутека». Теперь нужно было только исполнить опус – громко, так громко, чтобы волны гармонии особого типа дошли до стремительно летевшей во мраке космоса – и неотвратимо приближавшейся к нам, землянам! – зловещей кометы Когоутека.

– Что? Вы сказали, что в космосе безвоздушное пространство? Ерунда! Волны отлично передаст эфир! Вы разве не знаете, что Менделеев первым элементом своей «менделеевской» таблицы поставил эфир? Всё сработает, вот увидите!

Сказано – сделано! Опус был исполнен.

Громкость обеспечена – на двух роялях в восемь рук опус исполнили не где-нибудь на частной квартире, откуда музыкальное проникновение в

космос было бы не гарантировано, а на сессии Союза композиторов. Надо полагать, эта музыкальная инстанция имела непосредственный канал связи с дальним, относительно дальним космосом. Но как композитор это вообще понял: что спасти Землю может только музыка, и не какая-то произвольная, а его, мартыновский «охранный» опус? И как он понял, что играть надо громко, очень громко – один рояль и четыре руки не справятся, что нужно где-то раздобыть ещё один рояль и ещё четыре руки? Ясно, что автору «охранно-противокометной» музыки было откровение. А как же иначе? Как без откровения уразуметь, что задачу по спасению планеты можно решить относительно дёшево: оркестр нанимать не надо и будет достаточно двух роялей и восьми рук?

Композитор Владимир Мартынов всё понял, – всё! И всё сделал как надо. Результат? Результат: планета Земля была спасена! Вообще-то, за всю историю планеты Земля комет было много, может быть, даже слишком много; и все они – так получалось – улетали в никуда. И эта непутёвая (а может, наоборот?) комета Когоутека отклонилась, или промахнулась, или услышала музыку и полетела дальше... от такой музыки. Но факт есть факт. А то, что совсем не многие знают, что в 1974 году всех нас спас композитор В. Мартынов, это уже, как говорится, ваши (или наши), но никак не композитора

Мартынова проблемы. В конце концов, композитора каждый может обидеть...

А что, если это просто композиторские грехи молодости, так сказать, просто космический (или по сути комический? – п. П.) ноктюрн ночью на двух роялях в восемь рук в стенах Союза советских композиторов? Вряд ли. Скорее всего, спасение Земли композитором Мартыновым действительно имело место. Иначе как объяснить резкое духовное повышение философско-музыкального градуса в статусе нашего героя? Спустя пять лет после спасения Земли и, надо полагать, соответствующих проверок-согласований гениальный композитор вводится в профессорско-преподавательскую корпорацию МДАиС*. А как же иначе? Не последняя же комета, надо обучать семинаристов, как эти непутёвые кометы отклонять – спасти Землю...

После спасения планеты Земля, успешно осуществлённого в 1974 году гениальным 28-летним композитором Мартыновым, прошло почти сорок лет. И, как читатель догадался, очередная комета летела нам навстречу, вернее, навстречу нашему Челябинску. Естественно, все взоры журналистов, учёных, космонавтов, да и просто челябинских рабочих и даже челябинских домохозяек обратились

---

* МДАиС – это Московская Духовная Академия и Семинария.

к Мартынову. Он – и никто другой – может, а значит, должен спасти Челябинск!

Следы этой удивительной истории по спасению российского Челябинска, которая произошла в 2013 году, сохранили анналы газеты «Вечерняя Москва»: статья «Композитор Владимир Мартынов: я помогу челябинцам отвести небесную грозу», номер от 15 февраля 2013 года. Имеет смысл ознакомиться с этим интересным документом эпохи Цифровизации музыки (и не только музыки) в РФ, в своё время опубликованным на страницах московской «Вечёрки».

«После падения метеорита, которое случилось в столице Южного Урала утром 15 февраля, здесь опасаются новых иноземных вторжений. В девять часов вечера пятницы, пятнадцатого, в опасной близости от Земли пролетит астероид.

Сверхспособности музыки Мартынова – не шутки. Ранее композитору уже приходилось защищать землю от катастроф. В 1974 году все газеты кричали о грядущей катастрофе. Мимо нашей планеты летела комета Когоутека с таким огромным хвостом, что могла запросто смести нашу Землю, даже не заметив этого. Однако накануне „часа икс“ произошло странное. Хвостатая опасность совершенно неожиданно для всех и без видимых на то причин изменила маршрут и перестала быть опасной. Ни американские специалисты в НАСА, ни советские

в ЦУПе не подозревали о том, что всего за несколько дней до изменения траектории на секции камерной музыки в Московском союзе композиторов была исполнена вещь для двух фортепиано в восемь рук, которая называлась „Охранная от кометы Когоутека“. Она была выдержана в жанре ритуала шаманского заклинания.

Корреспондент „Вечёрки“ дозволился Мартынову.

– Владимир Иванович, почему ваша музыка не уберегла нас от падения метеорита?

– Потому что для каждого опасного небесного тела нужно создавать своё индивидуальное „охранное“ произведение. Тридцать лет назад я написал музыку только в защиту от кометы Когоутека.

– Для пролетающего 15 февраля астероида эта музыка не подходит?

– Нет, не подходит. К тому же у меня нет партитуры „Охранной“. После исполнения она была сожжена.

– Владимир Иванович, говорят, в Челябинске сейчас все на взводе. Боятся, что метеориты могут упасть снова... Нужно что-то делать.

– Гм, честно говоря, я не думал, что всё настолько серьёзно и метеорит действительно упадёт.

– Может быть, вы сможете помочь?

– Честно говоря, не знаю. Времени немного совсем. Ну хорошо, я постараюсь. Позвоните мне часов в восемь. Нормально будет?

- Да, падение ожидают в девять.
- Что-нибудь придумаем. Всё будет хорошо».

Справка газеты «Вечерняя Москва»:

«Владимир Мартынов – один из самых известных композиторов современности. Автор музыки к песням группы „Аукцион“, кинофильмам „Холодное лето 53-го“, „Остров“ Павла Лунгина. В прошлом году выступил автором новой музыкальной редакции оперы „Князь Игорь“ в постановке Юрия Любимова. С 1979 года преподаёт в духовной академии Троице-Сергиевой Лавры. Занимался расшифровкой и реставрацией памятников древнерусского богослужбного пения, изучением древних певческих рукописей в ряде монастырей.

Композитор Владимир Мартынов пообещал, что к восьми часам вечера напишет музыкальное произведение, способное обезопасить Урал от падения нового метеорита...»

Витязь на распутье –

или

Бог спасает нас, но не без нас

И всё же: как быть? Неужели лишить мир развлечений, которые предоставляет для современного человека – прещедро и безмерно – Театр? Ведь мы понимаем, что с этим никто и никогда не согласится. Причины тому многообразны; и первая из тех причин будет даже не финансовый интерес продюсеров и коммерческих директоров театров и не нажива, но яростное нежелание людей отказывать себе в развлечениях, продолжать развлекаться – несмотря ни на что и во что бы то ни стало. Сейчас театр, кино, все прочие виды зрелищных искусств – это прежде всего именно зрелища, которые в жизни очень многих занимают большее место, чем всё остальное, чем даже люди.

В Евангелии есть такое выражение: «похоть очес», в Древнем Риме это имело точное обозначение – «зрелища». Следует процитировать Еван-

гелие в должной полноте: «мир лежит во зле» (1 Ин. 5, 19) – потому что живёт «похотью очес», «похотью плоти» и «гордостью житейской» (1 Ин. 2, 16). История и жизнь дают бесчисленные примеры того, что люди, далёкие от веры, с необходимостью подчиняются тому, что апостол Павел назвал «Законом греха и смерти» (Рим. 8, 2).

И всё-таки: как быть с детьми, современными детьми? Невозможно в Рождество представить воскресную школу при храме без некоторых, в принципе, театральных действий, где нашим детям представят в лицах волхвы, идущие поклониться младенцу Христу; без вертепа, над которым воссияет пусть дешёвым, но ярким золотом фольги блистающая для отроков Вифлеемская звезда. Дети не могут, да и не должны быть лишены живых назидательных уроков веры и благочестия. Но как тогда понимать всё то, что было изложено в предыдущих главах?

Есть некоторая данность, знакомая каждому из нас с детства: она неразрывно связана с темой театра. Все мы помним: сказки, рассказываемые дитяти заботливой и любящей родительницей, непременно сопровождалась некоторой выразительной экспрессией. Сказка звучала, что называется, по ролям. Мама говорила и голосом, и интонацией от лица беззащитного простодушного зайчика, злобного серого волка, добродушного хозяина леса медведя, коварной бабы-яги... Потом, в детстве, мы слыша-

ли увлекательные радиопостановки, начинавшиеся характерным и в голосе, и в тембре, и интонации: «Здравствуй, дружок!..» И опять сказка звучала по ролям, но профессионально: так, что сюжет буквально разворачивался перед мысленным взором ребёнка. И что же? Разве это плохо или, говоря языком церковным, неужели это «греховно» – так назидать юных в том, что добро и что зло?

Хотя, признаться, сейчас, по прошествии более полувека с той поры, когда в эфире Всесоюзного радио звучала регулярная передача, начинавшаяся с вкрадчиво-благостного «Здравствуй, дружок!..», тот актёр детского радиотеатра почему-то ассоциируется в наше демократическое время с главным действующим лицом фильма «Молчание ягнят»*. Не думаю, что это случайность или результат аффекта. Голос человека говорит об очень многом...

Но сейчас о другом, о «переходе количества в качество». Речь о мере. Всё, как всегда, очень просто. Передозировка лекарства, применение которого в должном количестве спасительно, имеет последствием отравление или самое худшее – смерть. О том же говорится и в известной поговорке о потере меры в молитве. Примеров тому всегда было,

---

* Почему-то в этой связи вспоминается один из главных детских сказочников нашего времени Эдуард Успенский – да и много ещё кто...

есть и будет много, очень много. Ум, дарованный Творцом человеческой разумной природе, сам по себе есть благо, высшее благо. Но, во-первых, мыслить можно о разном. Здесь всё понятно: плохие мысли – это реально плохо. Сейчас о другом. При потере меры происходит нечто странное: принцип формально хорошего реализуется, хотя это покажется противоречащим логике, в недолжном. Это довольно обычная история, особенно в частной человеческой жизни.

Упростим ситуацию: сказка – это хорошо или плохо? Ответив на этот вопрос, мы сможем ответить на другой: Театр – это хорошо или плохо? И тогда придёт правильное решение о Цифровизации – это хорошо или плохо?

Русские народные сказки – это хорошо. Сказки Гофмана и Шварца – это плохо. Сказка о романтической любви в постановке Ленкома («Юнона и Авось») или сказка Шварца в кинопостановке Ленкома («Обыкновенное чудо») – это очень плохо*.

---

* Категория «очень плохо» относится к идеологии, заложенной в упомянутых театральном-киношных опусах. Но, чтобы ясно представлять идеологию «Юноны и Авось», надо отчётливо понимать идеологию романтической повести Карамзина «Остров Борнхольм» или – из области реализма – пушкинской «Метели». Судя по всему, режиссёры хорошо понимали эту идеологию и знали, что творят... Без всякого сомнения, так дело и обстоит.

Всё дело в намерениях. В русских народных сказках всё очень просто и парадигма неизменна: «добро побеждает зло». В ненародных сказках (Гофмана, Бажова, Чуковского, Олеси, Шварца, Ленкома, Голливуда, etc.) неизменна совсем другая парадигма: «побеждают страсти», то есть безальтернативное: «побеждает зло». Есть варианты сказок совсем даже «не безобидные». Там уже всё предельно ясно – для нормальных людей.

Конечно, нужно сказать о режиссёрах-сказочниках, и для них это будут неприятные слова. Режиссёры-сказочники («А разве есть другие?» – спросит читатель и будет прав), вообще-то, очень опасные люди в самом точном значении этого слова. И беспредельные циники – по определению жанра. Сталин бесщётное число раз смотрел киносказку «Волга-Волга». Но кто сможет отказать вождю СССР в изошрённом уме? Гитлер бесщётное число раз смотрел другую киносказку – «Серенада Солнечной долины». Это непостижимо: умные люди (пусть даже «умные на зло») смотрят десять, двадцать, тридцать, пятьдесят раз одни и те же явно неумные фильмы...

Чтобы дело стало более понятным, упомянем о митрополите Димитрии Ростовском: он много потрудился не только на поприще церковного служения, но и на том поприще, которое сейчас называют «церковным театром». Дóлжно заметить: он не был основателем этого вида церковного зрелищного ис-

кусства, казалось бы, соединяющего в себе несоединимое – Театр и христианскую нравственность.

До того, как, будучи уже на кафедре Ростова Великого, этот архиерей озаботился воспитанием детей своей паствы, в Киево-Могилянской духовной академии, студентом которой в своё время он был, силами обучавшихся богословским наукам ставились «действия»: «Алексей человек Божий», «Действие на Страсти Христовы списанное», «Царство природы людской». В московской Славяно-греко-латинской академии студенты видели назидательные «песни»: «Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным» и «Страшное изображение Второго пришествия Господня». Потом, в самом начале XVIII века, митрополит Дмитрий продолжит эту традицию уже сценическими произведениями за своим авторством: «Грешник», «Воскресение Христово», «Рождество Христово», «Есфирь и Агасфер», «Успенская драма», «Рождественская драма»...

Что послужило настоящей причиной появления этого жанра? Только лишь влияние Запада и соседство с католическими странами? Конечно, и это имело место, однако главным было другое: умаление религиозности в народе и настоящая революция в сознании всех сословий, инициатором которой явился Пётр I. Нужно было, как говорится, спасти положение, и компромисс был найден:

постановочные «действия» из церковной истории как средство не потерять паству, по крайней мере, значительную её часть. Апостол Павел говорит о том, что совершенное учение не следует предлагать не достигшим совершенства: они просто не смогут не то чтобы его усвоить, но даже должным образом его понять. Что же остаётся? Образно говоря, детское питание, «мягкая пища», назидательные зрелища. Иначе народ, оскудевший благочестием, пойдёт смотреть совсем другие «зрелища», которые уведут на страну далече, где многие, очень многие и останутся.

Если человек, достигший преклонных лет и украшенный сединами, долженствующими означать мудрость (и житейскую, и духовную), впадёт в детство, родственники, и вообще кто бы то ни было, не будут ожидать от него разумных речей и поступков, равно как и не будут его укорять, но со всякой снисходительностью и терпением понесут крест попечения и забот. Так и в данном случае: в петровскую эпоху обмирщение общества, ослабление веры и умаление благочестия потребовали соответствующих средств врачевания людских нравов. Именно это – потеря веры и благочестия происходит и в наши дни, но только гораздо масштабней и быстрее, в том числе и по причине цифровизации зрелищ, содержание коих в основном «похоть очес, похоть плоти и гордость житейская».

В странные времена мы живём: учителями народов – в самых разных областях – стали лицедеи. Артисты и актёры учат жить – вещают, рассказывают, наставляют в эфире. Зрелища для очень многих людей стали смыслом жизни. В искусстве, в политике, в науке царит неправда; она вторгается в семьи, в души людей. И это уже почти установившийся, устанавливаемый Новый порядок, о котором тысячелетия тому назад вещали пророки: «Будет смятение во многих местах... сладкие воды соделаются солёными... друзья ополчатся друг против друга... и умножится на земле неправда и невоздержание. Одна область будет спрашивать другую, соседнюю: „Не проходила ли по тебе правда, делающая праведным?“ И та скажет: нет...» (3 Езд. 5, 8-11)

Новый мировой порядок прочно ассоциируется с Цифровизацией: сейчас эти понятия уже стали полными синонимами. Цифровизация и Театр, абсолютная достоверность (что может быть более достоверным, чем цифры и числа, печатлеющие реальность, «данную нам в ощущениях»?) и абсолютная недостоверность («Казаться, а не быть!») составляют содержание современной человеческой цивилизации, то есть жизни бóльшей части населения земного шара. Суть этой цивилизации давным-давно определена – и в целях, и в последствиях: «С сердцем лукавым первый Адам преступил

заповедь и побеждён был; так и все, от него происшедшие...» (3 Езд. 3, 21) Лукавство – это и есть то, что заключено в жизненном и творческом кредо служителей Театра: актёров, сатиров, вакханок, режиссёров-корифеев, обитателей сцены и оркестры.

И что же теперь? Неужели нам остаётся жребий безысходности, томящего душу ожидания грядущих бедствий? Конечно нет. Удел «издыхать от страха грядущих бедствий» предлежит чуждым веры, не имеющим надежды.

Всё очень просто: надо «веровать – и жить по вере»!

Правильные ответы каждому из нас и всем нам даёт сама жизнь, вернее, Сам Господь – через жизненные обстоятельства, через людей, через трудности, через вразумления и радостей, и скорбей. Полагаю, что и сейчас надо тому следовать. Что это значит? Это значит – обратиться к урокам жизни. Так и сделаем. В начале XX века была издана небольшая книжица: путевые заметки, опыт исканий ответа на самый главный вопрос – и опыт обретения ответа. Книжицу составили очерки известного в то время московского журналиста Валентина Свенцицкого. Однажды, странствуя по горам Кавказа, он услышал из уст одного из отшельников-монахов историю чудесного (даже парадоксального) освобождения от мира, лежащего во зле, и от душепагубной страсти.

«– А вон и о. Никифор! Слава Богу! Теперь, значит, всё хорошо будет. Я боялся, что он ушёл в церковь.

Быстрым, бодрым шагом навстречу нам шёл старик невысокого роста. Очень худой. С громадной белой бородой... Меня поразили его глаза. Глаза у него очень большие, серые, светлые... Белую бороду ветер отдувал в сторону, и весь он казался сказочным лесным дедушкой...

– Я в миру скверно жил, – говорил о. Никифор, – а о пустыне с самого детства думал... Вы послушайте-ка, милый братец. Был я приказчиком галантерейного магазина. Потом сам хозяином стал. Богато жил. Жена была хорошая, тихая... А я жил очень скверно. Всё, что в голову приходило, то и делал, точно узнать хотел, что из этого выйдет*. Мать у меня была. Она говорила мне: „И день и ночь о тебе молюсь, а ты всё живёшь по-прежнему“. Я просил: „Не бросай, ещё молись“. Жена померла скоро. И стал я чувствовать: пока от денег не освобожусь, ничего не выйдет. А отдать их сил нет. И стал я сам себя обманывать: вместо того чтобы просто отдать – мотать их. Решил всё извести! Извёл. И вижу тогда, что могу. Но всё ещё связан был. Только когда к Новому Афону подъезжать стал, почувствовал, что освобождаюсь.

---

* Современная концепция Театра, представляемая профанам.

...Прощаемся. Отец Никифор кланяется и жмёт руку. В утреннем освещении маленькое личико его кажется особенно бледным и борода блестит, как серебряная...

То, что сказал мне о. Никифор, не было проповедью. Нельзя назвать и исповедью»*.

Смысл таков: если человек чего-либо доброго возжелает, Господь – ими же веши судьбами – устроит его путь и дарует, не беструдную, в подвиге, но непременно дарует – «единое на потребу».

Рассказ отшельника – некоторым образом о путях Цифровизации, ведь сейчас деньги, управлявшие всем в мире, отчуждившемся от Бога, – это цифры, с помощью которых теперь, сейчас, в XXI веке, тоже стремятся властвовать над всем и всеми...

А что же о Театре и его рабах – лицедеях и театралах? Ответ тоже даёт жизнь, обретшая достоинство и силу жития.

15 сентября Церковь совершает память святого мученика Порфирия. Он был императорским актёром при дворе Юлиана, вошедшего в историю как Отступник. Император отрёкся от Христа и сделался яростным и жестоким гонителем христиан. Юлиан, возрождая язычество, преследовал, мучил

---

* Свенцицкий В. Граждане Неба. Изд. «Русская Арктика». 2014. С. 54–57, 67, 91.

и предавал смерти веровавших во Христа и явно глумился над почитавшими Спасителя. В один из дней своего рождения император повелел устроить театральное представление, содержанием которого были кощунства и осмеяние христиан. Порфирий участвовал в представлении: в театральной пьесе он исполнял роль христианина, принимающего крещение и осмеиваемого. Когда актёр, изображая принятие таинства, погрузился в воду купели, произнося «Крещается раб Божий Порфирий во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!», произошло невероятное. Порфирий объявил себя христианином: чудесное действие Божественной благодати, соделавшей из лицедея исповедника веры. Сначала и сам император, и зрители восприняли это как продолжение пьесы. Когда же всем стало ясно, что на сцене происходит настоящее, отнюдь не театральное *auto da fe* – исповедание веры, тогда Порфирий был предан жестоким мучениям, потом обезглавлен. Это произошло в 361 году.

За полвека до мученичества Порфирия нечто подобное имело место в правление императора Максимиана Галерия, жестокого гонителя христиан. Актёр Ардалион был известен как талантливый лицедей. Одна из его ролей: христианин, высмеиваемый язычниками. Однажды прямо по ходу пьесы Ардалион исповедал себя христианином. Всё выглядело очень натурально. Публика рукоплескала. По сю-

жету актёр, изображавший осуждённого на муки, должен был продолжить игру: согласно сценарию – отречься от Христа, а кесарь милостиво даровал бы жизнь оставившему веру в Распятого и принёсшему жертву языческим божествам. Но постановка не была продолжена. Сцены отречения не произошло. Вместо этого зрители увидели совершенно иное: Ардалион исповедал себя христианином. Он уже в настоящей, а не театральной реальности был предан мучениям, а затем приговорён к смерти – особым способом. Его сожгли, причём казнь была придумана поистине с дьявольской мстительной злобой того «божества», которому Ардалион служил во дни своей театральной жизни лицедея. Его сожгли – живьём, на гигантской сковородке.

Агиографы, составлявшие мученические акты, равно как и историки Древней Церкви, не останавливаются на ужасающих подробностях такой казни, – вполне возможно, что, во-первых, современникам тех событий всё было очень понятно (в языческом мире первых веков нашей, христианской эры Театр занимал слишком важное место). Во-вторых, жития очень лаконичны, они передают главное, не вдаваясь во второстепенные детали. Суть в том, что бывшему лицедею, ставшему христианином, была уготована мучительная смерть не на «сковороде», а на его последней «сцене» (она не случайно имела форму круга). Казнь была устроена

как последнее «театральное» представление. Ардалиона сожгли на столь своеобразной – раскалённой «сцене» языческого Рима...

Григорий Богослов так характеризовал эпоху гонений: «Мы стали общим посмешищем без малого для всех других людей и во всякую пору, во всяком месте, на площадях и попойках... Уже и показывали нас со сцены, и, что я едва ли не плача говорю, с разнужданнейшими людьми; нас высмеивали, и нет ничего более весёлого для слушающего или смотрящего, как осмеивается христианин».

В агиографию Церкви вошли имена тех, кто, отвергнув лицедейство, Театр, мужественно взошёл на поприще исповедничества Божественной Истины и на ристалище подвига был увенчан славной и святой смертью за Христа. В наших святцах это Порфирий, Ардалион, Геласий. В Западной Церкви известен и мимический актёр Генесий, во время театрального действия, высмеивавшего христиан, открыто, в лицо Диоклетиану объявивший себя христианином. Он был приговорён к смерти и казнён.

Судя по всему, имя Генесия не было включено в диптих святых Восточной Церкви вследствие следующего обстоятельства. В средневековой Европе среди «людей искусства» – миннезінгеров, менестрелей, музыкантов, бродячих и не бродячих артистов – было популярно творение некоего трубадура из Прованса. Следует заметить, что Прованс и осо-

бенно Лангедок в Раннем Средневековье известны как оплот антихристианских ересей. С XVII века Генесий стал почитаться католиками в качестве покровителя актёров; его изображали менестрелем, играющем на каком-либо музыкальном инструменте, то есть «святым» актёром. В современной Ирландии существует театральная премия святого Генесия. Лучшему актёру Ирландской католической гильдии актёров вручается статуэтка этого святого.

Впрочем, в наши дни и в демократической России очень многие друзья и почитатели театра, кино, актёров и артистов – одни наивно, другие лукаво, кто-то вполне убеждённо и со «знанием дела» утверждают, что, как пишет один из апологетов святости «настоящего театра», «Бог есть и в представлении, то есть в театре... Через усилие представления Бог появляется. Представление – это вход в Церковь. Искусство представления – это актёрское искусство... Упрёки в лицедействе не побуждают актёров оставить своё искусство, а побуждают играть правдиво, чтобы вызвать у зрителей сочувствие... Ардалион погружает Театр в Христианство, окропляет театр своей мученической кровью. Правда жизни и искусства тут сливаются и достигают своего апогея»*.

И что на это сказать? Поистине, в смутные времена живём, господа...

---

* Алабин Лев. Святые комедианты / proza.ru

В Евангелии есть притча о пшенице и о плевелах (Мф. 13, 24-30). Пшеница, хлеб – основа жизни. Поле, на котором растут и пшеница, и плевелы, – это наша жизнь, во всей её сложности. Плевелы до того, как наступит время колошения, фактически невозможно отличить от пшеницы. Семена плевел содержат сильнейший яд – синильную кислоту. Человек, отравившийся плевелами, хлебом, в помол которого попала мука плевел, умирает – в страшных мучениях.

Но если неблагодарный сеятель вознамерится прополоть сеявку до жатвы, неизбежно будут исторгнуты и прозябения доброй пшеницы: человек не сможет различить ростки пшеницы и ростки плевел. Почему? Потому что человек зрит на лицо, а Бог зрит на сердце, и только Ему открыты помышления сердечные... (1 Цар.16, 7) И если человек будет действовать по своему разуму, неизбежно им будут исторгнуты добрые проращения, и дело Сеятеля потерпит ущерб. А оно должно быть совершено – и доброе зерно всё, без потерь, должно быть собрано в хранилища домовладыки Христа. Есть одна особенность: прозябения плевел появляются раньше, много раньше проращений пшеницы. Но это замечено было ещё в глубокой древности, со времени грехопадения, когда сеянца дьявольских плевел пали в сердце Адама. *Mala herba cito crescit* («Дурная трава быстро растёт»). Дурная трава дей-

ствительно растёт быстро, гораздо быстрее прозябений добрых...

И всё-таки, несмотря на всю необратимость последствий сеяний – доброго и губительного, Сеятеля и врага рода человеческого, побеждает Добро. Бог долготерпит – и делает всё, чтобы каждый мог обрести и обрёл Путь, Истину и Жизнь. И исполняется сказанное древним пророком: «И если извлечёшь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста...» (Иер. 15, 19)

То, о чём в древности писал блаженный Феодорит Кирский (IV–V века), вполне современно и сейчас. «Слышал же я, что некоторые, кормившиеся от сцены, внезапно причислялись к страстотерпцам, и соделались достойными победы, и получали венцы, и после публичного исповедания отогнали демонов, которым были подвластны прежде». Суть христианского подвига неизменна, как и неизменна природа человека, несмотря на все ухищрения цифровизаторов и лицедеев совершить грандиозную революцию окончательного богоборчества в совершенном отвержении замысла Творца – Промыслителя мира.

Эти истории – о поиске веры и Бога московским журналистом, услышавшим рассказ отшельника об удивительном освобождении от поработившей страсти сребролюбия, и о чудесном обращении лицедеев, сердец которых коснулся Господь;

и они ответили на безмерную любовь Христа своей жертвенной человеческой любовью, перестав быть лицедеями и явившись исповедниками Истины. Эти истории, как и бесчисленные, никогда не прекращающиеся примеры действия Божественного Промысла, и есть ответ – и ответ каждому. Бог спасает нас, но не без нас! Не следует искать готовых инструкций и общих правил. Всему и каждому – своё время. Наивное выписывание якобы универсальных лекал – напрасный, суетный и безблагодатный труд, ибо только Бог зрит на сердца, а люди в абсолютном большинстве – «на лица» (1 Цар. 16, 7). Бесконечность, бесконечность мира – и бесконечность, отражающаяся в человеческой природе и в человеческом сердце, – подвластна только Богу. И хорошо, что есть математики – и не только математики, которые это понимают. Итак? Итак: «Что было, то и будет...» (Ек. 1, 10); «Неправедный пусть ещё делает неправду, нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё...» (От. 22, 11)

* * *

Последняя глава должна быть трудной, то есть она и не может быть иной, на то она и последняя, и должна стать неким итогом. Упростим ситуацию: пусть читатель сделает вывод сам, выслушав двух положительных героев (сугубо положительных)

в самом хорошем (насколько это возможно и применимо к театральному миру лицедейства) смысле слова. Права на ошибку не будет, потому что суждение-вывод, сделанный читателем, станет для него, читателя, признанием (лучше чистосердечным, ведь разговор – начистоту и, по сути, о самом важном совсем не только в отношении избранных персонажей). Почему два актёра? Потому что свидетельство двух (или трёх) признаётся верным. На самом деле свидетельство точно трёх, третий точно не из артистической когорты. Последним свидетельством в этой триаде станет суждение читающего эти строки. Так будет правильно во всех отношениях.

Итак, первый: Иван Герасимович Лапиков – заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии. О нём есть очень удачный, беспрецедентно удачный фильм из цикла «Острова».

Второй: Евгений Павлович Леонов – народный артист. О нём тоже есть фильмы.

Сделаем так: из этих фильмов приведём самые важные цитаты – и ничего от себя. Максимально кратко. Только цитаты самих героев, слова близких, фрагменты закадровых текстов. Ничего больше.

Итак, «Иван Лапиков». ВГТРК «Культура». 2021 и «Евгений Леонов» (Острова. 2006), плюс о нём же «А слёзы капали». Лекс фильм. 2006.

«Иван Лапиков». *Длинный общий план, проход актёра. Закадровый текст:*

«Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род приходит, и род уходит, а земля пребывает вовеки... И оглянулся я на все дела мои, которые сделали мои руки, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета... И ходи по путям сердца твоего по видению очей твоих. Только знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд. И помни Создателя твоего во все дни юности твоей, доколе не пришли тяжёлые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: нет мне удовольствия от них...» (Ек. 1, 3-4, 11; 11, 9; 12, 1)

Дочь Лапикова:

– У него отец, то есть дедушка мой, был очень верующим человеком. У них было огромное количество книг, старинных таких. Вся семья ходила в церковь каждое воскресенье, и всё было серьёзно.

Когда он, отец, работал над ролью или в «России молодой», или где-то там, где играл священников, он читал эти книги и оттуда собирал по крупицам. Я просто видела, как он лежал на диване, обложившись этими книгами и сценарием, и сценарий всегда был исписан.

И. Лапиков:

– Я рос вместе со своим городом. Книги Горького, Джека Лондона... Всё это возбуждало инте-

рес, желание глубже узнать людей, их характеры... Так что книга жизни для меня была главной. Такие фильмы, как «Красные дьяволята», «Сумка дипкурьера», фильмы с Игорем Ильинским и, конечно, «Чапаев» с Бабочкиным, волновали очень... Вот, может быть, здесь и началась мечта, мечта о том таинственном, непонятном искусстве, искусстве перенесения жизни на сцену, на экран.

Дочь Лапикова:

– Он играл много комедийных ролей, стариков там, царей, леших... Тогда ставили много сказок. Вот это ампула – это то, что он есть на самом деле. Любимый его артист – Филиппов. Это основа.

Из письма Лапикова к жене:

...Буду в Москве: на съёмках фильма «По Руси», где буду играть Иоанна Кронштадтского, сцену в соборе.

«Евгений Леонов»:

– Меня взяли в артисты, потому что у меня лицо круглое...

«Иван Лапиков». *Закадровый текст:*

Жизнь артиста на две жизни разделяется. Одна – настоящая, а вторая – жизнь персонажей, которых сыграл. Иногда и не разберёшь, где соб-

ственная жизнь, а где придуманная. Да ещё надо посмотреть, какой жизни больше получается: твоей или чужой, и не грешно ли это... – чужие жизни-то жить. А ну как придётся отвечать не только за себя, но и за тех, кого сыграл ты в жизни актёрской?.. Страшно.

Н. Бурляев:

– Как-то на премьере «Андрея Рублёва» мы с ним были в Доме кино. Премьера, общение, как будто мы с ним братья всю жизнь и друзья; вдруг он обмолвился такой фразой: «Ну что... Нам, артистам, гореть в геенне огненной».

Что он такое говорит? Такой артист! Такую правду несёт! И вдруг об этом думает? Я тогда гнал эти мысли, потому что я, в общем, в принципе, ну... я гордился этим – тем, что мы можем что-то, актёры, сделать. А тут вдруг: «Нам гореть...»

Прошли годы, я задумался... И ведь он прав, по большому счёту...

«Евгений Леонов». Актёр о себе:

– ...Мы все дети эпохи, которую можно назвать эпохой вранья. К сожалению, и сейчас это продолжается...

«Иван Лапиков». Актёр о своей роли в фильме «Председатель»:

– Таких, как Семён, я видел-перевидел... Трудности отняли у него веру в справедливость.

«А слёзы капали», *синхрон Е. Леонова:*

– Сейчас уходит идея жизни; в голову начинают лезть мысли по поводу того: и для чего ты эту жизнь прожил? Зачем жил? В Бога мы не верили, потому что нас и не учили... Мы ценности человечья растеряли... Нас призывали великие предки: не убий, не укради... Нам это потихоньку стало казаться лицемерным, несерьёзным – потому что свобода! А свобода – это значит: делай как хочешь и живи как хочешь. И тем, кто так хочет жить, не хочется задумываться, что свобода, оторванная от доброго сердца, – страшная штука.

Закадровый текст:

Однажды Леонов получил открытку, простую открытку из Запорожья. Её отправитель, Нина Карпович, написала актёру: «Уважаемый Евгений Леонов! Не понимаю, почему Вы во всяком интервью и встречах как-то демонстративно называете себя комическим актёром? Для меня Вы трагик. Я понимаю, Вам просто неловко сказать: люди, я не комик, я трагик».

Эту открытку актёр хранил среди самых важных своих документов.

Леонов на сцене у микрофона, монолог:

Я стар.
Я уже надел халат.
С тяжёлой головой,
С ленивою душою утомлённой.
Надломленный...
Без веры, без любви,
Без цели...
Как тень слоняюсь среди людей
И не знаю, зачем живу...

«Иван Лапиков». Кадры из фильма, мизансцена: старик (актёр Лапиков) идёт возле телеги, на телеге мальчик. Монолог старика:

– Одному человеку Бог один ум даёт, а другому – два, а иному и три... Иному три, это верно! Один ум – с каким мать родила; другой – от учения; а третий – от хорошей жизни...* Да!

Так вот, хорошо, у которого человека три ума, – тому не то что жить, а и помирать-то легче. А по-мрём все как есть.

Смерть – ничего... Оно хорошо... Только, конечно, чтоб без покаяния не умереть...**

---

* «Хорошая жизнь» здесь означает «добродетельная» – в советском фильме это не могло прозвучать, но смысл именно такой.

** Иван Лапиков умер внезапно, на сцене, во время встречи со зрителями. Евгений Леонов умер внезапно, собираясь в Ленком – играть в пьесе «Поминальная молитва».

Закадровый текст:

«Выслушаем сущность всего: Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека; ибо всякое дело Бог приведёт на суд и всё тайное, хорошо оно или худо» (Еккл. 12, 13-14).

Кадр из фильма: финальная мизансцена, по аллее неспешно идёт старик (Лапиков), садится на скамейку поодаль от мальчика лет двенадцати. Диалог.

– Мы, кажется, незнакомы? (Мальчик смотрит на старика.) Старик произносит, представляясь: «Дедушка».

– Просто дедушка?

– Ну да.

– Ну а как она жизнь-то, вообще?

– Хорошо.

– Ну да, так и надо.

– Вообще, трудно...

– Хорошим людям часто бывает трудно.

– Очень трудно. Потому что всё зря.

– То есть как это: всё зря? Нет. Зря ничего не бывает!

* * *

Post Scriptum

В данном случае самое важное, чтобы книжица сия была написана не зря – и чтобы тот, кому она попала в руки, не зря её прочёл.

Почему-то вспомнились строки – стихотворная мета железного XX века, но и в ещё бóльшей степени наших дней:

*Когда кривлянье станет ни к чему
И даже Правда будет позабыта,
Я подойду к могильному холму
И голос подниму в её защиту...*

Однако завершение этой книжицы будет иное – но тоже не от себя, ремарка из «Граждан Неба» Валентина Свенцицкого, окончившего свою жизнь исповеднически, служителем Христа:

«– Ключи от рая даны апостолам, – сказал о. Никифор, глядя на меня пристально светлыми глазами, – поэтому всякий, кто хочет, может спастись. В раю, милый, всё живое и единый дух. А ключи от ада у Самого Господа, потому что без Его соизволения не может душа в ад быть заключена.

Теперь я пойду. Спите спокойно.

Может быть, я лишнего что сказал – простите...»

Оглавление

<i>От издателя</i>	3
глава I. Немного из истории занимательной математики.....	5
глава II. И невозможное – возможно?	43
глава III. Немного из истории занимательной философии атомизма.....	92
глава IV. Горе от ума.....	120
глава V. Главное – перспектива! Перспектива чего?.....	161
глава VI. На каждого мудреца довольно простоты	191
глава VII. Немного занимательной истории театра.....	213
глава VIII. Метаморфозы.....	247
глава IX. Цифры – Деньги – Власть	286
глава X. Меж Сциллой и Харибдой.....	316
глава XI. Блеск и нищета цифровых музыкантов	346
глава XII. Витязь на распутье – или Бог спасает нас, но не без нас	357

Цифровизация и Театр

Издательский Дом «Русская Арктика».
Нарьян-Мар. Соборная площадь, 7

Подписано в печать 04.11.2022. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная.